

Внучке Марии.

Автор

Анатолий Можаровский

Поэтические тетради

Анатолий Можаровский

Белая вишня

Том второй

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75   Белая вишня. *Поэтические тетради*. Т.2. — К., 2011. — 464 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

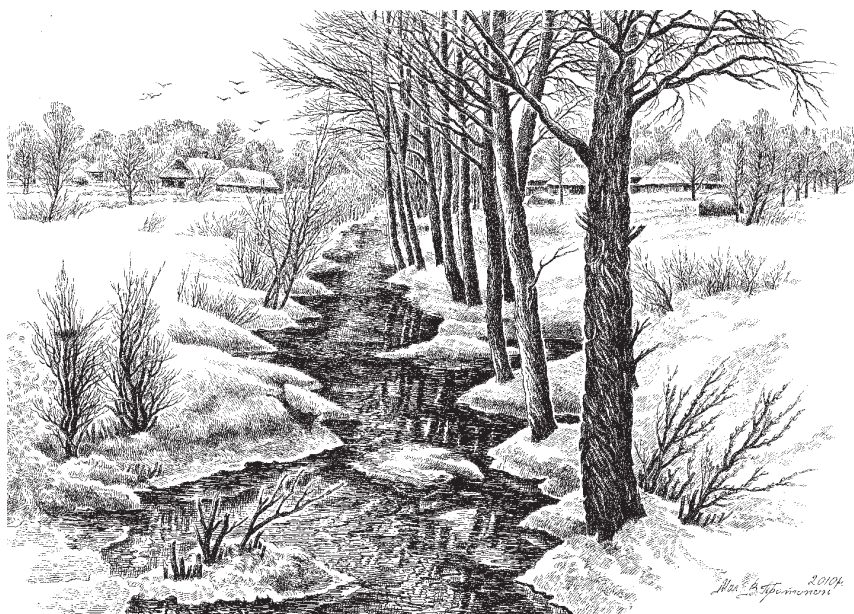
УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

ISBN
ISBN

© Можаровський А.І., 2011.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2011.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2011.

Подарок неба

***

Миазмы мерзости
из мракодальности
сознания,
скользнувшего
и сползшего вниз по спирали.
Не знаю я
как это вышло,
но там практически все лица
вижу,
что и здесь,
лишь пополам:
пол-лица тут —
пол-лица там.
А нас учили науки диамата,
где Ленин резал правду-матку,
что все развитие
лишь вверх
спираль.
Но все наоборот —
сползаем вниз,
где видим
гульвующих всюду бесов,
и женщин наших с ними,
нагишом.
Все так скрутилось, смешалось,
завертелось
в поисках счастья
и наслаждений.
С утра —
кофе с сигаретой,
секс,
газета,
и дальше день несет
все ближе к ночи.
И под луной
мы все хохочем,
и, упиваясь темножизнью,
катимся вниз,

где видно нас
в другом лице
наполовину,
а в конце,
стараясь позабыть
все, что сотворили за день,
пирог трудов замешанных
на лжи
с прослойкой совести уснувшей
пирог, где сладости
нетребья,
спьяну
соедим,
и отодвинем день еще
один,
туда,
где яма
и спираль
до дна.
И так живёт
почти что вся страна.

20.05.10

***

Возьму совок, метлу и кочергу
и пойду
на мнимый, выдуманный
верх,
все уберу.
Верхи...
Кто придумал
разницу их с нами?
Такие же на вид, как мы,
ну, чуть получше
на костюмах ткани,
ну, чуть холенее лицо
и чисто выбриты еще,
прически слизко-гладки —
с утра
их личный парикмахер
дует феном,
укладывает пряди,
кому есть что сложить,
а, чаще, глядя
головы с блестящей лаком
кожей у мужчин.
Да ладно, —
бриолин на волосах,
губы сладки, —
они ведь тоже люди,
не подарки.
Но кто-то допустил
ошибку:
то ли они,
а то ли мы,
сжевав картинку
в телевизоре или
журнале,
решив, что это верх небес,
и все они сидят
там высоко над нами.
А все не так.

Я докажу,
когда кого-то
кочергой за зад там зацеплю,
метлой — в совок,
и вы увидите все снизу,
что там — не верх
страны.
Мы ближе
к небу,
вы мне поверьте.
Хоть лака нет на ноготках
у брата,
но он другой,
он искренне
откроет мне лицо
и сердце.
А вы мне о верхах
придуманных!
Страх
от них струится
к нам,
но это — их страх
по делам,
которые творят.
И кочерга моя
покажет всем обрат
их дел закрытых
под ковром.
Клятву верности
они давали:
— Бом-бом-бом...
Двойной стандарт.
Звон колоколов в их личном храме,
их верх,
он, больше, — зад.

20.05.10

***

Ветер, когда-то чистый и свежий,
сегодня с запахом бензина и нефти,
полетами старых кусков
полиэтилена,
пластик бутылок
стучит по коленям —
свалки и кладбища
вокруг городов.
Всего две проблемы
у мэров,
всего,
где спрятать мусор
и где укопать
покойников толпами,
где землю взять?
Плюс — новые стройки
урбанопроецесса.
Ломают головы
слуги прогресса,
избраны слугами
на благо народа.
Пустые просторы земель,
хороводы
из мусора
и разных отходов,
и это при том,
что меньше стало заводов.
Люди сбиваются в кучи
в бетоне,
а рядом — леса
и чистое поле,
но мы отвыкли
от запаха пота
во время страды, косовицы,
подавай нам доты
из шахт
и металлопроката —
кожура

из бетона —
«хата»
ее называют жильцы и жилички,
стеллаж
и не более.
Плюс электрички,
тыщи несчастных
везущие в город
где запахи нефти, бензина
и муссора горы.

20.05.10

***

Во Вселенной тайной все покрыто,
что ждет нас впереди
пока закрыто.
А на Земле
секретов нет:
должность и корыто —
в них главный смысл,
причем, открыто.
Здесь ты — заместитель важного министра,
тобой страна, семья гордится,
а там ты можешь быть
из пластика канистрой,
в тебе бензин или смола
будут храниться,
здесь ты вице-губернатор,
и как гусь серьезный,
а там — аккумулятор
в мастерской сапожной.
На выборах работал на
команду, что с терриконов
вниз спустилась,
или печатал в рыла люмпенам
Галичины красиво —
тебя заметили
и привезли в столицу,
ты должность ждешь
и радуешься тихо,
а там ты можешь
быть патроном —
чертенок, балуясь,
крючок спускает,
громом
ты улетаешь вдаль
с концами...

И кто скажет,
что ждет нас в покое вечности
после чинушной,
бундючной славы?

21.05.10

***

Моя судьба
мне неподъемная,
я хочу давно
спрыгнуть с этого поезда,
но еду в нем
как зачарованный,
а, может быть,
скорее привык.
Лечу под стук колес,
куда?
Зачем?
На какой срок?
Назвать другим словом
жизнь?
— Нет, —
говорю себе:
— Держись!
Срок пройдет
неволи,
кандалы старые
когда-то сброшу,
и напьюсь росы с цветов
своих лугов —
они со мной,
как фотография
или кино,
там, в памяти.
Багаж мой мал,
хоть я
за эту жизнь не отдыхал,
а слов коварных
и низких званий,
которых мне навешали в пути —
много.
Бежать до срока —
обман судьбы.

Она не даст тебе уйти,
поймает быстро,
скорее, сам придешь
обратно тихо,
и запоешь
все ту же песню
о себе:
— Свобода когда?
Когда?!

22.05.10

***

Ветер волнами
по листьям деревьев,
по травам, цветам —
умиление,
солнечный май
играет душою.
Я позабыл номер твой телефонный,
да и давно уже
замужем ты,
но весна возвращает
в осень мечты:
там, где мы встретились
в дождь под туманами,
листья желтые
в воде умирали,
ты вся светилась...
Я не ценил неба подарок —
оставил тебя навсегда...
Так поступал
не в первый раз.
Уходил,
и в одиночестве
искал надежду.
Вот так и в этот час —
я снова с мыслями
своими остаюсь,
и о душе своей в грехах
молюсь.

22.05.10

***

Поэт не ходит к прокурору,
поэт не склоняет голову
перед властью с террором,
он сам несет
себя на эшафот,
не потому что горд,
а потому что
знает ход,
которым все идет,
знает конец,
к которому придет
и прокурор с мешками
мзды,
и власть купающаяся
в густой крови
не видя горя
и забыв, что это такое,
упивается собою
в бронзе,
сея террор и ужас
несчастному народу.
Поэт не станет
перед страхом на колени,
лишь Божий страх
ведет его
по сцене жизни.
Но Божий страх —
любви начало,
и там — другой отсчет
счастья.

22.05.10

***

По полю, по полю,
по зеленой пшенице,
которая скоро заколосится,
по ночной росе
босыми ногами,
под белой луной
над облаками
и звездами ссыпанными
по всему небу
я ухожу
за закрытые двери...
Дом родным мне казался
до щемы,
и в сердце моем
намек на измену
в сгорающих углях любви
не посеять.
Но край мой родимый,
обошелся со мной
по другому —
изменой.
Я не стучусь
в закрытые двери,
нет и обиды
и нет обозленья,
может, чуть слезы
и освобожденье
от обязательств моих
перед всеми.
Белеет на небе
заря,
вот-вот солнце взойдёт
и согреет лучами
продрогшее тело,

озябшие ноги
и путь мой
под ним
далеко по новой
неизвестной дороге.

22.05.10

***

Люди «чистят» себя лекарством,
люди «чистят» себя голодом,
организм «вымывают» от шлаков,
а мысли все те же пользуют,
и туда заглянуть страшно,
там всего столько крутится:
змеиных клубков зубастых,
грешных помыслов —
золото, деньги, власть
любою ценой сорвать
для пользы своей,
для тела,
радовать жизнь оготелю,
а затем «промывать», «очищаться»,
молодить себя постоянно.
Бессмысленно все
и уродно,
бесполезная трата средств —
кожа
все равно постареет в пергамент,
ноги двигаться будут вяло
от сладострастий, еды пресыщенья.
Мысли —
в них наше главное
предназначение,
через них и дела добрые,
через них кротость личности,
скромность,
через них любовь
и помощь ближнему,
через них мудрость от Бога.
Мысли — начало действия,
с ними борьба неравная,
но побеждают смелые,
избравшие путь расцвета
совести в сознании.

23.05.10

***

Покосы травы в мае
под солнцем горячим
и ветром сухим
на глазах увядают
превращаясь в сено,
душистое, сладкое,
подарок природы божественной —
на зиму
корм для животных
и запахи сеновалов,
где не раз
с любимыми мы бывали.
Кружит голову
вином горячим
запах сена
и тела сладость,
плачет душа
за ушедшими днями,
за жизнью в природе.
Сегодня все всё позабывали,
время меняет движением
механизма цивилизации
образ жизни —
все в железе
и скорости
грации
полетов машин
на земле
и под небесами,
на отдых,
к далеким морям
с чудесами
экзотики стран,
сохранивших древние смыслы,
а мы присоединились
к тем, что
в век железный вышли.

23.05.10

***

Время скоро наступит такое,
что все деньги вновь
превратятся в солому.
— Новая волна кризиса банков, —
так объяснят олигархи,
деньги свои сбагрив заранее
в золото, земли
страны-Морянии,
сбросив бумагу
простым и алчным.
Кризис финансовый
от олигархов,
как раз под июль,
в разгар лета,
когда все согрелись
и заняты этим...
Деньги сгорят,
как было не раз,
но обучать будут
всех нас
снова и снова:
— Деньги — полова!
Когда мы поймем
и выйдем из игры,
олигархи останутся
без черной дыры
из нас, из народа,
и не с кем им будет
строить просторы
обмана обора —
останутся сами
со своими
бумажными цацкоденьгами.

24.05.10

***

Сине-белое небо
облаками клубящимися —
то морда зверя,
то гора с камнями,
меняются внешне
под дуновением ветра,
движутся медленно
в синеве бесконечной,
солнцем облитые
пока нет бури.
А земля — зеленая
жизнью изумрудной,
и только цветы
всех красок возможных
разрывают зеленый
цвет осторожно —
крапины чуда
цветы земные,
пока нет бури.
Пока нет бури —
солнце лениво,
и я лениво
вместе с природой
созерцаю
птиц свободу,
полет их в неге
спокойствия мира.
И вот с юга,
медленно, черно,
закрывается облако,
за ним — второе,
синерадость
уходит с неба.
Первый гром
и небо темнеет,
солнце скрылось,
исчезли птицы,

первый дождь
стыдливymi каплями
неуверенно падающими
редкими плаксами
как стесняясь
за начало бури,
но тучи давят —
и вот уже лужи,
потоки ливня
с громом и молнией,
ветром сильным,
ломающим все, что можно —
цветы дрожат
от страха и силы
холодной воды
многих кувшинов.
И мне вдруг снова
весело, радостно
под весенним громом
увидеть разницу
бесконечно меняющуюся.

24.05.10

***

Не принимаю стоны и слезы
сытых, богатых,
от истомы
холений тела.
Буря в стакане
вдруг налетела
водой из гряды высоких гор,
где тает лед —
для них везет ее пилот
рискуя жизнью
своей, других.
Слезы богатых —
смеется мир.
Скуки жизни,
безделия,
забот мелких,
секса, любви —
не принимаю,
пока хоть один в мире есть
путник голодный,
в ранах, весь
искалечен болью,
но идет.
Глаза бездонны,
добра в них —
на многих хватит,
не ласкан негой,
один как лист,
но крохи духа —
с любовью всем,
кто его встретил
и не согрел,
и хлеба не дал.
Но без претензий он.
Улыбку неба
с честью несет.

27.05.10

***

Я не боюсь
снова с тобой любовь начать.
Я не боюсь
встретить тебя опять,
как и тогда
в первый раз —
волны волос
в вечерних огнях.
Я не боюсь
начать все опять,
хоть потом
та же все грусть.
Я не боюсь.
Я не боюсь
вновь перейти
морские пути
с тобою в любви,
в вихрях огней
солнца и звезд.
Все как всегда
с нами вдвоем.
Я не боюсь.
Ненадолго и грусть —
ну и пусть!

29.05.10

***

И снова выстрел,
и снова пуля,
труп на асфальте,
и киллер сегодня,
не рискуя,
свободно уйдет соседней
подворотней.
— Такие времена, —
скажут потом
историописцы.
Чикаго тридцатых —
там тоже
было такое,
но спаслись все,
и, разбогатев на переделе
собственности,
стали
именитыми
гражданами сразу.
Вот так и у нас.
Сначала бандотряд,
оружие,
могилы по стране,
грабят друг друга.
А по мне —
не станем мы
Чикаго никогда.
У нас — топор в башку
или труба.
От бессердечия
и сатанизма стада
в душах всех
налево и направо
будем резать —
у нас инстинкт кошмарящих зверей,
а доброта — на полчаса,

во время посещения церквей
раз в месяц,
или с перепоя
в какой-то понедельник
с опухшими глазами
омыться вроде бы
горящей свечкой.

30.05.10

***

Как-то в казино играя в покер
Джонсон сказал,
и все скоро свершилось —
новая власть на нас свалилась.
Болиды
из межзвездного пространства,
ненастье
на город на холмах.
Залпы салютов:
— Бах, бах, бах!
В бело-синих жилетах,
красных галстуках
и картузах кожаных,
желтых штанах
под цвет
укрблока,
наколки на руках.
Как готы древние взошли
квадратным строем,
им нравится всходить
под воем
тех, что профуфырили
пути,
теперь — из дыма шашки,
матюки.
Джонсон сказал тогда,
и как бы невзначай:
я мол могу их остановить,
И слить как плесенью покрытый
чай.
Но что с того?
Нам нужен всем урок.
Преподнесут его
в виде обещанных
улучшений
благосостояния народа —
поможет
налог на пиво и водку
налог на курево.

А то зажрались,
хотели языками
как в башне вавилонской,
мямлить, кому что в ум зайдет.
Джонсон прикрыл рот,
салфеткой белой
вытер с губ пирог,
и снова в руки взял две карты.
А в это время в казино
вошли
как попугаи яркие
солдаты.

31.05.10

***

Под конец дня рабочего
из радио плывет музычка,
какой-то парень блеет
о девичке,
о любви к ней,
и о том, чтоб не ушла,
о лице ее, что видит в снах,
и о том, что ниже
от лица,
что это все его судьба.
Слюни капают из радио
на пол,
уже как лужа от дождя,
а он, паяц, все воет, поет
и рыдает, что она уйдет,
и сам не понимает —
это правда или сон.
Судьбу свою с девицей сплел,
и в этом главное его
предназначение в житье.
Слюни капают,
а может коротнуть,
ведь двести двадцать вольт —
не фунт!
И я, поддавшись,
без трудовых побед
промямлил день —
пивцо в обед,
тоска.

01.06.10

***

— Стой! Руки к стене!
— Да пошли вы все!
И быстро ноги взяли старт —
кого-то догнали,
кто-то ушел,
милиция тоже сейчас
с мозгами,
какого министра не ставь.
За эти три ходки
президентов на трон
так все менялось,
а крайний патрон —
сержант, с учебки
только вчера —
поэтому столько в ментов
и бухла
курсы меняются попеременно:
то на народ —
и народ на крайнары,
(не путать «хату» и в море Канары),
то на сближение с породы
“рогатый”.
Долгих пять лет
стояли лопаты,
пылились,
и спали менты все спокойно.
Сегодня по-новой:
пиво привольно
уже не попьет
распившийся люд —
крутит в бумагу —
почти Голливуд!

01.06.10

***

В больнице
на койке —
не курорт.
Заходит доктор —
хлоп тебя по ручке,
фонендоскоп на грудь,
и понял что, не понял,
ложи в карман ему целковый.
Заходит медсестра,
укол —
червонец гривен,
и: «Пошел, больной!»,
так говорят здесь всем,
на следующий осмотр.
Дзень-цень!
Да не китайский город это —
монеты падают
в кабинеты.
А вечером, лежишь в фигне,
болезнь бушует,
в душе так чумно:
за три дня — триста баксов
слупила докторня.
Страна старается
растить нам докторов,
вузы штампуют их
больше коров.
Эх, нам бы молочка парного,
чистой воды...
Но висит над тобой
попрошайка-вымогатель
как мошкara весной.

01.06.10

***

Бюрократія, олігархія,
нові реформи
для народу:
паски на штанях затягнути
знову треба,
бач.
Вони пройшли свої реформи,
вони багаті,
а ви чекайте
чергових
років п'ять
кращого життя
і дармових ковбас.
Мо б зменшити багатство
олігархів?
Зробити їх нормальними людьми,
їм же горіти в пеклі?
Ні!
Їх статки міліярди до кінця!
А крихти зі столу
чи півбуханця
хліба черствого
ділити треба на країну —
не хвата...
Це й дурень розуміє.

03.06.10

***

В центрі столиці
величезний рекламний щит:
хто вкрав у Києві землі
двісті гектарів?
І не міліції ніде, ні СБУ.
І тільки люд гуде —
стільки землі!
Кидаю все:
роботу і сім'ю,
в приватдетективи йду,
працюю день і ніч
за власний кошт —
в мені
кипить образа за громаду міста.
Спливло немало часу,
я знаю ім'я злодія:
це — влада —
украла
всю країну.
І знову тиша —
мене не чують.
старався
я даремно.

03.06.10

***

Сегодня вот снова заблеяли:
ищем палку, пастуха,
да чтоб поле засеяли
и туда нас, в хлеба колосящие,
размножаться да жрать:
это счастье нам —
экономика
вместо вечности,
экономика — цель
безответственность
за свои мысли, способы действия.
В храме служба,
и пастырь взывает
на молитву к Богу,
и знает
наш заблудший путь
обжиралова,
и побольше рвануть одеялова,
а мы слушаем
и согласны,
и уверены в том, что
в небесах все с нас сгладится
за присутствие
в храме воскресном.
Потом к телевизору, строим.
— Экономикадохнет!
орут нам с трибуны
политики-лгуны,
будто ради нее
мы пришли в этот мир
и страдаем.
Но никто не святится венцами
за экономику
главную
на земле сегодня и завтра,

вот поэтому крики «ура»
ведь снова обещана пашня
и порядок в стаде
настоящий,
чтоб никто не собирал
чужие отходы,
и в клочки шерсти чужие
не совал свои морды,
чтобы все по понятию
вышло —
крик «ура», радость глаз
за цацанку с названием
кормышло.

03.06.10

***

Мир изменился,
другнулся —
понравилось. И согласился
в таком же трансе побыть еще.
Но ностальгия:
что оно,
там, внутри?
Покой сорвало.
Вернуться в старость
былого и привычного застоя?
Всё не просто,
и не так —
здесь, как в любви,
не повторить,
память тянет, просит
даже тех,
кого там не было.
Утех так мало,
надоело,
и ностальгия душу моет,
а свет, что впереди, —
фонарь,
позади кладбище той страны,
и нет возможности
вернуться через сгоревшие мосты.
Ропот здесь
с утра до ночи:
— Нам что-то строить?
— А! Европу!
И взялись внешне за работу:
дороги, тротуары...
Что ты?
Это не так!
Там все — другое!
А здесь — топтание
с таким тупым душевным
общим воем.

03.06.10

***

Крила з неба падають наші,
легкі, пушинками,
на вітрі гойдаючись,
все ближче до землі,
поночі,
в місячному світлі
малі.

А ми з тобою
очима сухими
дивимось,
ловимо кожнісінький рух...
Нам забракло
любові
злетіти.
В місячнім сяйві
в останній
надії
тебе я тримаю за руки,
цілую,
пробач...

03.06.10

***

Буднями серыми дни занавешены,
их бы в театр,
на штору повесить бы
в спектакле, где грусть
и слезы сочувствий.
Но это — мои серые будни
в ожидании
полосы темной,
которая сменит светлое прошлое.
Черные дни
с повесткой печали,
черные дни...
Мы их дождались.
Даже захочешь,
не перескочишь, не перейдешь,
пока все не сгинет.
Ты перетерпишь,
и сильным вновь выйдешь
на светлую полосу
окон без штор,
откуда солнце
первым лучом
с утра рассветного
по стенам, в лицо.
Светлые дни,
не будни они —
сплошное веселие,
праздник души,
и радости столько!
Пиши не пиши,
не передать бумаге,
чувства которые
поднимают тебя,
игрушкой
кажется жизнь навсегда.

Но там, в глубине
сознание, точка —
она настороже,
и шлет тебе строчки,
что скоро, повесткой,
вновь черные дни,
буднями серыми
ты их стойко прими.

04.06.10

***

Онкологический центр.
Больница.
Энергия нелегкая струится
уже с подходом
к лечдому.
Коридоры, коридоры,
в глазах — воля,
надежда,
усталость,
обреченность.
Врачи здесь ко всему готовы —
резать, капать и колоть,
поддержать хорошим словом,
улыбнуться, приобнять.
Но после комнаты,
где грязь,
мебель старая, матрацы,
заходит врач,
и деньги
на лапу нужно положить,
ведь день реформ
в стране,
и доктор должен
сладко жить,
как бизнесмен
или артист,
продать больному обществу
труды
университетские,
“колы”,
прогулы, пьянки,
ранний секс.
Не все оттуда выходят
нести свой тяжкий крест,
огромное количество болванов —
под стать знахарям —
и раны им чужие не болят.

Грязная комната,
бабло,
а потом, как правило,
дорога в вечную кровать...
Реформы по стране,
едрена мать!

04.06.10

***

Не всі із пантелику збиті,
що є серед вас, брати мої,
воїни великі,
поодинокі,
повстають проти зла,
і я радію,
що Україна не злягла
помирати
і стогнать
в паралічі і втомі.
Радію,
бо є сини,
а не тільки конвоїри плебсу.

06.06.10

***

На холодной траве,
льдом блестящей росе
босых ног
отпечатки
остаются за мной —
я иду на свиданье с тобой.
Туманом белым
река накрыта,
легкой рябью дрожит вода,
запах аира
вдыхаю.
Моя река...
Слеза
щемящей болью —
мне много лет —
встречусь ли еще
с тобою...

06.06.10

***

Твій образ
зі мною
у важкі часи,
я маю надію
тебе десь знайти.
Омріяна в травах духм'яних,
омріяна в снігах,
пустелях,
в лютих морозах,
на самоті дум безкінечних,
тебе тут нема,
на землі.
Безкінечно
йшов я світом,
бачив стільки людей.
Вітер
приносив запах твого волосся,
пронизаний морем
і сонцем,
але лиш на небі хмари
білими горами
стали,
сподіваннями там побачити
образ твій,
і щастя наче
зі мною завжди і всюди,
але тебе немає.
Заблудлий
я лишаюсь наодинці,
вглядаюсь в лице кожній жінці,
але не прийшла ти влітку,
не прийдеш і взимку
в квітах
твого омріяного мною обличчя.

І тільки там, далі,
за небом,
де нові планети
і хмари
ти мене давно чекаєш.

06.06.10

***

— Слава комуністичній партії
Радянського Союзу! —
почув я голос із кущів
в занедбаному лузі
І я туди тихцем крадькую,
дивлюсь, а там
хлоп'ята років по п'ятнадцять
курять коноплю.
Перед ними карта
великого колись есесесера.
Я подих затамував:
— Оце концерт!
І знову по затяжці
кожен робить,
і чую:
— Ще б треба написати
листівки,
розклеїть по селу,
дістать гвинтівок...
— А мама, — один каже, —
скоро із Італії пришле
євро,
і я зможу в діда Пунька
“травички” купити.
— Те стерво не продасть, —
промовив другий. —
Треба у нього її вкрасти.
І, потягнувши диму,
далі балачку ведуть:
— Леніну курінь поставим,
отут, на горі,
ближче до села.
І я тихцем подався геть...

Гори сміття,
іноді трава десь,
як намисто,
світилась до мене через
бруд цивілізаційний,
а я все думав
про село своє
і нове покоління.

08.06.10

***

*Пісня колишнього секретаря
райкому компартії України,
нині кобзаря в Києві*

Що з нами час зробив цей
переломний,
скільки люду він кинув
на смітник історії,
скільки в історію вляпались
дупою,
аж затріщало у них за вухами,
скільки пропало у бізнесу вирі,
скільки з бандитами...
А дехто не випав з компартії —
їм непогано там зверху
висіти,
мов прожектор в країну світити
тінями Леніна-Сталіна-Брежнєва,
наче й надія жевріє,
що повернеться коммуноартіль
від Курил до Тиси...
А фіг!
Ті що керують уламком Совдепії,
самі не хочуть знову
під Кремль іти.
Тепер все не так.
Ми повертаємось в печери,
щоб звідти почати
неандертальцями
новий свій шлях до кумунізму
без помилок партії.

08.06.10

***

Зарежем, убьем, укопаям,
подвесим, сожжем заживо
в печке
и свесим
ножки с лавочки
после трудов.
Завтра захват фабрики псов —
засели там незаконно!
Мы их подкурим с утра,
выбросим вместе с директором —
акции
в нашем кармане!
Мы корпорация
с гордым названием
“Рейдеры мира”.
Нас оббоялись все,
и Пальмира морская
наш остров сокровищ —
там отдыхаем,
девочек ловим,
а потом снова орда привлекает,
и мы движем силой,
и побеждаем.
Хоть, если честно,
мы сами трусливы,
но под партии флагом
скупаем кресты и иконы,
спасаясь,
смотрим в их лики,
упиваясь
силой своей
былинной, от хана.
Мы победители,
но только немного
нас небо смущает...

08.06.10

***

В цветах и травах луговых
я обнимаю тебя.
Крик
чаек летящих в вышине,
пение птиц —
тебе и мне.
Я обнимаю, целую,
я люблю и тоскую,
зная, что все пройдет.
А пока, пока
плывут по синенебу облака,
а пока, пока
плывут и тают облака
и смотрю я в синь
горизонта —
мы одни.
Искры солнца светятся
в твоих глазах,
ты одна такая
навсегда, одна.
Все проходит.
И любовь пройдет,
как облака
по небу синему,
и вновь
другие будут
здесь любить...
Река останется
и синь небесная.
А пока
по небу облака, облака,
ты — моя.

09.06.10

***

Ты ищешь любовь и страсть,
потом попадаешь в напасть,
и криком птицы молишь всех помочь
тебе,
чтоб не пропасть.
В мире, ставшем чужим вдруг,
ты — одна,
а друг, снова не тот.
Отошедши от сердечных ран,
снова в пламя,
где любовь и страсть,
и думаешь ты: “Все здесь по-другому”.
Но там, где страсть, там разум
отдан на излом,
и вертишься уж не ты —
твое сознание, мечты
уходят в грешное пространство.
Там нет любви,
там только танцы
пьяных тел.
Несется кайф
оставив память
обезумевших объятий,
и тело выжатым лимоном
которое не станет больше
домом
для души,
и все болит,
душа страдает.
Вернуться б вновь душе,
переступив потертый, измазанный
порог,
назад, где сердце,
совершившее не раз
жестокий грех,
любовь закрученную в страсть.

10.06.10

***

Моя война,
одна, сплошная,
и, вижу, без конца,
и не сравнить ее сегодня
со свистом пуль
и минным воем —
там все открыто,
в поле,
и знаешь ты, на что пошел,
что ждет тебя:
ну раны, боль...
А здесь, в моей войне,
враг изощренный,
и вдвойне
его атаки,
он ранит прямо в сердце
адской вонью
пороха своих дыханий,
и ветер носит смрад
гниющих душ.
Переживаний
было много,
но привык
больной наш мир —
ему уже давно гаплык.
Смотрите на семью,
ячейку,
ёдрена мать,
там — блядство,
казначейство;
смотрите
на права
на труд, на отдых —
голова
свернется,
и не встать назад
от юмора, что черный.

Я солдат,
хоть званий больших получал
не раз,
но я солдат,
я рядовой.
Назад
я не уйду,
и кровь моя везде
на карте, где
колонны
прав и
обязанностей
Родину хранить.
А где она?
Ее можно уже давно купить.
Зачем мне кровь лить
на пустяк?
И я избрал свою войну.
Мне правда — зная,
ордена — любовь,
я сам их делаю
и награждаю
вновь и вновь
самых достойных,
что в окопах до конца.
Война
моя тяжелая,
но честная война.

14.06.10

***

Предали, предавали,
предадим, продадим,
предадим и купим,
и не раз.
Сегодня красный,
завтра розовый,
потом и синий делегат,
затем опять
менять, менять
и мысли,
и достоинство с ружьем
на деньги,
что зелененьким дождем, мешками.
Предать, продать,
и в спину
что-то острое загнать.
Можно и без денег,
просто так,
из ненависти,
в зависть
что рванул
больше, украл, скопил
скопнул.
И предают.
И без стыда,
без осуждения суда —
к расстрелу суку!
Гнали без вины
от зависти и злости
коммунизму верны,
потом капитализм пришел
опять,
и снова предаем
как блядь
страну, семью, казну,

соседа за углом
по качану
из-за того, что у него жена
получше,
и ему и так хватило
счастья —
пусть в землю валит,
повалиться.
Предать, продать
не раз:
что партию,
народ,
что газ
из-за которого возня.
Сегодня газ,
как новая религия у нас —
фигня фигней,
но предаем
и будем предавать.
Откуда это в нас?
Предать, продать,
гулять и спать,
чтобы потом, набравшись сил,
опять предать.
Не изменить
мышление
и душу не спасти,
а только
выгодно
продать,
предать,
и в новый круг
предателей войти.

14.06.10

***

Сполохи яркого света в ночи,
молний рвущих небо,
часы
медленно тянут стрелки вперед,
молнии рвущие вновь небосвод,
грохоты грома издалека
приближаются,
а пока
все в напряжении бурь ожиданий.
Мысли, сбитые в камни
страданий,
а, может, наиграно
больше чем нужно?
Нам бы попроще быть.
Буря
ломает, кружит
водные вихри,
и гром не молчит
ни минуты,
падают ветви деревьев,
и гнутся,
те, что моложе
до самой земли —
удивили
покорностью
бесповоротности,
молча растут и ломаются.
Просеки
буря
рвет по пути,
и в ней столько
красот непокорности.
— Прекрати! —
ей бы сказать.

Но молчу, упиваясь
силой энергий,
не надрываясь
играет природа
в ночи темной
под вспышками молний,
и нет той тревоги,
что сразу, вначале.
Я изменился,
и повстречаю
еще не раз бурю —
в ней столько силы,
чувственной, милой!
А ветер несет
воду потоками
с рваных огнем
небес открывающихся
на миг.
Восторг
выражаю слезами,
дождь их смывает.
Любовь между нами
стихий мироздания,
и я славлю Бога,
и ночь эту славлю,
промокший,
счастливый.
Еще бы немного...

14.06.10

***

Был паровоз
именем «Феликс Дзержинский»,
города были
Ленина, Сталина —
их вроде как любили.
За списки расстрелянных,
в лагеря уселенных,
забранных ценностей
народ очумело и очень умело,
даже настойчиво,
славил вождьплемя.
Сегодня смельчало все:
все по-другому —
сами тихонечко мрут
по больничкам,
где нет лекарств,
доктора и сестрички —
кассиры больше,
но и без чеков
на лапу взимают.
Кто в силе,
бегут на арбайтпросторы
сытых земель стран издалеких,
что здесь остаются,
вождеств не любят,
и называют их именами
тележки:
“кравчучки”, “кучмовозы”, “юшки”
для перевозки домашнего скарба,
фруктов и прочих земельных
богатств.
Увековечены в тачки —
ёлки то палки! —
а как назовут костыли,
горшки для лежащих
в больничках облезлых?

Глянца журналы,
стильных ведущих-телеболванистов
и радиозвезд
как назовешь?
Думай, народ!

14.06.10

***

Я срублю тебе дом на реке —
деньги я сорву на «челноке»:
обложу его данью,
как и все,
кто рубит дома на реке.
Я построю комнату
на полстраны,
в ней барабан поставят
мне краны —
большой, огромный, на заказ,
и все свои проблемы
враз
я сдам барабану,
и твои,
тоже не вопрос —
скажу: возьми!
А мы счастливые в любви
на деньги от барыг.
Учти,
баран,
ты нам
по барабану —
и жене, и мне.
Дети подойдут,
и им ты постучи
папками по «кумполу»
и научи
жить, как и все:
по барабану!
Слышь,
путеводитель,
жизни нашей
освободитель!

14.06.10

***

Озверение озверевших,
взрывание оскотиневших —
театральные подмостки мира,
дьявол — главный режиссер.
Кумиры склок, скандалов,
и просто с дурьметрством,
без халявы, жертвы,
отдаются черту в шкуру,
а дьявол крутит, вертит кругом
и мы давно все с ним.
Болванокубометры
под злости мантры
с утра под солнцем над рекой
фиглюет русский мат.
Утраченный покой.
И глаза детей —
туда, сюда —
от страха,
а потом их свахи
близкородственные, но уже с рогами,
свезут,
и будут все здесь с нами.
А дьявол радуется глумящемуся хаму.
В росе
играет солнце переливом
в цвете,
но мы уже давно
не видим это.
Взрывая тело, ум,
взрывая всех
долдонится семья, страна,
и смех
из лежбища бесов.
Как просто и легко
сдаются под копыто с охапкой
грязных слов,
по образу, подобию
кого?

И кто,
и кто нас вытащит
в гумно, где собрано
здоровое и
чистое зерно?

15.06.10

***

Білим цвітом
з неба злитим
на моїм подвір'ї вишня
посеред весни
в білім-білім убранні.
Крізь квіти
небо
голубе
в білих хмаринках
гнаних
вітром теплим з півдня.
Біла вишня, небо, ти...
Очі голубі
і волосся білим шовком,
посмішка щира —
донечка, Марія...
Для тебе вірші я пишу
як тебе люблю.
Днів моїх нестерпно тяжких
моя дорога до Отця,
а біла вишня
мій останній полустанок,
де затримавсь я.

15.06.10

***

*Михайлові Малюку,
Євгенові Пашковському,
Станіславу Бондаренку та іншим...*

Нічна глибока тиша
рветься в лахміття гудінням
оскаженого джипа,
стовпи світла
від галогенних фар
ріжуть простір то тут то там,
і вдень, коли ревуть повсюд
мотори,
кричать, вищать
торговці хором,
на вулицях народ
вигулює розкіш,
хтось пролітає з возиком товару
заклопотаний,
хтось перегаром сопе —
нема спокою.
Світ кипить.
А по ньому день і ніч,
крізь гамір іде
спокійною ходою
гурт апостолів від слова —
священну місію Бог дав
своїм пророкам,
і тихо
несуть вони слова.
Не всі почують.
Мало хто сприйма
ті істини —
в них грошей живих нема.
Є живі слова
для тих, хто хоче чути.
Спокійно, тихо,
як колись в жнива,
несеться слово...

15.06.10

***

Платимо податки, дядьку,
на все, що є у вас в достатку —
будинок, сад, автомобіль,
перина, жінка
і теплий бік її,
що гріє вас.
Платіть за все!
Базарить,
ринкувать —
не вам!
Вам мови дві дали за так,
але не для протесту,
зась!
Уряд дає наказ
вам, дядьку, —
поменше їсти,
менше бабу
грить на перині,
а хапать граблі, лопати
і працювать!
Затямте: ми ведемо вас, олухів
чубатих
в світле життя,
де тільки двадцять штук
країн багатих:
Німеччини і Франції
там не було,
і вже не буде —
ми витіснимо Данію
чи Швецію,
хай блудять нижче двадцяти!
Нам треба гроші,
щоб тягти оці вози
туди, де щастя назавжди.
А баба тепла —
то грішки,
вони завадять нам дійти,
а от податки —
то основа!

Ми нових підкрутим
вам
для блага всіх,
кого ведуть
туди де двадцять
нас чекають.
Он, чуєш,
бубни по дорозі б'ють...

20.06.10

***

Как научиться жить не убивая
воров,
подонков всех мастей,
прощая кровь передвинутой межи
вдовы,
забор украденной земли
на благо детям,
для которых уже сам плюгавый
план сварганил?
— Погибнуть прежде времени, —
что-то тихонько шепчет мне внутри:
— Живи, иди,
прости,
он сам себе нашел капкан,
потомкам ограничил план.
Другой терзает там внутри меня,
как пламя от огня,
и, содрогаясь, я кричу:
— Убью, сожгу!
Свобода —
либеральный уровень для дров,
для головешек обгоревших
тел забор:
— Мое, мое, мое!
Пошел ты вон,
рабец, рабок, тупонедоумок!
Ты не смог,
а я поставил все себе:
земля, вода.
Свобода — это по мне.
Век несвободы ХХІ снова —
отбил час!
Моя земля,
моя страна —
хозяева сродни уродам,
факт!

А мы все — в несвободе,
выживая в конкуренции борьбы,
кусаем, жалим
другого,
такого же...

А вы, хозяева моей страны,
запомните:

холодный день,
колючий снег,
и, вдруг, штыки —
готов ли ты?

Я не шучу.

И это не мои мечты.

Запомни: снег,
и острые штыки...

21.06.10

***

Бешенство и сказ.
В который раз
я ощутил его оргазм
из нечистот
глубин человеческих сердец —
и все на нет.
Труды любви
для излечения пусты.
Себялюбшь
и эгоизм
взрывают тишину и мир
потокот трассирующих пуль.
Как излечить,
того кому с этими
болезнями тяжело жить,
и инфекцию нести
туда, где кто-то робок,
кто-то тих, а кто-то не нахал?
Как излечить?
Я думаю, что это — невозможно.
Терпеливо ждать конца,
погребального певца,
и все нечистое уйдет
с душой...
Куда?
Что б не попасть и мне туда!
Куда?

21.06.10

***

Любовь не презерватив
в пакете с силиконом,
любовь это нечто
совершенно
другое,
любовь — это когда в глазах
рассвет
и солнца первые лучи в ответ,
любовь — это звезда
поющая в глубинах
Вселенной,
тогда
в глазах ты видишь этот
свет
мерцающий как
симфонический оркестр.
Любовь — когда
в глазах
ты видишь облака,
где место для тебя
всегда.
Любовь — когда
всегда придут,
любовь —
когда всю жизнь
прождут,
и слезы — только счастья —
по щекам.
Любовь —
когда
ты счастлив сам,
не зная почему и как.
Любовь — с небес,
а на земле
все просто так...

21.06.10

***

Я ждал тебя долго
и трудно,
я ждал через сумраки будней,
я ждал...
Ты пришла
весною,
не временем года,
хоть и апрель
и погода,
а весною в цветах и травах,
деревьях в первой листве,
дубравах
наполненных тайной встречи.
Ты ворвалась со светом,
и я все принял.
Я жил не собой,
а под другим именем,
я был как заброшенный
в тыл,
серьезным,
я исполнял какую-то
ненужную для нас должность.
Крик птицы в ночи
не пугал
ласки любви
уходящего мая,
ласки любви июня.
Солнце и поцелуи,
счастье таким огромом!
Где ты?
На Земле
или за нею?
...Думаю, ты обо мне все
знаешь.
Ночью смотрю
в июньское небо,
ищу твой взгляд

и верю
в день, когда рядом
встанешь.
Прости меня!
Это
такая любовь,
что только в мечтах
за миллионами бегущих
километров и лет
бывает.
Ты ждешь и все знаешь...

21.06.10

***

я до тебе
килимів лугами
чистою водою озерцями
білими туманами
я до тебе
в світанок
через ніч де місяць
срібляну зробив дорогу
я до тебе
через ніч
де марні тривоги
я до тебе
сповнений любові
я до тебе
щастя мило
через ніч летів
мила радість насолоди
твоя врода
під зеленою вербою
повен щастя
із тобою

21.06.10

***

Не бросайте слов на ветер,
унесет, а вам на память
эхо,
и так — год за годом.
Эха — горы
а слов унесенных
не видно, не слышно,
и не вернуть.
Живите с эхом
как-нибудь.
Пустые ушедшие строчки
смогли бы заполнить
любви отсрочки,
но ушедшие реки слов
на ветрах
не вернуть, не вернуть как любовь,
а мне — эхо.
Что с ним делать?
Слов осталось очень мало.
Как мне с ними
в мире пусто —
не сказать, не объяснить.
Эхо гор невнятных
звуков
слов на ветер
снова дует.

21.06.10

***

Спадає вечір в ніч ідучи,
і теплий дощ
із хмар пливучих,
ще світло з неба пробиває.
Вітром вимитий, водою,
вечір неквапом відходить.
Чи повернеться він завтра?
Ніч вкриває ніжно нас,
і дощ то рідшає, то знову
нова хмара,
і я від неба очей
не відриваю.
Далеко ті шістнадцять,
коли опівночі
співалось
і любилося так нестерпно...

22.06.10

***

До схід сонця —
бомби,
на кордоні —
автоматні черги.
Вогонь,
пожежі,
дим нестерпно їдкий,
смерть —
солдати, діти...
Сірою пацючою ходою
йшли в землю нашу
бузувір-герої —
убити
сьогодні треба багато,
щоб швидше перемога —
бліц!
Солдати великої війни —
и ті, що в ранок
йшли чужий,
і ті, що впали на світанні —
чиїсь сини...
Вожді
їм викопали рів
на всю планету,
щоб злити кров
полеглих в битвах
за вождів
і “філософії”,
де так багато
гарних слів
здуманих зрозумленим
мізком...

Світанок в прірву.
Сонце
сходить всім —
вже померлим
і ще живим.

22.06.10

***

Ветер играет твоей головой,
в потоках его волосы
набегают волной
на мое лицо,
влажные губы шепчут
что-то любя,
смешавшись со слезами,
и привкус счастья соленый
губ и слез твоих.
Я окрыленный.
Волосы нежно с ветром
ласкают меня,
закрываю глаза —
видеть тело твое
в солнечном всплеске лучей
мне тяжело,
я не верю себе,
что это пришло.
Время куда-то ушло,
в открытом окне
как на экране кино
город мой стал ярче,
и на волне
эмоций и страсти
я отдаюсь твоей власти.
Ты всеравно пришла.
День уходит в вечер
короткий,
спускается ночь,
фонари
освещают нам потолок,
луна оранжевой краской
покрыта вдали.

Я снова ныряю
в чувства свои
к тебе
и с тобой —
ты поддаешься игре,
вливая мне счастья
и радости
любовной волной.

23.06.10

***

Редкая экономика
встречающаяся в Европе:
чем больше выходных дней,
тем меньше получается страна в пролете.
Праздники, одни за другими,
иногда сменяются буднями,
когда нужно на службу идти
или на оставшиеся заводы.
В праздники пьем, едим:
дачи, грядки, базары и магазины,
село, огород,
ягоды и грибы с рыбалкой,
деньги с кармана,
и опять — базары и магазины:
наличные, как модно нынче говорить,
из «чулка» — в «экономику»,
где только базары —
рыночные движители
капиталистической муддали,
к которой идем
через переходную экономику:
это ж надо же как назвали!
Я брошу писать стихи,
и засяду за докторскую —
диссертация для
комиксов, веселая и необычная,
без юмора это не осилишь.
Я изобличу эти периоды,
и разберусь с «экономикой», которая
с ног на голову:
выходные и праздники —
вот это жизнь!
О такой когда-то
мечтали
«сачки» или «валенки»,
как их называли,

а сегодня — всё
в законе:
пить, жрать, базары и магазины,
наличные в казну страны,
иногда рабочие будни,
чтобы мысли разные
не донимали.

26.06.10

***

В темноте своей
раньше мы приглашали
варягов —
князей над городами
славы земли нашей.
Сегодня идут какие-то людцы,
называя себя сынами
сами,
править нами
с такими же стемневшими умами
как тыщи лет назад.
Нас не избрали
небесами,
а те людцы, что нагло
взяли голыми руками,
они-то как?
Их что, избрали небесами?
Я думаю волнами,
волна из мыслей уплывает вдаль,
что-то нагрев в мозгу,
оставив штиль —
печаль,
и новая волна
с тем же вопросом
основным на гребне,
хоть тресни,
волну мне не свернуть,
она сметает груз прошлых
тяжелых дум,
очищает путь,
чтобы потом мне
отдохнуть хоть чуть-чуть-чуть.
А мысли, волнами, опять
в девятый вал
гуляют,
не давая мне покоя.

И сейчас вот снова:
что мы за люди?
Что за страна,
что нам нужны
правители
с насмешкою и презрением
ко всем?
Отбросы от
земли чужой —
нам, вечно подневольным,
с такой своей родной
землей.

27.06.10

***

*Михайлові Малюку
в День Конституції*

Україно моя, двадцять літ незалежна!
Народ вимира,
а влада співає: воскресла!
Народ
двадцять літ вибира:
та красивого дядька, як Ленін,
що хитрим прискаленим оком
іскри пуска —
жінки за нього щасливо белькочуть,
мліють в ногах;
то псевдодиктатора,
що із завзяттям пацючим
стягнув людьми нароблене
в купу чортячу,
і при нім, хто рученьку мав нечисту,
і собі потягнув
скільки здужав,
а хто совість зберіг
тихо вив від розпуки.
Сльози гіркі в ріллю,
за конячкою з плугом,
щоб хлібина до прісного
столу зросла,
а горілка ріками
потекла,
спаливши
дочасно мільйони...
Потім листя горіло
багряним вогнем —
осінь з неба спустила
месію.
Та був він у люльці дитячій —
не доріс ще
народ спасати.
Над нами посміялись
і здухнули мов лист усохлий.

Нового обрали «вождя».
Час плине,
люди відходять,
нові рідко приходить
на землю —
душі їх плачуть-ридають
ще там, у Бога,
щоб іти не сюди,
а в інші світи,
бо тут відмучаться
і всеодно поїдуть.
Бог перстом
нам давно показав
де дорога,
а ми все питаєм:
— Як іти?
Де той шлях?
Хто спасе?
Боже слово немов
не нам писалось,
тремо думки,
де все більше зла,
по макітрах,
в яких давно вже
щілини видно.

28.06.10

***

Белым, белым, белым
чудом облака,
а за ними голубая река.
Я за белым светом потянусь,
а там снова чудо —
моя Русь:
белыми березами леса,
белым светом облака,
неба синь
и синь реки,
белые березы
как столбы
вдоль дорог,
по которым мне идти
пришлось не раз.
Шепот листьев,
птичий пев,
сладкий сок
обливает твои губы,
и плывет
мое сознание в леса,
там где встретил
я тебя.
Краса
русской сказки детства
наяву,
и я снова стал ребенком
и плыву
в голубые небеса,
там березы мне смеялись тоже.
В моем сердце —
русские леса.
...Поезд нес и нес меня
в реальный мир,
ты осталась среди берез
и, казалось,
потерял
свое я счастье навсегда...

Много лет прошло.
Ты ко мне пришла
в глубоком сне
голубоглазая краса —
Русь белоберезовая.
Никуда ты от меня
со своей любовью
так и не ушла.
Я с тобой
в те далекие года,
я с тобой в те белокурые леса,
к той, единственной,
что потрясла
и осталась со мною навсегда.

30.06.10

***

Я закроюсь в пространстве
книжном,
я сжаться хочу в комок,
я не хочу с нелюдью просто выжить,
я жить хочу,
как горный поток,
водой хрустальной, холодной,
лететь через камни вниз —
повороты,
углы острые,
солнце,
брызги искр.
Я не хочу быть
заводью тихой
тиной покрытой —
камыши
и запах
стоячей воды гнилью.
Я не хочу с вами выжить,
я жить буду сам,
а срок
при беге воды к морю,
по горным грядам
не мне
определять.
Я слышу
ваше желание лет:
побольше в серости будней,
побольше со шлеей на груди,
продлить выживание
ценою любой.
Не приду
я к вам
на встречи, беседы
о том, о сем —
уныл день проходит,
и ночью
вздохи тяжелых снов,
и так — день днем.

Я буду сам искриться
в свете летящих брызг,
мне не легко будет житься,
но лучше свобода,
чем пыльный плетень
каждый день.

01.07.10

***

*Нехристю,
укравшему сотку дачной земли
у вдовы участника ВОВ
и узаконившего ее
у безбожной власти г.Киева*

Не переходи межу вдовы,
открой ты книгу жизни,
посмотри:
там для таких как ты
написано Перстом
Бога Вселенной
и Отцом детей Земли.
А ты?
С женой-«училкой» и детьми
сдвинул забор,
украл сотку земли
вдовы
мужа-инвалида той войны,
где не был ты.
Они спасли весь мир,
и нехристей нечистых
немало тоже,
чтобы потом их вдов
теснили мерзкие подонки.
«Училка» — мать и дети,
грешные воры,
на вас сегодня жаль смотреть,
вы вызываете сочувствие за грех,
который унесет всех вас
с Осокорков
на дикий серный пляж,
где будет море бесконечное
земли,
со змеями и скорпионами пески,

а ты
сражаться будешь с гадами там за
каждый миллиметр пустынь
огромной площади
безверь
с женой, детьми на миллиарды лет,
и жалить будут глупых вас там
каждый день.

01.07.10

***

От сытости жизни —
скорое пресыщение,
от удовольствия, радостей —
неудовлетворение
с раздражением ранним.
С восходом солнца
всех видишь болванами
в кривом оконце.
От достатка — скорый час
к злости и зависти:
всего, вдруг, мало
и мир бы объять и забрать,
но не случается,
и достаток становится
сплошным недостатком.
От любви к нелюбви —
малый путь и время быстро.
С расстояния лишь видно
кто затоптан
и обижен.
Убивающих любовь
всегда больше.
Вновь и вновь
на пике чувств
хочется еще чуть-чуть,
но другого и другой.
Начат поиск,
мир большой,
и людей в нем не счесть.
Грохнута любовь,
и честь
отдается без конца,
в поисках любви —
горечь,
появляется не сразу
дряблость щек и тела,
разом перед зеркалом
трезвят,
на закате солнца —

блядь, —
говорят уже о ней
старой, хилой и больной.
Все сильнее бег
в поисках любви,
убитой дуростью.
Живи,
наслаждайся и ищи,
если сможешь, —
посвищи
в лесу, болоте,
крупном городе.
О черте
вспомни, как тебя плутал
хвостом,
гладил рогом,
копытом
светил меж глаз,
а казалось — просвещал.
Виноватых не вини,
виноватым
помоги,
можно — хлебом
и водой,
можно — словом.
Если свой,
и услышит, и поймет,
чаще — нет.
Умом плывет
по гнилушке-речке дури
прямо к дню,
который вскурит,
оборвется все
за счастье,
если понято несчастье.

02.07.10

***

Старый дом
вот — на слом.
Сколько поколений жили в нем,
сколько были счастливы, любили,
сколько было горя, слез,
сколько раз враги
из земли далекой
приходили,
и жили, как будто, навсегда в нем,
но сметало время их,
и снова — истинный хозяин,
детский крик,
и снова смех,
и снова слезы.
Старый дом,
в палисаднике березы,
кусты сирени
и жасмин весной,
птичьи напевы,
и свадьбы...
Дом —
на слом,
столетия служивший
домом
родным для многих ушедших
незнакомых
исчезнет навсегда с земли...
Стою, смотрю,
и соловьи,
мне кажется, уж не поют,
а плачут,
ворона крик на березе,
плачет
кузнечик безобидный в траве...
Дом, бывший домом
для стольких людей...

04.07.10

***

На параде в честь главкома
на трибуне
царственны персоны,
эшелоном,
а внизу — чиновный люд
в стаю сбит:
без очков не разглядеть
силуэты, лица.
Бегут
стадом козлобаранов,
хищных крокодилшакалов
длинноруких,
гребнями гребут все
по карманам и насестам.
Мчится стая,
вверх махая,
криком
поздравляя на трибунах
стаю меньше —
главноверха и царевичей,
прибывших с утра
отдаться на короткий миг
для счастья
стае, что хранит режимы
много лет
и исполином
держит люд труда и глупи
по бессильности науки,
по стечению времен.
Все — по стаям,
и влюблен каждый в каждого,
кто выше.
Тех,
что ниже,
можно — в шишку
гребнуть лапой,
тех,
кто выше,

главное лизнуть собачьей
преданностью.
И на этом интересе
стая мчится много лет,
управляем кабинет,
где они сидят и пишут
вниз для люда
документы в исполнение,
их так много,
и волнение
снизу в люде забурлило
пару раз
за лет триста...
Изменился люд с годами:
поколений новых — маты,
на работах черных — труд...
Но сегодня выходной —
День главкома
славит люд,
стаи преданно бегут,
о демократии поют.
Эти песни, эти звуки
лишь немногим
сердце рвут —
они не в стае,
брезгливо терпят муки
и мрут все раньше срока.
А свобода
прет волнами
децибелов
над страной
все шалая.

08.07.10

***

Почти как в той далекой-далекой
сказке
на большой корявой лапе
стоит избушка,
нет, страна, —
держится пока...
Лапа в жирных мозолях,
порослях волос,
ногтях,
крутит, вертит
не кряхтя.
Лапа грязная,
возня —
припланировано думой,
не одной
головкой умной:
лапа лапе на всю лапу
для решения по благу
всех вопросов бытия —
от земли куска
до пня
срезать лес старинный, красный,
срочно там поставить хаты,
чтоб сияли теремами,
все продать панам и пани,
лес пустить на пилораму,
на бумагу, чтоб пластами
лапой в банк снести офшорный.
Лапа лапу трет и скоблит,
чистит вроде добела.
Ну, а завтра —
все сначала:
где-то должность клану-банде
или партии диванной,
снова стос бумаг красивых
магией своей и силой
лапе трудно сжать в кулак —
пальцы скрузлые,

а так, растопылив их по-шавски,
на ладонь ложатся бабки.
И куда б ты не пошел,
будь то суд иль прокурор,
иль больничка, как на зоне,
всё — на лапу,
по закону.
Лапа стала гербом власти,
лапа стала государством:
цель из лап
и вертикаль,
по которой капитал —
в свой, родной, карман.
Лапа правит бал —
а все слова,
так, подтанцовка нагишом
при попсе
на сцене скоком.
Лапа главное, ребята!
Если лапу смять, отсечь —
домик рухнет,
брёвна кучей...
Дома нет.
Печаль.
Лапа — герб —
её лелеять,
с неё орден нужно сделать,
главный орден «экономикс».
Выше, чем герой-звезденыш,
лапа-орден,
на полгруды,
а, можно, сзади...

08.07.10

***

В далекий звездный туман
мои мысли.
Город бесконечно устал,
и я слышу просьбы, чтобы все
из него ушли,
вздохи его по ночам
бесконечные в мареве блеска,
город устал от фанфар королей,
многочисленно бесконечных
тостов питья
здравиц телам,
имеющим вес в обществ,
где оголтело-главное
должность и деньги.
Везде —
кабаки придорожные,
стекла горят в ресторанах
огнями безбожными,
здравицы силе земной,
затмившей, забравшей
тишину и покой.
Город устал,
и мечтает о том,
чтобы все из него вышли
в разные стороны света,
одни,
без привычки,
оставив жизнь величания
тел,
и без дышла
скарб на возах —
главный итог прожитого —
в звездный туман
попытки везти,
после тоста шестого.
Гороод устал,
утомленный за многие годы.

Ложь
красной скатертью
кроет столы,
непогода ума,
непогода в сердцах,
причина
застолья —
величание тела и тел
собравшихся бонз,
и бесконечности этих
застоллий
звездный туман
в небе ночном.
Я не святой,
я не герой,
но боль города
чувствую сердцем.
Сжав кулаки,
я пока лишь
страдаю...

10.07.10

***

Локомотив по рельсам:
— Тук-тук! Ту-ту!..
Газотурбогенератор первый
в стране
угу —
надпись на борту:
“Президент Тьмущенко”,
и я от радости громко кричу.
На трубе, дышащей дымом,
транспарант:
«Все на выборы!»
— Йо-маё! — скелет в шкафу.
Я не пойду.
А мимо вагоны красные, синие,
белые:
— Тук-ту-ту!.. —
а из окон — рыломорды,
им все по винту,
и я снова громко кричу:
— Не-е хо-о-чу!
Оппозиция вся перешла
в коалицию
езде —
так приказано.
Под козырек:
— Будзде!
Пыль и запах газа вокруг,
поезд ушел,
а я, как труп,
рядом баба-красавица —
первая ночь,
новые чистые газеты постелю
в нашем углу.
Ночь любви
на ложе шуршащем,
кусок оторвали,
коноплю вфиговали,

а рельсы молчат в ночи —
дом мой в яме, —
вырыл заранее,
в нем доживу
с лебедью белою
бабою смелою,
то вас от всех
всеравно убегу!

10.07.10

***

Гілками й листям
в небі
сплелися крони,
гойдаються вітром.
Очима повітря
ловлю перепливи,
гілки мережать по небу
живі картини:
берег після презливи
з громом і сонцем.
Я пару собі там шукаю,
як оця верба з березою,
в прерідній пустці
рідного краю.
Вітер липневий,
мрії дитячоспокійні
як дощ цей у липні.

11.07.10

***

По кругу клетки
стальной проковки
мечусь,
знакомый пол,
бетонный, звонкий,
знаю
каждую ямку,
царапину,
линию
судьбы-жизнеги.
Устал, и пал
на пол,
спиной к окну
в решетках
с людом,
что глядит на клетку буйных —
зоосад
моей карьеры.
Люди суют конфеты, хлеб
сквозь прутьяковки
в черной краске,
без остановки им мой бег,
и отдых — угол,
тот, что рядом.
Люди проходят,
косят улыбкой:
какой, мол, зверь!
А я по кругу,
сбивая ноги
в моей любви:
простым прохожим —
по кругу бег.

Судьбе-жизнеге
в окно, под вечер, — лунный свет:
сгорблены плечи,
застывший в камень
силуэт,
луна скрывает
изъяны сверху,
а что внутри?
Огонь,
еще сильнее
меня пали.

11.07.10

***

Шишка еловая в масло суется —
лекарство для дураков
в Кировограде плавится.
Мажь, бабка, колено
и хребтину,
лечись!
Медицина народная —
в пику официозу,
травы в банки —
народу!
Копейки звонко стучат в карманы
бизнесменов-провизоров
с горя
людей измученных,
считающих аптеки и больницы
домами милосердия
с красоткой-сестрицей.
Но красавицы-сестрицы
милосердьем не страдают.
Медицина — бизнес,
за нее башляют:
монеты, звонко, ручейком —
в карманы.
Милосердия нету,
то, что осталось — фикция, —
пойми, дурак,
не будь лохом
в натуре.

15.07.10

***

В пространстве расплавленном,
раскаленном —
небо огнем.

Люди вяло-каменные

с улиц удрали,
стойкие держатся,

просят поддать
градусов десять
иль хотя бы пять.

Лицо улыбающееся
с прохладной студии

что-то морозит,
в инее губы, —
какие-то планы реформ
построений.

Солдаты в казармах
остервенели,
хлеба созрели — их убирают,
ночью, на заре
колос выбивают.

Жизнь политеса
на морских берегах,
тишина маргинеса
согретого так
за дни июльские,
что всё нипочем.

Но осень в буйстве
с кумачом-полотном

за пламенем лета
накроет всех,

не отдохнувших
от жара небес.

И снова жизнь

в морозы:

кто на нарах,

а кто — в паровозе,
к маме, с муркой,
слезой смывая
пыль придорожную,
папироской дымя,
с коноплей уже многие,
и машинисты давно
пассажирам по боку.
Год еще один пройдет,
словно срок лагерный.

16.07.10

***

Не поучайте и не стройте народы —
приходят к власти уроды,
свои амбиции насаждая,
идеологии и программы.
Народ прогибается
тетивою лука,
но когда стрела улетает,
принятая наука
все смывает,
и остаются крохи в индивидуумах.
Народ лечится,
иногда исцеляется,
и уroda не видно,
взамен приходит сырое тесто
и возникает ностальгия:
а вот бы это,
то, что было
и гнобило,
то, что прогибало
и учило...
Улыбкой рожи гнусной —
пик цинизма,
натужно.
Пика цинизма не бывает,
ему нет конца,
он не исчезает.
Пик — это вершина,
и конец пути.
Не поучайте народы,
им и так тяжело идти,
не стройте их во фронт —
они от этого
не станут лучше.
Народы идут своим путем,
и этот путь их и учит.

17.07.10

***

Спливають світанки
в небі червонім
над початком землі.
Гомін пташок
шовк трави,
димом
легкий туман,
роса срібріє,
пташки співають так,
що несила
спокійно сприймати
ці Божі мотиви
музики вітру
і сонця,
зелені трав і дерев —
серце стискає,
хмарки білесенькі
вітер несе,
може, й дощик
нам скине.
Як лебідь
у вирій,
і ми всі до неба,
до хмар,
полинем.

17.07.10

***

Электрический ток
в самоваре струится,
кипенье воды,
пар заполняет пространство,
в комнате стало, ну, — баня.
Ты в шароварах,
казачка-жена, верная Фаня,
вся семья за столом —
праздник.
День рождения гуляем у папы.
Год отстучал
фингалом —
это так, деля кокс,
поздравляли.
это ты папе засветила
в рожу, казачка,
за понюх табаку
колумбийской сдобы —
нам его поставляют,
равняя,
страны мира продвинутые,
удаляя,
от отстающих и диких.
Кокс — в каждой лучшей семье.
У меня уже из кактуса ноги
поросли волосами-колючками,
папа дремлет,
и ждет еще тост
как получку.
Фиг кому я сегодня
поддам
на дорожку!
Кризис мира, страны,
деньги стоят
так много. И трудно
содержать мне семью казаков.

Наружно
все прекрасно:
и дом и квартиры,
дни рождений гуляем,
сортиры —
в каждой комнате по унитазу.
Но порошок дорогой стал,
зараза.

18.07.10

***

Боже!
Сколько б не падал я,
снова встану.
Твои руки поднимают меня сразу,
сил Ты дал мне немало,
но я без Тебя не живу,
а проживаю
дни в пыльной серости нафталина,
дни без Тебя —
для меня всё мимо,
но я рвусь куда-то, сам не знаю,
оставляя Тебя и Твою славу,
сам на сам остаюсь погибая.
И вдруг — Ты!
Ты все понимаешь.
Это я думаю, что
закружился в вихре событий
без Бога,
но в момент отчаяния
и безумства тревоги
руки Твои
на мне,
и снова радость,
Отец неземной,
Ты всегда навсегда со мной.
Я это знаю,
и буду стремиться
к той высоте,
где лики
небесной
ангельской крепкой семьи
в любви мир охраняют.

18.07.10

***

Облака, облака,
струит небес синерека,
и там — твои глаза...
А облака, а облака —
то горы, то твоя рука,
которой помню я тепло
в своей руке
в тот давний майский день.
Но ты ушла, как облака...
В небесной сини, навсегда,
твои глаза.
Июль,
жара,
стоят хлеба,
страда,
и цвет хлебов под солнцем
отбеленных
вновь
напомнили тебя.
Уйду я в небеса
когда-нибудь к своей весне,
где ждешь меня.
И вновь твоя рука
в моей руке,
и синие глаза
наполнят светом
как всегда.
О, облака! —
для сердца радость навсегда.
Спасибо Богу,
хоть и грех
мне
за тебя.

18.07.10

***

Оскотиненные сладостью жизни
малюют этюды
для будущих картин
своего телесно-душевного счастья.
Смердящие краски
немыслимым запахом
эгозлочинизма
за счет других,
ненависть ближнему,
и не в счет его жизнь.
Картины века
идущего где-то
сбоку пути,
хоть и цели ясны,
«церковные» люди —
крест на груди,
знамение ложится
для подгулявшей совести,
отсталости радости,
любви незнания —
картины ужастики.
Но не понимают
художники судеб
своих оскотиненных,
красками ляпают
на строптивых,
кто не хочет
терпеть насилие,
кому рвет грудь
оскотинение
человеческой любви.
Жертвенность
сердца,
доброго, горячего,
ничто не ценится
в среде хлебателей.

Шум, и топот
ближе к праздникам —
в церковь кланяться,
а, может, каяться
там, внутри, где стены, столбы
глубин душевных,
но я уже не верю им,
сердцам очерствелым.

18.07.10

***

Я жертвовал собой не раз —
командира был приказ
и я летел в тартарары,
мечтая грудью
закрыть проклятый ствол,
закончить день героем,
и оков
не чувствовать души.
Но Бог не забирал меня,
он не спешил...
И снова были жертвы —
женщина красива и умна,
любовь горела
между нами как
страна которую,
сожгли мои комбаты,
но женщину я отдавал другому,
идти стремился
верностью в пути.
Ран не перечесать,
и сердце с шрамами
давно кричит:
— Успеть
пожить для Бога и себя!
Но снова
новая волна,
и пацаны с рулем страны
приказ бросают:
— Ты пойми,
ещё чуть-чуть и все
пойдет как штык,
но нужна жертва.
Пацаны!
Терпец иссяк, и жертвовать
сегодня будете вы!

19.07.10

***

У нас есть Бог —
Христос,
но люди ищут все кумира,
идола.
Свисток,
на стадионе
мяч и рев толпы.
Кумиры, идолы
столпы
тупой толпы,
на майке ляп-портреты
из кино:
шлюхи, проститутки
и оно,
какое-то известное всем лицо,
что платье шьет
и водит хоровод-модель.
Кумиры, идолы —
действительная цель,
и мы их ищем среди
толпы.
Певцы, певички —
ловцы
души неспелой и зеленой,
которая поддавшись раз
в паленом
виде будет доживать
брынцая губками
под музыку в машине —
кайф!
У нас есть Бог,
но мы ушли
на поиски идолов с толпы
на день, а может, год —
то Сталин снова
на портретах вон,

в машинах на стекле,
то Че Гевара
на груди или спине,
то бабы разные, на выбор,
косой к косе.

20.07.10

***

Мій передвік...
лишаюсь сам один,
мов крик
у небі ворона сірого —
друга вірного.
Моя душа —
тиша і сльоза,
стомлена, надломлена, сама.
Здурів цей світ...
І ти туди,
кохана?
Ми всі —
самотність, самота...
Мій передвік —
безвихідь....
Любити
незлюбленим серцем
хочу всіх,
а вороги
всі скорботи земні
знесли
на зорі
на ріллю
моєї землі.
Сльози давно вже зійшли,
як роси з трави...
Не буде сумним
останній день-штрих,
коли
незлюбленим серцем
у вирій душа відлетить
до іншої долі...

20.07.10

***

Белая вишня
от Бога,
под Богом.
Ветви — руки твои.
Белого цвета ряды
в первой весне —
весна не бывает
какой-то по счету,
весна — всегда первая,
летам не под власть.
Небо в лазури,
пчелы, шмели гудящие всласть,
и взгляд твой,
сквозь сердце,
солнцем облитый
нежного ветра
с запахом вишни.
Я задыхаюсь от радости с неба,
Бога молю о тебе,
в белом цвете
вишня —
подарок мне от небес.
Дожить и увидеть
новый свой век
в бесконечности мира.
Вселенской красы
Бог взял жемчужинку
лучистую —
ты!
Под Его покровом любви
делишься светом своим
на груди моей
тихо, уставшая, спишь —
белая вишня,
Мария,
малыш...

20—21.07.10

***

От меня не услышите мата,
мата от меня не услышите,
от меня услышите стон солдата,
тяжелораненого,
землей присыпанного.
Меня приняли за убитого,
поленившись наклониться
и пульс на руке проверить,
очерстевшие мои соотечественники,
а, может, неприятели-звери?
Я стону и жду прихода
ангела с неба,
с ним уйду,
не дожив до победы.
Столько лет на передовой,
в окопах,
столько лет под дождем,
промокший,
столько лет верую и правдою,
а в ответ
меня умирать оставили...
Тешит мысль,
мною же надуманная —
это враги,
хоть и слышал я
родные слова
и безразличие:
“Одним больше,
одним меньше,
а возня с раненым —
от позиции
до тыла...”

Я стону и неба не вижу,
я стону и никого не ненавижу,
в буйстве бездны мракоумия
умирающий солдат
за свою страну
на войне безумия.

22.07.10

***

Мне не нужны премии,
мне не нужны оклады,
доплаты и тарифные сетки,
мне нужны просто деньги,
чтобы отдать их соседке,
любовь ее купить,
постель вином залить,
кормить ее конфетами,
цветы по комнате
букетами,
гулять, кутить...
Мне б все забыть —
фамилию свою и дом,
семью, работу
и страну, в которой мы живем.
Мне б все забыть —
и правду-ложь,
и истину как острый нож
в моей груди,
мне б все забыть
в этой прикупленной любви,
и выйти утром ранним
в толпу гудящей мрази
из грохота железа
и душным дымом
в небо,
и тоже занять ряд
куда-нибудь назад
среди мучений плоти,
сидящей в цельножизни извороте,
под радио чумное
и музыку мурни.
Уйти
от вас
незанятым такси.

22.07.10

***

Мета висоти — інші світи
безмежного Всесвіту інші доми
не для щастя буття
твори,
а во спасіння душі
рідної, кволої моєї країни.
Іди
із тихої заводі,
де заболотилось і задержавнилось
так, що вже дихати нічим
від бруду,
що розлазиться мулом повсюди
гнітючих духовних
нагноєнь абсурду:
танці дикунські,
замість чесного люду —
якісь відбрехеньки
в шоломах срібних,
морок
холодної ночі,
пугач кричить,
босоніж бродиш
між пеньків, де ліс колись
ріс віками до неба —
сьогодні порізано все,
портрети
якихось чужинців —
вождів в білих буклях,
нерідних нам...
Мета висоти —
спасіння тебе,
моя Україно.
Я буду писати,
знімати завісу
з божевільні, театру,
промиваючі очі
людям, що збочать,
мо' совість їх скрикне,

як тая дитина,
що з матері вийшла
в світ цей тюремний,
де камери, зони,
брехня стала хлібом замішаним
на сльозі солоній.

24.07.10

***

И снова в беспокойном сне
всё та же дорога
серой змеей
ложится под ноги,
и, извиваясь и шипя,
ведет в заезжий дом,
где кабака
ночной загул,
пьяных путников
и смазливых женщин
смех.
Но больше становится от этого
тревога —
почему моя дорога
не блеск крыла
несущего меня
под облака,
или в ночном все том же небе
под огромной полною луной
далеких звезд мерцанье,
или корабль весь белый
как январский снег
в море синем?
А мне в ответ —
коварный шепот
извивающейся под ногами
змеи.

25.07.10

***

Отстрелялись,
отвзрывались,
сатанея
взводный вновь лежит
в сырой траншее,
ротный и комбат
в густой крови.
Многие, всего за час,
от нас ушли.
А солнце запекает день,
и небо, как в огне,
бегущею струей металла
дожигает тех,
кого Бог оставил для побед —
ненадолго,
до ночи,
или до завтра,
а, может, месяц,
может, два —
и снова новые, пришедшие
в ряды,
полягут навсегда,
спасая жизнь
тех, кто далеко в садах
или утробах каменных домов
пьют чай
и готовят новый бой,
и тех, кто подойдет
через года
родившись в мир
где отошла война,
и будут хуже тех, что
за чертой войны —
подонки родины
и дети сатаны.
За что же кровь,
спасая этот мрак?

Готовит жизнь всегда
подъем и спад,
но наша кровь
и души в небесах
казались адом
мне тогда.
И что сейчас?
Кто и за что?
И покорен ли враг?

25.07.10

***

Люба моя!
Очі твої на світанку —
сонцем яскравим
в серце.
Над нами
тіні ранкові.
Люба моя!
За білим туманом
річка вже синя,
і я на містку
вдивляюсь до дна.
Білий пісок і чиста вода —
нескінченність життя.

25.07.10

***

Не так сидим,
не то едим,
так много горькой пьем,
и мало кто любим...
Эх, родина моя!
Как горек мне твой сладкий дым
и поученья без конца.
Дома — муштра,
властей нагайка
палача топор,
часто не за что.
Поученья много лет,
«учителей» ушло уже
в миры другие
под звон монет
на гроб бросаемых
людьми,
и новые пришли,
не те,
кого мы ждали:
по большей части
какие-то “проффессионалы”,
которые все знают на зубок —
как жить,
куда идти.
Свободы бы глоток,
той, что настоящая,
пьянит как от вина,
чтоб сон спокойным был
и не сошла с ума
на третий день со свадьбы
каждая почти жена,
чтобы мужчина не был
хмур и зол,
а просто сдержан и весел!

Не прокатить
такое никому —
учить будут воры
как жить,
а прелюбодей
займется чистотой школьных рядов.
И дым уже давно не
сладок
от бензиновых паров.

26.07.10

***

Мы все скучаем друг за другом,
разъехавшись,
любим друг друга
при встрече,
но не проходит и дня —
лупим гвозди
кто куда:
кто в голову,
кто в пах
или под дых.
Молотки стучат,
таков язык —
металла лязг
и нечисть слов,
от унижений каждый дом
страдает и грустит.
Мы разучились
всё и всех любить.
Любовь струящаяся с неба —
добрым, злым, —
здесь трансформируется нами
в гвозди,
и язык,
как молоток:
— Тук, бух!
Я так хочу
хотя б глоток любви,
кричу
в ночи,
как птица, потерявшая крыло.
Любовь, любовь...
Ее давно здесь нет,
и только
противный
металлический кол
гвоздем под молотком.

26.07.10

***

Сидит какая-то облезлая
из прокуроров-коммунистов,
простите, потебень,
а рядом — жирный толстый человек,
по виду зек,
но не авторитет
и не мужик,
а видно шавка он, блатной бандит.
Блатной все трет
и стелет под мента,
а тот, дурак, глотает все сполна
и тоже говорит,
как еще в Совдепии
привык
почистить родину
от злых
воров и прочих падших лиц.
А этот зек
всё стелет, —
хитрый, блатата! —
журчит
его язык
об оппозиции,
о тех, кто хочет счастья, вроде, всем,
о слове, что свободным
быть желает.
А за спиной
десятки лет
колонны из бандитов
«лепят клей»,
и тащат всё, что даже не поднять,
ограбленный народ...
А тут смыкнулись в ряд
блатной и прокурор.
Авторитеты стали
из комсомольцев,
все остальные —
в мужики, в труды:

сплошная зона,
где из золота штыки.
Обидно за державу.
А тот, блатной,
оказался депутатом
с самой высоты.
Прости нас, Господи,
за ложь,
которую хлебаем, пьем.
Прости нас,
глупых коз
за то, что
покорились сами вертухаям
под звон брехни
и не под ружьем.

26.07.10

***

И мнут их по баням,
тела расслабляя,
после службы державной
на шестой части рая
для избранных,
назначенных
править, водить хороводы
без песен,
чинуш оторвавшихся из ада
на землю
и умишком поднявшихся
вроде бы в небо,
с ними поющие
с эстрадных подмостков,
олигархат,
остальные — лохи.
Черта передела
новой жизнью в сословья:
вчера был актерка,
а сегодня с бородкой
или с усами
барин клейменный
с прислугою верной,
в жизнь окрыленный —
земелька, заводик,
дворец,
и, блядь, баня,
где его трут,
мнут и пиляют
нежными позами.
Можно курнуть —
жизнь куролесит,
пьяняще стучит
каблучком по паркету,
и девки визжат.
Время летит,
и его не хватает
не только на кайф,
и ад страдает

от дикого плана
сравнимого с войной:
в три смены клепают
котлы под землей,
в три смены клепают
орудия травли,
и не хватает
на наши державы.
И в баньке ты паришься
с бабой во рту,
и Бога не слышишь,
и жизнь на весу,
но это не значит,
что ты не учтён —
склепают котел
и уйдешь навсегда в адский дом,
прямо из бассейна,
в бессознательном чувстве
от кайфа массажа
и телки над ухом,
откроешь глаза
и уже не бассейн —
кипящей смолы
котёл,
не на день.
И боль шевельнётся,
где-то там,
где была когда-то душа,
но не стерпела
твоего шалаша-тела
для бань и паскудной любви:
душа отлетела еще до зари,
оставив тебе аккумулятор на жизнь
в великом резерве под куполом
стричь
баранов-людей.
Душа давно в небе,
аккумулятор много лет был в тебе.

26.07.10

***

Земельный вопрос,
к нему еще сто вопросов.
Без чести и совести
разбултыхаево Великой Руси,
ко всему,
дворцы и виллы
нас погубили —
такая надпись
на братской могиле
всей кодлоэлиты
в назидание потомкам
на камне выбита.
Ученый мэр
Москвы поповской
прибрал все дачи
компартийные в придачу
к позорному правлению
на мэриве,
другой рванул себе
гектары
прямо в сердце столицы,
и город Сочи стал
столицей горестроек —
ломали людям дом,
чтоб нелюдям построить.
И так помногу раз подряд:
сжигали дачи в Подмосковье,
чтобы расширить
себе площадь,
клепали скрыты деревеньки
для тех, кто
на подмостках песни
пел о счастье и любви,
кто не платил налоги.
Соловьи,
едрена мать, —
спустить такую Русь
в огромный унитаз!

Элита пьяная, избита,
исстреляна
и трахнута в пути
губила родину,
кранты
закрылись постепенно —
Бог не вытерпел
такое племя,
и рядом с Мавзолеем
срыли дом
сварганив
уникомогильный элитопантеон —
сложили всех.
Кошмарный сон
в жару июля,
в полнолуние
и двадцать первый век?
А, может, я вообще не сплю?

26.07.10

***

Зелені бані,
золоті хрести,
зелений тин
на зелені трави.
В грайливім сяйві сонця
білі стіни,
хрести на брамі,
хрест на хвiртці.
Люди світлі,
чисті обличчя,
куди не глянеш,
скрізь світлий світ...
Але не встояв
старезний храм
супроти
партійних лав
і їх вождя,
який волав:
— Бога нема!
Храм зламали
за кілька днів.
Всіх, хто ламав,
за рік, тихенько,
знесли туди,
звідки не встають ламать хрести
і тішити вождів кривавих.
Сплив час.
Взялись нові вожді,
криваві знамена прикопавши,
хрести і церкви ставити
щоб повернуть народ
до Бога,

але старе нутро, криваве,
чомусь сильніше —
воно й сьогодні
рогатих тішить,
а Бог чекає
на наших душ
святее дійство.

29.07.10

***

В річці чистій
посеред лісу
тече вода камінням:
а те каміння —
моє терпіння
а та вода —
моя любов,
мої вірші,
а річка бистра —
моя доля,
а ліс — то щастя,
що ти дала
моя Україна,
від Бога гарна
та чарівна.

30.09.10

***

В час, коли сонце закрилося
хмарами,
небо змінило свій колір
з яскравого,
день відкотився
в сонячнім мареві
спеки вже зайвої —
нашу місцину
купол тропічний
накрив,
і нині
думки сягають
чогось недалекого...
Котиться віз у пилюці,
трепетно кінь
здригається м'язами,
відганяючи мух,
і так жалібно
очі його вглядаються в мої...
Чим же я можу
допомогти?
Хіба що купити тебе
у хазяїна...
А що далі діяти?
В поле, на волю,
тебе відпустити?
Там не проживеш ти довго —
вовки двоногі
зловлять, збудуть
на м'ясо...
Терпи, мій трудяго,
така твоя доля...
Тут мало таких, хто любить
батька чи матір,
брат із сестрою —
кіт і собака,
і жінки кусючіші мух...

Тут мало любові.
Терпи,
вихід один —
дочекатися смерті,
і лягти в вічну тишу,
заснути,
у вічний спокій
з вічного гаму
перейти.
Любов...
Її так не вистачає.
в цьому красивому Божому світі.

31.07.10

***

Сплошная салютизация
над городом ночным —
взрывы ракет, петард
и едкий в цвете дым.
Что празднуете вы, победители
и богачи?

Столько лет каждый день
пальба в ночи,
из окна ресторана пьяный,
лысый, брызгая смолой
рассказал, что дочке год,
и с красавицей-женой
он пульнул сегодня
тыщ на сто.

Другой от счастья,
что жена удачно подтянула
пластику на попке,
закатил пирушку на
три дня,
каждый раз ракет —
на тысячи.

Третий просто решил
душу отвести,
кутнуть, гульнуть,
но не катит —
водка не вставляет,
больше кокс,
повысил дозу
и приходится ракеты,
фу ты, тоже...
Давно не было войны,
и жлобы
нервы щекочут пиротехом.
Птицы вздрагивают в гнёздах,
зимой и летом
грохот канонады
давит всех.

Широка дорога жизни,
где успех
измеряется баблом,
и СиДиРом
вместо мозгов.
Мне морали не читать,
да и кому?
Спесивому жлобу?
Широка дорога жизни,
длинен путь,
можно боком лимузинить,
не моргнуть,
всеравно добраться
просто и легко.
Бахают ракеты
в небе ночи —
черти-что.

31.07.10

***

— З кожним роком
люди все гірші... —
сказав монах-священик сумно.
А сонце випікає літо
сумом —
глобальне потепління
карає за брехні
і злолюбов:
по-злому легше жити,
і що нам істини
що Бог нам дав?
Нам хочеться гуляти,
насолоджувати
єство.
А Бог?
Нам і так важко.
От сонце й спалить все
нешчасне й зле.

03.08.10

***

Друг был у меня,
а у него была красавица-жена,
он ею так гордился,
так хвалил,
любил,
а я не устоял, и соблазнил,
уговорил
да подпоил
и положил
в траву
друга жену.
Еще был друг,
богатый бизнесмен,
хозяин на все стороны
да супермен,
и я долго объяснял, просил.
Он согласился,
и ссудил мне сумму в три мешка.
Я не вернул.
А чё?
А где его башка?
Еще была старушка-мать,
у нее сын,
в коляске инвалид,
лет тридцать пять.
Я долго объяснял
о докторах бугра,
о том, о сем,
и сговорил —
квартира мне ушла,
а сына —
в дом таких, как он.
Старушка
тоже отошла,
наверное, ее срок.
Потом поехало, пошло:
собрал так много я всего.

И совесть тоже говорит:
— Покайся и спасись.
И я всем предложил:
— Давайте, с чистого листа —
снова все мы — близкие, друзья!
Но тот жену отправил от ворот,
тот умер,
тот сболелся.
Мало кто согласен
со мною, сильным и богатым,
дружить и в мире жить —
знакомая картинка
из «Букваря»
или новейшей истории.
А зря,
что не хотите
начать все с чистого листа,
и смотрите на все это,
сжав зубы.
Во дают ребята!
Да...

04.08.10

***

Старый трамвай,
как ностальгия боли —
мечты когда-то будут ваши.
Скрежет металла,
стук колес по рельсам,
подвывая
режет пространство,
борясь с ветром,
яркие красно-желтые бока
сверкают в свете
утреннего солнца,
внутри уже забит людьми:
тем, кому повезло, сидят,
дремают,
на подножке —
смешным памятником —
группка моряков,
вцепившись в поручни,
подвисает.
Трамвай стучит,
и тот же скрежет на поворотах.
А вот и конечная:
Одесса,
голубое море,
белый песок,
и крики чаек над тобою.

07.08.10

Ты ворвалась со светом

***

Красные розы
с черной земли
в ухоженной клумбе.
Листья зеленые,
капли воды,
и небольшие лужи
после дождя.
С утра
снова солнце,
это — мечта
и явь,
но я вижу в окошко
дымку небес
бесконечности,
как и мои мысли.
Красные розы — друзья
ко мне вышли.
Где-то недалеко
река волны гонит к морю,
и я счастлив с утра
быть самым собою.

07.08.10

***

Раскаленное солнце,
огнем — небеса,
горят российские леса.
Первопрестольная красавица
Москва
в дыму,
и часть людей с нее ушла
прежде времени,
туда, в расплавленные небеса,
а часть сбежала,
бросив все.
В дыму звезды Кремля,
кресты соборов
скрылись,
затая
горькую боль.
И календарь в стене —
двадцать первый век.
А где же сила-то твоя,
человек?
Горящий лес,
горящий дом,
и дым, и смог
все выше в небо
молитвой от земли,
где стало много хлеба
у тех, кто задал жизни тон,
другие — в бедности,
их гложет зависть, злость.
Святой измученной земли
краса —
Москва,
леса...

Молитвой дым
под небеса,
гробы простых людей
и самолеты хозяев,
сбежавших
кто куда.

07.08.10

***

Вечное солнце
любви подоспевшей,
вечное солнце —
и я буду первым
с тобою везде:
в море, где,
как облака в небесах —
полет кораблей,
в зеленых лесах
хвоей пьянея,
в осенних, срыжевших,
где лист
пожелтеет,
и мягким ковром
земля запылает.
Мы только вдвоем —
любовь
согревает,
от первых морозов
инея блески,
я первый с тобой,
и останусь
до новой весны
и нового лета,
излучин реки.
Я буду первым,
объятья сжимая.
Я — до конца,
навсегда,
понимаешь?

07.08.10

***

Только деньги,
только власть
сразу — бабу-молодуху,
жить-то хочется во сласть.
Бывшая жена страдает,
детей взрастила,
силы тают,
век ее — уже за сорок пять,
ягодкой не стать.
Мне их жалко,
их так много...
И министры, и завкомы,
депутаты, бизнесмены —
бабок там
на сотни лет,
а я хотел бы
дом-приют
на берегу реки,
где горы, луг,
красивые дома,
и поселить их там,
играть оркестру поутру
Баха, Бетховена,
муштру придумать им
в природе,
может, даже огороды:
куры, кролики,
козлы —
в память прошлой жизни
и жены.
В этом бросдоме
будет легче
жизнь идти к закату дней
на деньги
бывших их мужей,
заплатил —
и привози,

без суда,
без виз,
и свободен —
рылом, телом
для услаждения хотений.
Только лишь закон принять,
голосов-то сверху нужно
какой-то мизер,
ну, хотя бы, двести тридцать пять —
коалиция пойдет
на шаг на этот,
и поймет каждый
избранец страны:
их вожди и пацаны
руки развязать сумеют,
а народ проглотит
не одну эту идею.

07.08.10

***

Рогатых алчность
без предела —
земля, дворцы, счета,
и антиквариатные хотенья.
Мчит джип
и в нем сидит
старая ветвь
рогов
измены —
за иконой
в жаркий день.
Конец недели
тешит душу,
что давно ушла
в другое тело —
ужа, змеи
или комара
с малярным носом.
Делом
занимается душа,
а тело тоже
продолжает не спеша
копить и собирать —
еще б музей!
И мчит автомобиль быстрее,
за деньги,
кровь страны, —
икону в руки.
Без совести и смысла жизни
пацаны!
Мойте рога,
пиляйте их, как маникюры,
украсьте флагами,
и флюгер
не забудьте поцепить,
который новый путь
по политесу
успеет ухватить,

и вашим детям, внукам
передать,
эти рога и флюгера,
чтоб не проспать
им
новый поворот
от Вити к Вите,
а потом же всеравно
кто-то снырнет
и новый выскочит
из тины черт.
Поэтому
музей вам,
как собаке
конский хвост,
вам флюгер —
политес,
а остальное
Сатане оставьте,
он не подведет.

07.08.10

***

Самотня тополя,
стежка край лугу
заросла травою.
Тут жили колись люди...
Самотня тополя
скинула листя
посеред літа,
як жінка, що вийшла
на поріг свого дому
забувши про сором,
на світанку, спросоння.
Дерево тихо
застигло гіллям,
на нім птахів не видно,
і над ним не літають,
луг, спотворений плугом,
заростає бур'яном —
на нім зерно посіяли,
але не зібрали —
все посохло, згоріло —
наче плата за вбивство
трав столітніх з кущами.
Самотня тополя.
Тут жили колись люди,
нині хати пустії,
якісь дачі-приблуди...
Сонце — на захід,
хмарки сірі — сльозами,
луг безмежний
заростає бур'янами.

08.08.10

***

На полі вже сосни, берези
поросли острівцями,
здерев'янілі,
дикі, порослі трави —
тут не пройти
й не проїхать,
хіба снігом замете
все це, закриє,
потім підмерзне,
звір дикий вийде —
на безлюдді хазяїн.
Це — паї,
козакам,
що так довго чекали
на землю свою
та померли.
Лежать у немочі ті,
що живими лишилися —
діти по містах
та в могилах,
бо горілка лилась,
Дніпром.
Козаками
лишилися старшини,
по містах, всі в мундирах:
шаблі, лампаси,
кабінети,
столи,
горілка, припаси...
Гетьмана булаву
президентам чіпляють.
Сором,
браття-блазні!

Холуйство і панство —
кожен пнеться туди,
а землю, що вже помирає
в диких пущах,
розтягнуть
і розкрадуть
нові гетьмани
і їхні підпанки.

08.08.10

***

Мир плыл в какой-то
геометрически закрытой
сложной квазикубатуре,
и я в ней жил
и верил дуре.
Слова гения слышны,
ты мне надежда к чаю,
два кусочка сахара кладу
и вся страна вздыхала
затаясь —
Ленин голодным детям экономил...
Хрясь!
Слетели восемьдесят лет,
и мы узнали,
что богатая и сытая Европа
в демократии по жопу
приняла на счет вождей
сотни миллионов золотых рублей,
а дети умирали
без слезы.
— Мама, хлеба,.. —
шептали губы.
— Иди,.. —
сухими серыми глазами
говорила мать,
и ребенок
уходил,
как спать...
А там, в Европе, демократо-
либералы
тоже иногда страдали —
им не хватало на дворец
или войну новую вести
за чай и хлеб.
Мир плыл
и я в нем жил
во лжи,
в алчности
и зависти.

— Скоты! —
говорю себе.
Я тоже стал таким,
и хлеб,
мне лишний,
наполняет дом,
и в нем,
по-новому,
но все же
плывут куда-то невпопад
такие же пороки,
как и тогда,
когда
Ленин жил,
и будет жить всегда,
сатана.
И как спасти и изменить себя?
От Бога помощь?
Да!
Один лишь только Он!
В молитвах попросите
сытость не рублем,
не долларом
и евро,
в молитвах попросите
неба
чистого
и чистых мыслей,
любви,
которая дымом вышла,
оставив дом, страну и мир
во лжи
и роскоши
гниющих заживо
душой в коросте.

08.08.10

***

Ночей любви забыть
невозможно с тобою.
Ночей любви,
когда ты становилась волною,
я плыл бесконечно в тебе,
а ты накрывала меня
с головою.
Ночей любви,
обласканных летом и светом
нашей луны,
когда все становилось
несметным —
и чувства, и время
не прерывались,
и мне казалось, что
я в тебе растворяюсь.
Разум наш уходил
к звездам сквозь дали,
мы так любили.
Я жил тобою,
Наталья.

09.08.10

***

Предрассвет.
Серых тонов пространство
плоских фасадов зданий —
нет объема
пока нет света.
Квадраты темных окон
впечатаны
рисунком из книжки,
нет еще птиц,
стоят деревья тихо.
Скоро Господь
тьму прогонит солнцем.
Стою в проеме
двери открытой
в ожидании чудес
первых солнечных лучей,
солнце нитями
прошьет застывший серый цвет.
И вот он:
наступил рассвет,
еще раз день
увидеть нам дано —
чудо рождения
живого
под солнцем.

09.08.10

***

Любовь горячей пулей в тело,
любовь — и новый выстрел в шею,
любовь — и кровь
красит одежду,
траву весеннюю
и розы
красным цветом.
Любовь не умирает,
а уходит вместе
с душою в небо.
Любовь и память
слиты в вечность,
буквы золотом печатают
на сердце
первый взгляд,
и первые шаги
друг к другу.
Помоги, Господи,
и сохрани
того, кто любит,
защити
от той любви,
которая не есть любовь,
а лишь похожая
на счастье.
Вновь
борьба двоих:
любить, любить,
и все здесь лишнее,
и там,
куда уйдет душа,
а в ней обман
не может жить.
Любовь как чистый
первый лист
на дереве рождения весны.

И снова пули огненной
лучи
разносят боль,
которую не принять сердцу —
любовь
живет в душе,
и с ней так тесно телу.
По первой траве
последней весны
любовь в небо уходит,
но здесь остается
другая такая
любовь бесконечная.

10.08.10

***

Стая птиц — от воды
на крыло.
Полет над лугом.
Ружейные выстрелы,
и дробь прошивает подругу,
капли крови
падают вниз,
туда, за птицей,
где ружейный огонь и дым.
Охота — спорт
ради удовольствия,
отход
живых
в утробу сытых
и изнеженных жизнью.
Птицы уходят вдаль,
близких своих потеряв,
остались многие сегодня одни.
Плакать и говорить
не умеют они.
Подлец, ты сыт,
сложи ружье.
Не можешь?
Прострели себя!
Телу томному
нужна война:
от теплой кровати
с опостылевшей женой
лить безобидных кровь.
Охота — спорт,
а скоро — ответ:

глобальный климат
спросит всех,
и поплывем с волной,
и помощь не придет.
Не долго ждать —
устал от нас
Творец.

10.08.10

***

Ой, мамо,
ой, нене, нене,
пливуть у небі
для мене, нене,
квіти твої:
жоржини червоні,
сині і жовті,
в райдугу-дугу
сплелись,
додолу падають
пелюстки,
на мої плечі,
на мої руки.
Пахощі літа —
любов твоя,
ой, моя мамо,
без тебе гірко...
І це свято квітів —
втіха мені,
Богу слава,
тобі повага
моя з землі.
Квіти пливуть...
Для мене літо,
дитинство,
юність —
руки твої,
мамо!
Без тебе — гірко,
хоч і маю
вже багато літ.

Квіти пливуть —
душі печаль
жоржини літа,
а я тут сам,
без тебе, мамо,
світ доживаю...
Квіти на небі —
серед них ти.

10.08.10

***

Чим більше бачу,
тим менше плачу,
радію, що сонце сходить,
дощ наді мною,
радію землі
вродливій,
що квітне небом.
А там, де люди, —
там горе жити:
брехня, бандити,
і ворог хитрий,
та все з братів,
неначе глузд
лишився збоку,
правди
нема ніде.
Якісь програми,
політдивани
і технології аби згряднуть усе
й підняти наверх багатих,
владних,
що сильними
себе зовуть,
й немов кати
у кожну хату
лізуть.
Чим більше бачу,
тим менше плачу,
я розумію,
що Бог все знає
й прагне совість
нашу побачить —
в багатьох вона-то є...

11.08.10

***

Ніж у руки,
відро сивухи —
залить мізки,
а потім вийти,
щоб взяти бідних
страхом бандитським
за край душі.
Таких багато
плодить епоха —
витязів жаху
на бідний люд.
Кров хлюпа
під світлом сонця
і під зірками
глупої ночі.
Витязі страху
самі бояться —
епоха зблуду
штовхає вал
людського м'яса
на свого брата,
в народі ріжуть
то тут то там,
кіно, як гра,
і все про це.
Міліціанти?
І їх трясє.
Ловити бевзя,
що когось вбив?
Його не здужать.
Слабкого здушать,
мов не навмисно...
Змішалась хибність
з сестрою страху —
епоха брязкоту ножів.

11.08.10

***

Лето,
страда,
облака...
Стога
на полях и лугах,
голубого простора
океан,
в нем много стран
нашей мечты
и фантазий.
Иди
к нему,
в облака,
можешь птицей
уйти в эту даль,
можешь уплыть
как волна,
оставив здесь, на земле,
печаль,
взяв с собой
радость.
Лето,
страда,
облака...

12.08.10

***

Любовью мир взять
не спеша —
моя мечта.
Но не получается
пока.
Любовь волной морскою
разбивается о берег
и с пеною
возвращается назад.
Горький привкус
губ соленых —
то на них остались слезы,
и я новою волною,
с глубины души
любовью,
снова в мир,
от усталости пьянея.
Вал девятый,
волны рвенья
разбиваясь о брег холодный,
оставляют брызги с солью.
То моя слеза.
И срываясь часто в бурю
с небом темным
рву я душу,
сбросив злость в глубины моря,
тихой гладью
утром сонным
преисполненный любовью
к вам.
Но понять мало кто хочет:
то там, то здесь,
слышу хохот —
эхом ледяным по свету,
раня душу,
раня сердце.

Не сдаюсь.
Уже не сдамся.
— Останься... —
говорю себе. —
Ты все равно кому-то нужен,
пусть, не сейчас.
Терпи и жди...

12.08.10

***

Жизнь сжимает
ржавые пружины
моих нервов
до упора —
это больно.
А сбоку грохочет бульдозер,
и иногда на меня
съезжает.
Сталь пружин скрипит,
выдержит ли сжатие?
Опустить, отвинтить бы все
к чертовой матери!
Освободиться от обязанностей,
совести,
чести,
и уйти, как многие,
топтать этот мир.
Но сорвать
меня с моих убеждений
не реально:
я буду терпеть
этот маразм
нашей жизни.
Плавню
когда-нибудь сталь разорвется
и кончится ужас
мой.
А мирской —
пусть несется.

13.08.10

***

Помогите, помогите,
дайте Богу помолиться,
дайте мне
слова молитвы,
ангелы небес!
Мир горит в огне страданий,
солнце стало,
жаркий пламень —
загораются леса,
гибнут люди,
их дома
умирают раньше срока.
Боже!
Слышишь,
мы — морока
для тебя,
остаемся, как всегда,
лживы, блудливы,
крадливы,
в роскоши тела ленивы,
Бога помним,
знаем, верим,
в храм заходим,
свечи ставим,
на бумажке имена
передаем
на молебенъ,
деньги платим,
мол, вина наша
и ушедших
отмывается —
так мы думаем
и верим —
поп отмолит
богадельню
и дурдом,

который
сами строим
и падлючим
в нем реально.
Все так хило и банально...
Дай мне, Боже,
пламень в сердце,
дай молитву мне
и время
отстоять все на коленях
за себя и за людей.
Боже,
помоги мне
и поверь.

15.08.10

***

Законы, положения,
уставы
разложения ума,
инструкции и правила.
Бюрократов
хавала
кормят эти знаки
на бумажке,
утвержденные словами,
ручками, деньгами.
Куплено вагон законов —
замутить и бахнуть ломом
сейф державный,
сесть в поток,
где деньги под потолок,
тявкнуть на дурка-трудягу,
сошку мелкую,
бумагу штрафа писать,
по инструкции боднуть.
Эх, законы!
Шею в них сломать
народу.
И он, взнузданный бумагой
чередой из кабинета в кабинет:
адвокат, юрист
в подмогу,
взятка — рылу бюрократа,
служащего, как говорил
президент рогатый, —
защитить его, мол, надо,
он — опора.
В шоколаде
путанных томов блудельни
разные суды,
толковни:
разобрать что так,
что этак
нет ума в них.

Поэту б стать
законотворцем!
Все законы —
чисты, как ложки,
на обеде у царя,
все в них ясно,
на сегодня и вчера,
просто как
Скрижаль от Бога:
что нельзя,
а что возможно.
Но сегодня нас законят
потерявшие умы.
Мир законов —
время тьмы.

15.08.10

***

Все время в поисках слов:
написать,
передать,
не забыть
краски зари
то ли моря,
а, может, неба.
Все здесь смешалось,
в летнем рассвете —
белый корабль
тихо движется в порт,
стая
дельфинов, играя,
взрывает аккорд
песни души,
солнце
огромным красным
кругом
зависает над морем...
Другом
мне становится весь мир природы
и слов не хватает.
Был бы
художник
и краски,
чтобы все написать!
А, может,
свобода?
Свобода
выйти из стойла
борьбы выживания.
Власть!
Ты не хочешь меня
отпустить в свободное плаванье?

Солнце все выше,
крики чаек,
рык
смотрящего пляжа —
он так привык
за сбором монет
на место под солнцем.
Свободы мне!
— Нет! —
скажет власть.
Когда она тянется к трону,
обещает нам всё,
когда водружится,
как флажок на бензовоз —
в стойло загонит:
любыми путями,
налогами,
сборами
и финотчетами,
высосанными из пальца.
Слово ищу,
а стойло с рожденья
всем нам
готово.

15.08.10

***

Трепещет лист
сжелтевшерыжий,
в горящем вихре
август вышел
на линию прямую.
Трепещет лист под ветром
и, срываясь,
летит, играясь
падает,
шуршит, гонимый дальше,
и пламень солнца,
смешавшись с ветром
всё красит в золото,
очарованные люди
в парке, притихшие,
взирают вдаль,
в кроны деревьев,
где все меняет цвет
в пылу жары,
и даже игры детворы
с букетами из листьев.
И снова осень
мысли сносит
те, что спокойней,
и задается тон другой:
о смысле мира,
жизни,
и, порой,
прозрение под золотой листвой —
хоть много зелени ещё,
но глаз не оторвать
от ярких красных, желтых
листьев.

Уплывать покою
моему
вместе с листвой —
почему
так быстро?
Почему?

17.08.10

***

Паї землі дали таки й голоті —
кому гектар, кому і три,
але папір на нього,
формуляр,
як стежка на болоті —
один чинуш його признав,
інший — послав,
нема, мовляв, печаток всіх,
і люд мотає із району —
в центр,
із центру — в область,
в комнезем,
папери править
і платить,
а пай ростить будяк.
Земля прийшла-то
просто так:
старшина давно має
всі папери,
та і гектари
давно в них,
при замках, де живуть,
а посполитство бігає
із кабінету в кабінет...
Землі не бачити вам!
Вас облуплять
і обліплять
печатками до смерті,
а потім землі ваші
подерті
зшиють в ниви для старшин —
у них давно все
“по плюсах”.

17.08.10

***

КПСС отдыхает,
почившая в Боге.
Вместо нее такие
пиндюрки стоят на дороге
ведущей к цели
ведомым им только
путем и артелью.
На золото счастья —
монстрики-партии,
идеи из ногтя,
плакаты, агитки
и неофигня
по телепросторах.
На бордах их морды,
и выборы, выборы —
двадцать лет
по свободе
из неволи — в неволю.
Уже так устали,
кто-то помер,
и без печали
кто-то новый править
ворвался —
тырить, химичить
с деньгами страдальцев.
Сорок пять миллионов
отдались кучке —
не понимаю
за какие игрушки?
Бюллетени новые ждут,
как принцессу,
с приданым в полцарства,
на печке Емели.
Хочется крикнуть:
— Очнитесь!

Всмотритесь,
вас так опустили
после совдепкорыта!
Миллионы на шлюхарне,
но работают в кайфе
по заграницам,
а здесь китайцы
въезжают
по многу и малу сначала,
а мы проституток
в Европу качаем —
за деньги
на всё горазды.
А нам-то за что
смотреть и страдать?
Бордели в Берлине.
Заробитчане...

17.08.10

***

Мені життя б переписати
ніжними фарбами,
мені б спочатку все почати!
Зі сторони дальньої,
в сірій, тьмяній Бугульмі,
станції російській, —
пилюка, бруд,
нечастий поїзд тут —
тебе я не забув.
За хвилину зустрічі
фарби випали мені
ренесансу відчаю —
скільки темності доріг,
скільки пустослів'я!
Зараз по іншому б зміг...
На споришу подвір'я
спека,
сонцеграй
ти залишилась,
чекати...
Все начебто і так,
але хочеться — інакше,
бо людина завжди
себе винуватить...

21.08.10

***

Вечный поиск звезды в просторах
вечных мечтаний...

Вечный странник,
собравший боль
в душе,
боль и воля
взорвались к небу,
словами страданий,
любви и света.

Так быстро
и так мало —
недолюбить
и не оставить
мечты,
с которой
в вечность.
Вечный поиск
человека —
удавалось и удастся.

Но часто всё
горит,
неймется.

В тишине небесной,
в звездах
дальних,
слышна мне песня
дороги страданий.
Белая вишня весны,
я тебя здесь оставляю,
там, за облаками,
ждёт меня
поэзия-невеста.

21.08.10

***

Огромный зал.
На позеленевшем камне стен
отблески огня,
дел зафуфлыжных мастера
танцуют у котла,
где варево готовится из пня,
чтоб утром
очередь
людской молвы
пришла
отведать из котла,
и, может, все изменит
жизни ход,
вдруг новый хозяину гороскоп,
и батраку,
как штукатурка ночью с
потолка —
автомобиль, чуть старый,
из рук магната-олигарха?
И слуга хлебает ложкой
и ушами,
с ухмылкой радости подделанной мозгами.
А девушка вместо фабрики
закрытой,
давно там склад,
пойдет, как замуж, за границу?
Ну не совсем быть может так:
превратится в львицу, жрицу
любви,
где каждый раз
ее мужик
стегнет и ей
от платы, на пикник.
А кто-то должность
вымолит в «рогатых» —
помощником по «хате»
или смотрящим
на угольной норе.

И очередь за варевом,
и солью посыпают
квартиры по углам —
так нечисть выгоняют
доктора.

И тихая такая,
беззловещая, сказал бы,
тишина...

22.08.10

***

Я не пройду незамеченным,
меня все равно увидят
под пеленой дождя прохожие,
а я у окна судьбою обижен.
Я не пройду незамеченным
в буре снежной,
лошади взмылены,
а я под рукой чьей-то,
но чувствую себя обиженным.
Мне на судьбу горькую
горевать, стенать задыхаясь,
а я смеюсь
в лицо ей,
и предлагаю меня оставить.
Остаться без судьбы,
в одиночестве,
часто злой феей
измотанным,
но я не становлюсь
перед ней на колени,
и меня не пугает ее
обезумевший хохот.
Дождь по весне долгожданной
с грозой освежающей,
чудом
мне кажется жизни начало,
и я снова ищу себе друга.
Летом проходит все,
и исчезает,
то, что казалось — надолго.
Любовь мужчины и женщины —
только короткий миг:
ужас,
крики, измены,
измотаны
оба, и судьба с ними,
а их бы на поводок короткий.

Я не ищу судьбу другую —
она не будет лучше.
Я стою крепким дубом,
и выстою,
до весны,
до чуда...

22.08.10

***

На родной пристани стою,
встречаю пароход
в летний день,
один раз в год,
в ожидании — сойдет
она по трапу
или не сойдет?
Навигация — месяц в году.
Нет на реке снега,
нет и льда,
но между нами —
стена,
железный занавес
тюрьмы
под красным знаменем
звезды
красной или золотой.
Один раз в год —
право на любовь.
Ее лицо, ее глаза
улыбка озаряла,
не понимая слов
болтали без умолку.
О, любовь!
Всего три года...
Потом — запрет.
Ей вход
на пароход
закрыт был навсегда.
О, эти страшные года
страданий за любовь!
Глаза
мои сухие,
и только сигареты
дым...
Я стал чужим.

Не гоним и не любим
своей страной
с серпом и молотком,
распятый над крестом —
сплошные муки
за любовь.

... А пароход был без нее.

Я ждал, надеялся,
но на пролом
стены

ушла вся жизнь.

Под красным знаменем
учился ненавидеть
и любить.

22.08.10

***

Пустыня где всё умирает,
и только змеи
здесь выживают,
горячее солнце
поджигает песок,
раскаленные камни:
Запад—Восток.
Дорога по солнцу
наоборот,
одиночество воли,
испытаний порог —
пустые слова,
в них ценности — смог,
там только злоба,
хоть и нежно говорит,
пустые дела —
в них зависть на всё.
Уходит еще один день
на восток.
Все наоборот —
пустая любовь
в расчете на
материализацию чувств.
Запад—Восток —
всё наоборот:
пустые дни,
не надорвать
себя от любви,
и не отдать
себя взамен
другого.
Стеной —
мысли к деньгам,
и день — кувырком.
Запад—Восток —
наоборот.

Раскаленное солнце
снова встает,
спасая мне жизнь
в борьбе за вас всех.
Я не лучше тебя,
просто, больше мой грех.

22.08.10

***

Я жарю свое жариво
на остатках огня,
где пожарища
от летней страды
оставили свой след —
черный слой золы
и белый снег.
Морозы придут,
большой волной —
ненастье вьюг,
накроет все
снежок.
Нет
мне тепла.
Где бы согреться?
Нет очага...
Сгоревший дом,
труба в небеса
облезлой печи.
Не разжечь мне костра —
я не солнце,
я бессилен
в белых, снежных
и злых, вихрях,
я остаюсь здесь навсегда,
и восходящий
к небу дым —
молитва за меня
и всех чужих,
когда-то, вроде бы, родных...
Падает снег на веки
закрытые,
белый саван,
тело забытое.

22.08.10

***

Ржавое железо
покосившейся крыши
поникшего дома
в лунном свете,
искрится
шерсть собаки
лежащей у будки-вольера.
Ветер холодный
выворачивает сердце,
и собака, срываясь
на вой,
лает на луну,
потом затихает.
Не уснуть ей без хлеба —
хозяйка хворает
и не выходит из дома,
пес понимает
и держится строго,
не привыкать
к судьбе их собачьей.
Вот дети людские, и те
в интернатах собачат,
и хлеба им мало,
о мясе забыли,
чуть что — подзатыльник,
охрана сурова,
или, пока, воспитатель...
Половина страны прошла
лагеря,
а половина была «вертухаем».
И воем вновь ветер,
и думы собаки
с глазами серьезными
о жизни
в человеческой свалке.

24.08.10

***

Туман над рекой
брошенным в даль покрывалом
стелится в луг,
и я все забываю.
Мне бы на время
стать частью его,
белой-белой,
и плыть над землей,
опускаясь ночью
к рекам и озерам.
Наверное,
я мог бы тогда
стать другим,
на себя непохожим,
я мог бы любить
тебя,
и быть добрым.
Туманом стану я —
такая мысль пришла,
и уплыву в луга,
пока еще
тепла
надолго хватит.
Туманом, белым дымом
забуду все обиды,
забуду грусть и боль
забуду,
тебя найду
в реке ночной
на лугу,
купающейся в водах
летних,
не сверну —
прикоснусь к тебе...

Я белый туман,
странник,
и ты возьмешь
меня
в ладони рук чуть влажных,
прижмешь к лицу,
и нежно
я прошепчу тебе:
— Моя звезда,
моя надежда...

24.08.10

***

Твоя любовь
меня окрыляет,
твоя любовь
меня открывает,
твоя любовь
меня меняет.
Я с тобой в ночи летней,
я с тобой в небесах
осенних,
я с тобой на облаках
в небосини,
я с тобой всегда,
но тебя я не вижу:
ты далеко и рядом,
ты где-то идешь по пляжу,
морскою волною
любуюсь,
ты меня ждешь,
волнуясь.
Я открываю книгу,
читаю,
и ненавижу
границу, где время правит,
сбивая все в календарь
и давит
годами —
но нас нет во времени,
даром
оно проходит.
Время было, есть
и уходит,
и остается о нем память.
А мне ты нужна.
Все остальное — поток
неудержимый.

Смотрю в даль
морскую,
и тебя там вижу
волною зеленою
с белыми гребнями.
Я жду тебя столько лет
в этом скользящем времени...

24.08.10

***

Слово с небес
несет покой,
умиротворяет
и сглаживает
острые шипы роз
горой,
которые мне жизнь
под ноги
складывает.
Слово несет покой,
в нем ясность
и твердость сознания.
Слово
это — Бог.
И я наслаждаюсь
гаммами
слов, что ко мне идут,
тают от них лед
одинокчества,
и я становлюсь вдруг
безумно богат
друзьями,
без имени-отчества.
Я свободен
и силен духом.
Слова мои — со мной,
и учат
любви
и состраданию к другим.
Я люблю,
и я любим.
Слова, ручейками от вас,
мои друзья в небесах,
ваши послания
в дни отчаяния
держат меня.

Душой
и за вас
я молюсь.
Слова,
не оставляйте меня,
даже если, временами,
и грусть...

24.08.10

***

Пороки и страсти —
уродцы сознания
зависти, злости.
К алчности тянется
“большой” человек —
так говорят об успешном, —
ан нет,
и мелкая сошка стремится
туда же:
копить, воровать, собирать.
Богатство,
роскошь света
привлекают людцов,
и неспешно
ублажая себя
за счет других —
безразличие к ближнему,
эгоизм,
все себе.
Бездомные чушки
в контейнере мусорном
в раннем просыпе
едят из кухни отходы
богатого денди.
На первых страницах прессы,
на телеэкранах
потемневшие лица —
рейтинг пороков:
богатство, успех,
должность там тоже,
но в Библии,
не стоит вопрос.
о недостатках.

Порочность пороков
свернулась пороком,
накрыла пространство,
где скрыто все шобло
с пороками мерзости.
На глаз людской
из газет, телевизоров
машут рукой.

24.08.10

***

Я подожду когда снег
с души вашей стает,
когда лед побежит ручьями
и подснежники повырастают,
я оставляю все,
и приду к вашему дому,
хоть адрес его я не знаю,
но весна в своей громкой
славе,
в песне ветра
и гроз с дождями
поведут меня
прямо.
Любовь красоты
не оставит.
Проживать мне весну
без вас
и вашего нежного слова
в цветении мира
и травах?
Нет,
я с вами
навсегда останусь.

24.08.10

Привкус счастья

***

И снова площадь мне свободы
с тарелки подают, как мясо.
Организованно народ толпится
с флагами,
свезён как биомасса.
Всё закрыто,
милиция, кордон охраны.
А тут — пикет с плакатом, тихо,
что-то хотел.
В рыло
дали пока мягко,
скрутили, свинтили, потащили.
Но тут другой вновь инцидент —
мужчина с жалобой
верховой власти:
забрали у ребенка, мол, квартиру —
по морде, правда что, не дали,
но смяли,
и к забору, на колени,
пиши, мол, жалобу
в администрацию.
На сцене власть,
вновь красивые слова,
олигархату ордена,
а церковь молится пока.

24.08.10

***

Сегодня снова я увидел:
у памятника Тараса
люди
и Юля призывала мягко
объединиться всем
против пришедшей власти.
Народ стоял и слушал,
и, видимо,
доволен был:
есть пиво и вино,
его же не забрали,
есть сигареты,
секс свободен,
журналы, телевизоры
долдонят:
всё хорошо,
нужно потерпеть.
А с пивом терпится,
поверь, —
бабахнул пластика литровку,
дымнул,
а рядом — телка,
и все пока каток.
А что там Юля?
И какой ее пирог?
Народ из молодых
не знает,
а бабы ей завидуют,
скандалят.
Мужчины?
Их осталось мало.
Они ушли.
Куда?
А ты не знаешь?

24.08.10

***

Якщо жити мені
тільки тут, на землі,
якщо вічність Бог закриє
для мене
за гріхи,
я вимолю все, що можу,
і випрошу трохи
небес,
і попри все —
коли в тебе журба,
коли горе
і жити не змога,
білі хмари з'являться в небі,
про них знаємо ми:
ти і я.
Ті хмари —
душа моя.
З допомогою
сили любові
в Бога вимолю я
те, що Бог не давав
ще нікому,
біла вишня весни — Марія
під блакитною синню
простору,
я з тобою завжди —
моя сила, мій дух
ради тебе,
я молитися буду:
рости!
Хмари білі — твої
в синім небі
завжди.
Про них знаємо ми.

24.08.10

***

Гомосапиенсы,
почти что мужики,
в любовь играют,
но без бабы.
Их защищают в мире
большевики,
законы,
даже браки,
ими гордятся:
таланты, мол,
звезда к звезде.
С ними носятся,
от них тащатся,
они в любовь играют —
всё, как с бабой,
и жмутся, глядятся,
целуются смеясь —
у них все как
у мужика и бабы,
ты посмотри.
Различие
только оргазм —
дерьмом
изнеженного зада.

24.08.10

***

Про реформи чув,
і бачив немало —
ще Петро той, що Перший,
їх вбарабанив,
але після Петра
і реформа лягла.
Потім їхало, плелось, товклось,
все в реформах жило
і велось,
але правди нема на землі,
Бога істини в нашій душі:
в серці — морок, брехня
і наїв —
є пани і холопи.
А, втім, інколи — крики й гам:
кістку кинуть пани,
а холопи — гам-гам,
потім знову їх гвалт
по дворах.
Тих реформ було вже —
жах!
Тільки двадцять років —
казна-що:
підрахуй, підрахуй,
і скажи скільки
їх в нас було?

24.08.10

***

Мне сон приснился —
наша столица,
карта улиц,
все по новому:
Бульвар Кивалова,
на нем гулялово —
сеть бардаков и казино;
переулок Чечетов
звездой отмеченный
бойца сгоревшего в ВР;
площадь Пикадилли,
мы в ресторане проходили;
улица “Германская
радиостанция”— продают
бублики-обманцы.
А сторона дальняя —
берег левый, главный, —
там сплошные памятники,
шестьсот семьдесят штук:
министрам, депутатам,
рейдерам и адвокатам,
губернаторам, врачам.
И все они живы,
сами кладут к ним цветы.
Вот вижу магазин
и барельеф на нем,
ниже еще,
и не один,
читаю: Шуфрич покупал
здесь шины,
меняя зимнюю резину.
Люди нежно доски из бронзы
трут, —
кто тряпкой,
кто плюет на пальцы,
метут
вокруг памятников пыль.

Элита сделала прорыв.
А в центре снова
вижу тишину,
протеста нет.
По улице иду —
майдан
теперь —
плац-банк.
Продано, заложено все,
а как им выжить?
Сверхприбыль — за рубеж.
Улица несбывшихся надежд,
Богатырёвская, а ниже —
мельничий жернов и колесо, —
Мирошник и Колесник с
Колесниченком образовали
пешеходное кольцо,
мост именем известного
гармошкина назвали,
на нем цветы,
правда, привяли. Он кланялся
со сцены все премьеру —
уважился и облагожили...
А люди где?
Их не видно.
Как Припять город стал.
Кричу от ужаса во сне,
а просыпаюсь — снова
вижу
грязных улиц
и парков загаженных
вонидло.

25.08.10

***

З дитинства вчила мене мати:
— Синку,
це гріх і стид великий— красти!
Ніколи не бери чужого,
а ні в держави,
а ні у когось в домі!
І я це втямив.
Спасибі мамі,
не сів у буцегарню,
до кінця тримався з честю.
А ось і новий лад:
совдепи-два,
капіталізм.
Мені народ збирає віз
до нашого парламенту,
і вліз я в депутати.
Спочатку чесно все робив,
але насіла влада —
гроші треба брати,
і землю,
і все що непопало —
порука кругова,
щоб всі, як в банді,
мали кров і крали.
Так формувалася еліта
для держави.
Треба капітал — для сили,
і я багатим став,
поїхав на Канари,
потім Сейшели,
гуляв і по шотландських селах,
плавав в Ла-Манші,
пив вино в Парижі,
в Берліні прогуляв два тижні.
Приїхав в Київ,
а мені час в округ,
там де народ,
який мене зіпхав на возик.

Я виступив спочатку в школі,
потім були якісь заводи,
і просять побуть
іще й в лікарні.
Прийшов, побачив там
напівмертвих хворих,
і щось мене прорвало,
я вирішив піднять їм настрій:
я розказав їм про свої
поїздки, про відпочинки,
про готелі, ресторани,
та хворим це ніяк не
допомагало,
а тут дідок якийсь мені і каже:
«Я знаю
хто ти такий».
«А хто?» —
питаю.
«Ти — срака.
І краще б ти повісивсь».
Я з відчаю
влетів в свою машину,
і думки шаленіли,
що це за країна?
Де ні поваги,
ні совісті, ні честі!
Сказать таке!
На сантиметр від смерті!
Володарю країни!
Нема у нас поваги,
не те що там, у німців.

25.08.10

***

Мне синим ветром с вышины
не достучаться в твои сны,
и не навеять тебе грез.
Я так и не знаю
где живешь...
Ты улетела птицей в даль,
красивой, юной,
пектораль
оставив в памяти моей
от той весны,
где был апрель.
Потом опять была весна,
но без апреля и тебя,
без любви.
Я отпустил тебя —
лети! —
и я не думал,
не жалел
о том, что время
взорвет нерв,
в котором матрица
твоя
запечатлилась навсегда
красивой и тонкой любовью,
и таял я в тебе, и без тебя,
но отпустил...
Но через год,
а, может больше,
я не смог
забыть тебя...
У твоих ног —
цветы и листья желтые,
начало сентября,
строгий костюм,
огромные глаза.
Ты не верила,
что лед
во мне был крепким...

Сегодня я
с трудом живу,
и рана боли
без тебя,
моя судьба,
ведь я поэт,
и мне нужны огонь
и льдом покрытая вода...

25.08.10

***

Жизнь в современном мире
человека,
как столб фонарный
возле центральной аптеки —
весь в объявлениях:
куплю, продам, сменяю,
я научу вас, поиграю
и бесконечное множество
других реклам.
Так день, месяц и год
идет бегня за смыслом
появления на свет:
поход в концерт,
работа с минотдачей,
и хорош доход.
А смысл какой работать?
Все — украдено.
Народ же — тоже не дурак,
пытаясь что-то назад
украсть,
и бег за минкорзиной счастья —
автомобиль блестящий,
одежда,
мишура прикрас,
хорошая еда,
не раз оргазм,
когда все сразу есть,
а нет — поиск идет:
быстрее, быстрее,
всего — себе, в себя,
а некуда —
вспори, зашей.
И так проходят годы,
и смерть за огородом
медленно приходит,
и уносит всех —
богатых, бедных,

кто бежал и, может быть,
успел
по меркам рыномира,
кто не успел
к желанной минкорзине.
Король, министр, премьер —
все едины
для матушки-земли,
все должны
вернуть ей, что ее,
а остальное —
пыль где-то вдали...
Давай,
поддайся миру,
и беги!
Он ждет тебя.
И это жизнь?
Фигня!
Ведь жизнь —
одна.
Отнюдь не копия
фонарного столба.

27.08.10

***

Страны совокупный продукт
уходит на роскошь
стаи бандюг
и примкнувших к ним
из бывших прислуг,
а народу вгоняют коробки
фуфла.
Реформы, зарплаты, пенсия —
вся информация — вера
в любовь,
и мы попадаемся с нею
вчера,
и вновь
уши цветут
от счастья словес
и брехни —
нам тут так хочется
правды и добра,
а потом столько зла
мы сливаем на сошедших
с командных высот.
Система построена
на роскошь босот,
которым не снилась
такая лафа.
Народ-то не дурень,
но взял и отдал,
забирать вновь и мыслей нет,
но это пока.

Командир,
как увеличить
жизненный миг
качеством тем,
что обещано всем?
Система смеется,
и слова обещаний
гонит нам вслед.

28.08.10

***

Тишина созерцания
внутри и вовне
мыслей своих
и небес —
то голубых,
то, вдруг, черных, с дождем,
громом раскатистым.
Травы купаются,
и капли воды с роз лепестков
свисают,
дым тумана,
и, вновь, тишина.
Солнце пробилось,
детвора
по лужам, игриво,
как воробьи.
Зачем мне чужие страны?
Свой-то дни,
сосчитаны небом,
провести не спеша
в раздумьях побед
и ямах греха,
и думать о нем, нечистом
и грязном,
омыться в молитвах,
добродетелях, главное.
Читать вековую мудрость
легко,
оставляя в памяти
светлое все,
зеркало мира
пусть рядом стоит.
Бродяги в пути,
самолет бороздит
небо и трудно увидеть,
запомнить
пресыщенность жизни бродячей,

что гомон
базарный
безумных речей —
просто бахвалятся.
Продал —
и исчез
день бродяги.
Куда?
А я не хочу дом свой менять,
и внутренний мир по крупицам
копить
и тихо так жить.

28.08.10

***

Пустые слова,
а сколько в них лжи!
С утра до утра
ублажая других
для пользы себя.
Лесть вместе с ложью,
а в душе лишь тоска...
Мысли мои —
тля,
пользы от них —
ни себе ни другим.
А сны — беспокойство
и зависть,
и крик
отчаянья жизни:
мало всего!
Мне так не хватает
океана еще,
можно, и моря,
но в заборах сплошных,
чтоб пляжи — мои,
а народ там притих
и молча сносил,
как сносит сейчас
таких вот, как я,
на хилых плечах.

29.08.10

***

Серьезным стал с виду:
надутые щеки,
сложены губы.
Солидным расчетом
я должность министра
получил науки:
ученые будут
изучать переулки
мозга большого,
изменения, типа,
человеческого рода —
превращенье в подвид
непонятный людям.
Вчера еще в норме —
сегодня — мерзавец,
строит комору
для сбора добра
себе и семье,
она так важна
стала с недавна:
не родина-мать,
не люди в домах,
а она.
Ученые слушают,
учат,
чертей,
в виде вирусов
ищут везде,
а я так меняюсь,
что им не успеть.
Клинит науку
от превращений моих
из нормчеловека
в вора.

Я так высоко,
небо пониже,
и мне нелегко
ваши хилые доли
тащить на себе,
а тут и комора
мала стала,
я обогнал время,
и слом
не во мне,
а в вас, дураках,
кто смотрит
и видит меня в небесах.

04.09.10

***

Спасибо вам,
премьеропрезидент
страны некогда великой,
спасибо вашей душе
из ФСБ,
за все большое вам спасибо
от страны-сестры
с садами вишневыми
повсюду,
за вашу дружбу,
За то что вывели
на стеженьку кривую
партию лихую
всех их по списку
на наш терпеж.
Спасибо вам
за ваш суровый взгляд
и за поддержку
изуверов, которых
мы сегодня еле сносим.
Они ваши,
господин премьеропрезидент,
они переиграют вас,
и голубой ваш глаз покрасят
в черный цвет орды,
и впишут мраком
в свой иконостас
баскаков.

04.09.10

***

Плывущей тьмы
долбенье ног
по съезженной дороге.
Густеет ночь
перед дождем,
и жарко вроде
от шорохов и звуков
беспрерывных.
Ограда кладбища,
отсвет крестов —
чернота отсутствует
над ними,
напряжение борьбы
с собой внутри,
далекий лай собак
до хрипа —
перекличка,
до улицы еще бежать
не близко,
и ночь хоть режь ножом
и я бегу туда, где
лай и вой,
где люди есть.
Скоро и сам я
взвою —
любовь
в шестнадцать лет —
провел ее домой,
лаская пальцы нежные
своей рукой
молча
в темноте.
Она молчала тоже.
Завтра день —
её отъезд.

Короткий счастья миг
на память
многих лет,
и жуть простора темноты,
какой-то лязг
мистической цепи,
и я бегу, бегу,
а рядом страх
предгрозовой ночи.

06.09.10

***

Мистика превращения
образа и света
уходящими куда-то
из человека
делами лихими
и мыслями злыми,
вверх поднимая статус
по жизни —
вдруг все меняется:
внешность и внутри.
Перед тобой,
вчера еще друг,
но нет ни лица,
ни света из глаз —
пропала душа,
зато статус
восстал,
и что-то свинячье, собачье
в мир,
туда где свои
такие же псы.
Стало трагичнее
в день тот,
когда статус поднялся,
а человеком
стало меньше.

07.09.10

***

Я буду работать пилорамой,
той, которую большевики
у деда Жириновского забрали,
нет покоя соправителю России —
брызжит, брюзжит, вопит: “Верните!” —
в сторону слабой Украины,
и не потому, что нету хлеба,
просто издевается над
прогнувшимся соседом.
Я буду работать пилорамой
за деньги большие,
ублажая мини-хана,
визжать, жужжать и пиликать —
твоя, мол, пилорама, —
в саду на даче
под окном.
Вот лихо:
был друг у него —
Багдад, Ирак, Хусейн —
нефть продавали,
гуляли друзья,
янки вошли —
и тишина...
Не защитил,
и не вступился:
повесили в демонском
танце в столице
люди истошные
в форме цвета песка.
Не защитил друга —
пока
только слабых кусать
из Москвы.
Я буду визжать пилорамой
под окном.
Спи.

07.09.10

***

— Я не смогу никогда! —
Так не говори.
Если ты начал —
уже не будет конца.
В мире бессмертном
конечность —
только иллюзия,
как горизонт
в мире, где звезды светят,
и даже в космосе
пыль и песок,
которые соберутся со временем
в планеты и звезды, —
процессы бесконечности
и слово всегда на слуху
даже в тишине безысходности
одиночества льда.
Хаоса нет.
Мысли путаются, но не вечно,
светом потом взорвется миг,
и потекут тихой рекой бессловесной
слова известные,
но сказанные по другому чуть.

07.09.10

***

Буваю,
відбуваю,
відпочиваю,
відживаю.
Щось зламалось
в мареві бігу,
здавалось,
що час мій вічний
тут, на землі.
В красотах весни,
теплі літа
не помітив
лінію крику,
переступив.
Хвилі життя
б'ють по серцю,
нерви — струна,
грати безпечно
не вийде розумом.
Емоцій шалених,
любові, любові!
Вод талих кінечність,
дні і роки,
квіти і трави
вкриють весь світ
і нас з вами.
Любов!
У день
розлуки надовго
“дзень, дзень!”
капають краплі
з даху,
лід уже тане.
Поцілунки палкі —
життя наснага.

Десь перейшов
лінію граду,
лід на голову —
твердість і пошук
праведних істин,
а за спиною —
могильний холод
і вітер нічний
завиває і свище.

07.09.10

***

У нас демократия
и яйца целы —
лоток на базаре
бери и вари.
У нас демократия,
и костный треск-хруст
не слышен нигде,
только там, где гребут,
опять, — на базаре.
У нас демократия,
что хочешь пиши,
на лавочке, в парке Шевченко,
табличка висит:
при банка поддержке
сидячка стоит —
ни в бреде, ни в снах
не придумать
муру:
банк и скамейка
с табличкой!
Угу,
у нас демократия,
и кровь по стене
только в колбасном цеху,
а так — не-е,
не проливает власть,
бишь менты.
У нас демократия.
Фото висит,
размер на полдома —
лидер труда
партии власти,
районной орды
он председатель,
(сидит на трубе).

Демократия,
и все так, по-честному,
даже секс:
на стороне,
ну, захотелось
взгорелось тебе, —
греха-то здесь нет,
а просто любовь.
Закон шариата —
не наш,
наш не таков:
можно
и сверху, и снизу,
на животе
и спине
пропустить за дензнаки
в позе любой —
демократии строй.
А о свободе
поговорим за
закрытой стеной,
так — не желательно,
особенно с чужим:
стукнут, снесут
куда нужно,
и дым
может подняться
над старой трубой
крематория мощного.
— О свободе?
Отойдем...

07.09.10

***

Осень.
Шиза и дежавю:
коммунисты вновь в строю,
на трибуне фракционной
варят кашу,
лапшемуйню,
по особому рецепту
для народа
совсекретно.
Речи громкие по теле-,
началась чернухнеделя.
Листья желтые
и солнце,
в голове что-то не ровно,
крики властные
команд,
я уж стар взять автомат
и уйти в леса Сибири,
жить охотой,
скрытой жизнью,
от брехни сбежать
прицельно.
Ничей был бы я,
без страны,
без этих партий и брехни
о стройке какой-то,
новой
вновь, страны.
Лапша на уши!
Бараны
снесут,
стерпят,
отмоют шерсть снега
с дождями.
А как быть
с сердцем и мозгами?

07.09.10

***

Скільки людського непотрібу, хламу
перебудова товариша Горбачова
викинула з духовного храму
вічнобуття в небуття,
на матеріальний, по Леніну,
спосіб життя —
їм — все багатство,
гроші і влада,
їм кращі жінки,
щедроти і блага,
але все із матерії,
для тлі та іржі.
А скільки заздять їм!
Скажи,
не вірять, що це
все — шабаш:
жити хочеться
саме так,
і тих благ
затьмарив очі діамат,
забули про вічність небес,
про Бога,
що дав нам життя,
що не плебс
ми,
а діти Отця,
що цей комунізм —
початок
очищення світу
від тих,
хто вклонився
стаду чортих
і їхній чари
звели їх на трон,
де прокляттями
встелений діл,
де золото партії КПРС,

де всім їм,
зібраним в зграю,
кінець,
де буде початок
любові й добра.
Люди! дивіться на небо
а не
на систему,
де головна книга
діамат.

07.09.10

***

— Какое-то мерзкое состояние
и холодок измен внутри...

— Да брось ты,
мастер бизнес-дел,
торговец всем и вся,
и не грусти,
ведь деньги есть у тебя,
и власть сегодня вся твоя,
а ты? Какие там
происки души?
Ты ее и их души,
строй вертикаль
себе, семье,
как эти, что пришли,
нахрапом все как брал —
так и бери,
лесоповал и деньги
на крови.

Что ты так смотришь
на лицо поэта?
Он тоже, вот, грустит
из-за того, что мир
весь состоит
из большинства таких
мастеров и подмастерьев,
где все купи.
Ты не грусти.
А холодок змеи,
то происки души.

07.09.10

***

Влада, стара-нова,
будує якусь нову країну,
а я задихаюсь знову
від токсичного будпилу —
і життя моє мина
все на майданах,
де будівничі прораби,
акти, плани.
То Хрущов клепає нам
комунізм,
каміння клав, за возом віз,
а я стояв у чергах за хлібиною
з попеченого посліду,
і не я один.
Потім, з Москви, нові
прораби —
«развітой соціалізм»
рубали.
Граблі
ті ж самі,
як і брехні в проектах.
Далі — гармат лафети,
щось там зламалося
у владі, —
труна труною
прикривала граблі,
і знову — прораб новий,
і новий план,
і тин
зняли, щоб бачив світ
яка тут цегла
і який тут дім.
Але все лягнуло,
як бруд в вікно
з-під коліс,
й занишло.

Плебс
задихав,
пил припав,
цемент пропав,
не чуть відбійних молотків,
крани здали в мартен —
ні актів,
ні проектів.
Дим
свободи
трохи прип'янив,
поки розвіявся —
украли все, що хто хотів.
А син орди
прорабом став:
таке творив,
таке варганив —
пил ядучий,
гамір.
Це був капіталізм.
Але не вийшло:
крали цеглу,
цемент тягли...
Перерва.
Знову будівництво
стало.
Міліція з народом спала,
рогаті теревенили
про демократію,
і тут орда ввійшла
практично в кожну хату,
і на клозети
наклали дань —
на все, що можна,
і почали нову будову.
«Осторожно!»
плакат вітер приніс
з Москви до тину,

і всі вклонились
цій бумазі.
«Вільно!»
окрик по телефону,
звідти ж.
І всі прораби
оголили руки,
лікті
мелькають тут і там —
щось все таки будують.
І сниться сон:
стайні, нам.

08.09.10

***

Моя країна — Україна,
мов птаха в синім небі
підступним пострілом
бандита
підбита,
і пір'я кров'ю залите,
в холоднім полі
склала крила,
чекає дива
й хоче жити.
А круки та ворони
виглядають її смерті,
щоб вдовольнити голод,
живу бояться
бо птаха сильна,
і кігті, й дзьоб.
Птаха жива,
але чи надовго?

08.09.10

***

Протяжный грохот
и пламя —
вулкан задышал
снова магмой.
Пепел и дым
сгоревшей земли
в небеса,
всё в пыли,
а вулкан продолжает дышать:
пламя — под небо,
горящей земли
ручьями бежат,
лавиной сметая все на пути,
небо в дыму,
пепел плывет под облака.
Солнце закрыто,
пока
разряжается
мать-земля.
Сила стихий
не во власти
людских
эмоций, страстей,
разуму
не справиться
со змеем-грехом людей.

08.09.10

***

В мені ще багато всього,
що треба було давно
кинути на узбіччі
і як соломі стару
спалити,
але я все це несу:
потаємні гріхи,
які в кров і плоть увійшли,
які тягарем на серці
не дають мені жити чи вмерти,
які затуманили все...

Боже!

Ти чуєш мене,
Ти знаєш мене і бачиш,
я йду так тяжко в ніч,
а я хочу на світанні
молити Тебе,
сльозами змивати чорну
кіптяву пекла
з серця.

Боже,
не дай мені так померти!
Дай мені води ріки
живої,
напоїти
поможи мою душу спраглу,
Я — Твій,
вірний,
Ти ж мене знаєш.

08.09.10

***

Я бегу, бегу,
и не могу сбежаться
с ручьями талыми
снегов и льдов зимы.
Я бегу,
вновь пришла весна,
и мне опять шестнадцать.
Я бегу,
вода бежит
в лугах,
солнца
переливы, искры,
брызги.
Бегу к тебе
рекою голубою
своей жизни,
начало только
русла,
и волн еще не видно,
Густо кусты вербы,
деревья вдали,
талая вода
наполняет речку —
время
мое
впереди.
Я не опоздаю
на праздник жизни,
где цветы и солнце,
где любовь
к земле и Богу,

где любовь
к той, которая
в венце пойдет со мною.
Я успел
к своей весне
и любви с тобою.

09.09.10

***

Пусть это временно,
пусть и трагично,
но это прекрасно:
жизнь свою
на земле прожить.
А время мчится,
и это — логично.
Мы в своем доме —
одинокая звезда на небосклоне.
Греет мне лицо, ладони
студный ветер
осени начала,
гонит волны,
играя.
Ранным вечером
в дороге длинной
мысли ровные текут,
и сильно
мне не хочется конца дороги.
Вспышки фар машин
пролетных,
я любви
кручу колеса,
улыбаясь той звезде, что
вносит
в мою душу
счастье чуда
бесконечности миров —
оттуда
я пришел,
туда вернусь,
молча Богу поклонюсь
за все дни,
что на земле промчались,
напоив меня любовью.

Радость
не уйдет уже
в веках,
картинной
будет память
о земле предивной.

11.09.10

***

Был, говорили, социализм,
шли мы всем миром
несытой дорогой,
вроде бы, в коммунизм.
Путь изменили
как на войне,
в море бушующем
на корабле,
повернув транспортер,
и линией ровной
наоборот:
капитализм
стал морковкой
кролику в клетке.
Радостно было
и, казалось, навечно,
но все тряховалось
светилось, пылилось,
менялись уклоны,
и находилось место для
мнений любого о счастье,
и вот вновь случилось
всему меняться —
матрицу жизни
дерем вдруг с России.
Через стекло,
снизу, свет
и все видно
на нашем листе
загрязненном:
путинизм
ведь не путь,
это пута на ноги.
Да! Все достойно,
внешне сурово,
но у колосса ноги
из глины,

и грохнет
вся эта путина
с путянами
в путь.
И снова вопросы,
и снова распутье
до бесконечности,
трёп и реклама,
намеки на секс
баб с чемодана,
бордов дорожных
и власти рассказов.
Но правда нужна
и свобода для счастья,
а власти желают
себе корень долгий
врастить
в форму дороги,
но не стоять этому дому —
без правды любви
к людям и Богу.

11.09.10

***

Мне хочется резкости
сказать стране с телеэкрана:
— Ну что, голосователи?
Есть хлеб и сало?
Что подорожало?
И гречка с газом тоже?
Россия цены сбросила за флот?
Неурожайный,
вы скажете, год.
А как соседка
Европа?
Устояла.
А нам олигархат
вливает масло
прогорклое и старое
по наработанным технологиям быдла:
побольше лжи —
поверим снова.
Миллиарды за границу
гонят боссы,
чтоб забить
под солнцем суперкласс:
себе,
детям, внукам,
тещам и невесткам —
такие роды-кланы они планируют
на тыщи лет.
По их расчетам
черти карты метят,
а мы тут шкуры латками
латаем:
на попе сняв чуть-чуть —
грудку прикрываем.
А когда команда
прозвучит налево,
с груди шкуру снимем
и на попу вклеим.

И двадцать лет не тот
мандат нам мозг наш лепит,
и думаем, что
там, гляди, придут,
само собой,
и власть, и хлеб — сторицей,
а пока терпеть необходимо.
Только поре той —
триста лет. Не диво?
Сколько поколений терпежа
в надежде —
завтра станет легче,
да...
Лафа
для тех, кто понаглей,
кто королем себя считает
без ферзей,
ферзи его —
шпана.
Я много наговорил тебе, страна,
но, видит Бог,
с болью в сердце
и без зла.
А завтра словоблуды
юрдельцы,
дизайнеры и прочие чтецы
законов,
что как хочешь их крути,
щелыги духа,
по-простому —
подлецы,
сошьют мне дело
за оскорбление двора:
и каторга
иль ядовитая стрела.
Но что мне этот двор,
и их гавки?

Я духом
в небе,
можете попробовать
меня
в свои прогнившие штыки.

16.09.10

***

Змеиным телом,
холодным, скользким, по спине
страх опять пришел ко мне
в осенний вечер
после телепередач.
Я видел карлика в них,
и опять технологи
на серебряном подносе
несли букет,
собранный в болоте,
из жаб, ужей и змей,
они все шевелились,
камней бросили на дорогу
ночью —
почетным гостям
ямы скрыли.
В общем,
картина для любви.
Но кто все там в стекле экрана?
Кто они?
И страх исчез,
в мгновенье, как пришел:
со мною крест всегда,
я — на кресте,
и кровь
по каплям
выгорает,
как всегда.
Я далеко зашел
в глубины жизни
ада, где в цветах весна.
Столько лет
церковный звон,
запах ладана,
и тает воск свечи в руках,
пламя обжигает пальцы,
и снова сила веры и любви.

Но позади постоянный
черный свет горит,
и холод от него
змеей мне тело холодит.
Новый круг надежды —
ещё бы раз!
Но, знаю, предадут меня
опять
и отдадут кого-то четвертовать,
а я буду жить
и очереди ждать,
где карлик
или новый вертухай,
его сменивший,
будет защищать страну, людей,
а часть зарезать нужно будет
для идей
порядка и добра.
Свеча в руках...
Смешалось все —
букет,
хромированных труб оркестр,
и на рогах
несут знамена для побед.
И кто здесь я?
Какой сегодня век?

17.09.10

***

День! День!
Серых красок стало меньше,
первый свет скользнул
в скворечник
и птичье пенье
осветило Божьим смыслом
день на диво.
Зарево небес востока —
на малиновый туман,
звонко птичьи песни
на лугу над рекой,
воды бурун
огибает камни,
брызги капель хрусталя.
Для жизни
Бог сегодня дал мне все:
и тебя в рассветном цвете
ярко-солнечного света.
Вместе в лодке мы с тобою,
вместе,
навсегда,
в скользящем свете.

18.09.10

***

В грустных красок неба
дали
и пространства над землей
летние деньки умчались,
осень холодом дождей
отводит
мысли о любви к тебе
в памяти о лете и тепле.
А сегодня дождь шумит,
капли жалобно
стекают окнами,
плачут...
Первых желтых листьев
пятна по земле
грустной, опустевшей.
Мне
печаль прогнать придется
раньше, чем она войдет
в мое сердце.
Будет радость,
горести, невзгоды,
как учеба на дороге
в трудных днях борьбы.
Но печаль
нужна, ведь, тоже,
чтоб сравнить
то, что было, и что будет.
Листья
опять кружат,
проводя клин
под небом
в теплые края,
листья желтые
от света
солнца.

Волна
ветра мокрого ложится
на мое лицо,
кружится
над землей.

18.09.10

***

Сто лет будешь жить.
А смысл?
Дрожащей рукой
хвататься за жизнь
от страха
объятый им,
за судьбы людей
и жизни, что забрал, злодей?
— Свои, свои! —
тебе кричали умирая,
а ты команды отдавал,
или
хватался сам за
ствол,
когда вокруг
стая охраняла
и ненавидела тебя
в глаза любя.
Таблетки, доктора —
спасая сам себя
биологически,
сознанием давно ушел
туда, откуда не приходят.
Звон
будильника
в ночи:
ты не спеши,
не за тобой.
Другой будет звонок
и бой,
другая
будет тишина —
безмолвия
и вечного не сна.

21.09.10

***

Дни тишины.
Город мой, город любви,
город, где растут цветы,
город усталый
от шума дня.
Ночь.
Город великий стоит,
переживет
дни невзгод,
время любви вновь
придет.
Даже днем
святость на нем,
и на всех нас,
бывших солдат,
любивших тебя до конца,
город любви.
Дни не ушли,
они с ним и с нами,
город с цветами
в любви навсегда,
в вечности помнить
мы будем тебя.

21.09.10

***

Тоска, фантомом,
рядом,
большим снарядом —
от меня и ко мне.
Любовь!
Это к тебе.
Но не нужна эта любовь
надолго никому,
миг встречи вкоротке
и снова я уйду,
не удержать в цепях
даже любви —
свобода и поиск смысла жизни.
Ты иди,
говорю себе,
здесь все скользящее —
и верность, и слова:
сегодня говорят одно,
завтра — другое.
Все равно сковали,
как в осенний дождь, —
ногами листья подкидаешь, мнешь,
и думаешь лишь о себе,
сухой одежде.
И тебе и мне
любовь —
вино в чужой руке,
не зван ты,
пришел на пир чужой,
зажавшись в угол, —
не твоя любовь.
Тоска фантомом отрывается
с ветрами мыслей,
и мне уже все видно
со стороны:
любовь двух тел —
недолгое блаженство:

измена, ненависть
и зависть
других мужчин и женщин.
А искры из костра
летят, последние уже,
и мысли раздражений о тебе, себе
плывут
за горизонт
важнейших дел.
Я говорю себе: иди!
Иди и не грусти —
все прах
в любви,
но, только, не стихи.

22.09.10

***

Квіти літа
відцвіли з любов'ю,
квіти літа нині в небі
наді мною,
квіти літа до схід сонця
вкриті чистою росою,
Квіти літа
ввечері шалено
п'янили нас з тобою.
Я бачив зорі,
одна із них була тобою.
Так любити можна
тільки в квітах літом,
один-єдиний раз в житті,
і відлетіти
з листям, що всохло
під холодним вітром.
Люблю
красу земну до болю —
квіти відійшли до неба,
а я лишився
в осені
з тобою.
І в дощ осінній
я зігріюсь в квітах
твоїх очей.

25.09.10

***

Моя ты боль,
сколько лет уже со мной,
ты жжешь огнем,
вгрызаешься зубами в плоть,
я стону, сжавшись, в комок,
сплошная боль...
Я Бога столько раз просил
и всех святых,
и Матерь Божию в молитвах,
сколько было сил,
убрать эту боль,
но понял я, что небо делает
из меня металл,
и с болью этой не расстаться
мне, пока я стойком не стал,
и я тебя мою болюгу-боль
приручу,
я сделаю из тебя кота-мурлыку —
у меня нет выхода,
а не потому, что так хочу.
Ты будешь греть меня теплом огня,
и зубы твои станут медом для меня,
ты будешь преданно заглядывать
в мои глаза,
поджав свой хвост,
и боль уже не будет болью
для меня.
Наступит время перейти порог
и я металлом закаленным
уйду на поиски других миров,
оставив тебе в память
тело-прах,
где вечно будешь помнить:
я — солдат,
и будешь ты за мной скучать.

25.09.10

***

Я тебе люблю
як лист зелений по весні,
Я тебе люблю
як перші квіти із землі,
я тебе люблю як сік березовий
у лісі залитим сонцем,
я тебе люблю як місяць
любить землю,
я тебе люблю як хвиля берег,
я тебе люблю як перший
жовтий лист гарячий,
я тебе люблю як квіти осені
під першим снігом:
бачиш,
хризантеми різних кольорів збіліли...
Сніг, мороз...
Я люблю тебе тендітну, юну...
І вже ніколи
не обійму,
не поцілую...

28.09.10

***

Списков в мире много.
Списки разные:
электронные и бумажные,
простые и сверхважные,
но эти —
гиперболой боли к небу наверх,
к совести нации,
к власти:
дети онкологические
на операцию.
Очерствели мы все
в дорогих одеждах —
комфорт условий
пожирает деньги
страны икластой.
А где же священники?
Где анафема очерствевшим?
Списки очереди на получение денег,
операции не дожидаются многие,
и в три года, и в пять тоже,
понимая сволочную географию доли
уходят со смертью
за новые костюмы,
стоимость автомобиля —
грабанули:
кто-то в комфорте
будет передвигать свое тело,
а дети не увидят больше
рассвета —
душа из бездушного списка
отлетела.
Списки разные,
но дьявол чертит кощунства доли:
одному миллионы,
папой откистенованы и отбитованы,

другому —
в список очереди на операцию
онкологии
не доходящую вовремя.
Время спасения детей страной
и роскошь других горой —
в разных координатах,
их интересы не пересекаются.
Роскошь съедает души
и они — живыми умирающие.

30.09.10

***

Приятный разговор,
улыбка на лице,
полутемной комнаты таинство,
в камине — пламя,
отсвет на стене,
языки огня взмывают вверх,
оранжевый и красный свет.
Танец огня.
Я пальцы твои глажу
нежно, и любя,
ты поддаешься,
и мы сжимаем их до боли
приятною по телу всем истомой,
и нам все мало
этих прикосновений
в такт музыке огня,
губы
соприкоснулись в поцелуе —
Анна, как я люблю тебя!
Из синеморя снов мечты моей
тиха и чуть грустна,
глаза спокойные.
Сегодня ты, любовь моя,
в мире бесконечных
и бессмертных дней,
царица-Анна,
посмотри скорей:
на небосклоне полная луна
задумчиво смотрит
на тебя и меня,
и что-то говорит.
Ты слышишь, Анна,
слова: люблю тебя!
Все нестранно:
и этот вечер
осени холодной,
горящих дров
тепло,

и ты мила и так чиста,
как в юных снах
моих надежд...
Царица Анна,
я люблю тебя,
и мой счастливый век!

01.10.10

***

Исчезнуть бы
в черной дыре Вселенной
от цепи событий земных
перетленных,
где все как в разбитом трамвае
без рельсов,
и только шпалы искореженных
действий,
асфальт в перебитом
ямном состоянии,
трамвай заржавевший,
и стекла сварганили заледеневшие,
взять бы с собой
три цветка от весны,
от лета — любовь
единственной,
от осени — листьев,
штук пять, пожелтевших.
Осень — отсчет
для ума,
стяжелевший он,
как урожай на полях
в этот осенний
неистовый час,
где даже любовь —
наслаждение лишь телу.
Мысли тревожно
мигрируют к цели,
а цель их — дожить до зимы,
где снежинки,
их бы мне взять
на ладони
в черной дыре,
где горит все
и гонит
светосвечение столбами в дальность.

Название черное —
не для лучших миров,
но в астрономии
условно ведь все.
Вновь
я не увижу начало конца
цепи событий брехни,
и сладка речь витиевщиков
без языков
рвущих сознание,
как шкуры быков
на бойне мясной.
Жестокий пролог —
нас накормить,
а потом свернуть в рог
новых баранов или козлов.
В черной дыре
место готовь
мне, мой небесный спаситель,
прости.
Я все без злости
и почти без любви
ко всем, с исключением
лишь единиц,
и к Богу,
который терпит меня
и хранит.

02.10.10

***

Тихая улица в липах, каштанах,
брусчатка старинная
и старинные здания —
строили в имперской
России
на тысячу лет,
архитекторы были
от Бога.
Музыка в камне,
и день весенний,
солнцем залитый,
двери парадного.
Двери квартиры
кожей оббиты,
старинная мебель,
старик и старушка,
будто хозяйева, но что-то
на ушко
шепнули входящему
студенту-поэту
из здания красного
перед парком пространным,
одноименным.
Студент, покрасневший
от важности миссии,
явки-квартиры,
где доносители
с возраста юного
были из КГБ.
Империю новую,
СССР,
студент, руки потные,
пишет тужась:
о танцах в общежитии,
и кому отдалась
Алла веселая в вечер шальной,
а, может и нет, не дала.

Свой обзор —
сплетни как ветер
мальчишки несли:
я уже пробовал, а ты?
И чтоб не пасть в глазах
однокашек,
слабые ввали
про Аллу-смеяшку.
И пишет поэт донесение
важное:
пунктом особенным
об однокашнике, что
водку привез из села
вместе с салом,
и кто ее пил,
и о чем там болтали.
Пишет, сопит, напрягаясь,
серьезно:
Родину-мать
спасает болезный,
испуганный в детстве
трубой-саяотрусской —
мать печь
чистила в стужу,
ветер завыл и сажу упала
его напугав.
Вырос спаситель,
да еще и дар блага
стишки-поэтизмы
со школы о Ленине,
и партии, Родине.
Тут и заметили.
Пишет, старается —
о профессуре.
Полковник серьезный
курит и хмурится:
— Давай, поспеши.
И вот тебе ведомость,
«Седой», распишись
за рублики с Лениным,

и постарайся.
Следи, брат, в оба,
карьера большая
у тебя,
ты стал солдатом
секретного ведомства.
И тут поэт
попросил
двоек поставить
своим нелюбимым
друзьям:
девушки у них,
водку пьют с дымом
ментола,
с конфеткой.
И офицер вытер лицо
белой салфеткой,
кивком головы одобрил
и крякнул:
— Не жалеи их, души,
чтоб все там боялись.
А ты — матерей,
скоро работа —
в журнале, газете,
там будешь бдеть в оба.
Начальник
в серьезных заботах
храненья страны:
— Элита ты, сын,
на всю жизнь
верны твои идеалы,
ты все пройдешь
в скобенившейся стае,
где всегда будет вождь
при любых комбинациях,
словах систем.
Ты — хранитель страны,
и черт нам в артель.

03.10.10

***

*Із розповіді
моєї мами Надії.
Надпис на хаті читався
ще в 60-ті роки ХХ ст.*

Дерев'яна цеберка —
вимита, чиста,
накладена м'ясом
посипаним сіллю.
Стоїть солонина в темній коморі,
а мати
піч топить,
квола,
очі бляклі,
байдужі,
немов би сліпі...
Вогонь у печі,
закипає вода,
діти на ліжку...
Уже не біда,
буде що їсти,
всіх нагодуєм —
вчора зарізала доньку...
Надворі вітер,
і тин похилився,
і напис на хаті,
з вулиці видно
червонії літери
на піваршина:
“Хай живе
великий і сильний
товариш Сталін!”
Цеберко,
тато покійний
ще за царя
зимою робили
на довге служіння...

Якби вони знали,
спалили б усе:
і дерево сире,
і хату,
й себе!

05.10.10

***

Капитализма победа
свершилась окончательно.
Дошли до тупика, а дальше —
уже опасно:
олигархонизационные
движения установились —
где миной, автоматом, а где
и просто из власти бандиты.
Все по трудам великих классиков,
которые не написаны и
не напечатаны.
Я первый стараюсь создать
теорию стройности:
из рубщика мяса —
в депутаты стойкие,
из директора-«комка» -
в директора, но парламента,
из шпаны — в миллиардеры по банкам.
Теория стройности и
неотвратимости:
хочешь — не хочешь,
а ты раб бизнеспартийности.
Только власть с большим
переоборудованным мусоровозом
раздает «бабки» своим
«трезoram»,
если интеллигент,
или просто слабонаученный —
скамейка в парке, хот-дог,
в лучшем случае.
Теория стройности рядов
олигархизации:
в истоках, типа, Президент
типа, папа нации.
Нация тоже тянула, крала,
но тачками или самосвалами —
все были этим заняты,
а папа построил ряды
захватизации.

Собственность — священна,
это их религия.
То, что больше стырили,
вам, рабам, обидно,
и вы ножи точите по чуланам,
но олигархи живут в «маямах»,
здесь их «бумаги» и «рексы»,
как достать и что потом делать —
прочитаете на лекциях.
Все напишем как у Маркса,
без Ленина,
будет круче и жестче,
учитывая наводнения
глобального потепления.
Теория стройности
рекапитализации
тыренного,
я, гений, напишу —
заплодируете.
Сервис в стране достиг
пика уровня —
ночью спишь, а тебе
по телефону или в окно
бухают:
купите, продайте, получите
проценты!
Ненавязчивая реклама вышла
из науки оплодотворения —
все на мате русском
и в разных позах.
Освобожу вас и от этого
кошмара
без мин и винтовок:
жрите книги, читайте
и думайте
больше головой
чем пищеварительным
уровнем.

05.10.10

***

Я мир не делю на ваших и наших,
я не ишу себе постоянно
женщину краше,
я с трудом пробиваюсь
в полумраке сознания
туда, где есть свет
и не умирает
надежда, свобода.
На узком, как нитка,
проходе —
тропинка меж грудями
ужасовхлама
отходов людских тщеславий
и срама,
лжи и неправды несущейся
бурей
потоков с гор этих
на наши души.
Я пробиваюсь тропинкой
неровной,
израненный телом,
но с твердою волей.
Я пробиваюсь, отбросив
любовь,
которая мне от меня
эгоизмом оков.
Я пробиваюсь
и всех вас зову:
не костенейте
на лихом плаву
и лишь бы прожить.
Это не жизнь.
Жизнь — покоренье
себя —
сильных есть путь.

06.10.10

***

У Всеукраїнському Розбраті,
чи Великому Розбої
відкрили лавку антикварну,
прямо там, під куполом,
в самому Вертепдомі,
тарілки, таці з порцеляни
і вази підроблені
з пісками країн арабських,
під французькі марки
картини дів оголених
і спереду, і ззаду,
ікон старих,
та теж підробок —
виборцям народу
прямо в домі.
Єдина це країна,
де лавка старовинна,
антикварна,
уявіть-но Англію чи Францію
з чучелами вовків
чи може крокодилів
у парламенті...
Вибранці і виборці здуріли.
І спить Булгаков вічним
сном,
ви дамський магазин
відкрийте для нащадків
козаків,
а можна ще й
для полювання хлів
з рушницями і сумками,
а ще —
урологсекспатолог
кабінет
та шаурма,
кіоск із пивом, кавою,
у залі,
і казино
десь в туалеті,

бо негарно:
скрізь закривають,
а тут — грають.
І можна ще й стриптиз,
а по вихідних
екскурсії водить,
і ще готель на ніч —
секс в кріслі,
де сидить
такий-то депутак...

09.10.10

***

Прошное, как рукой,
тебя по голове
иногда ласково погладит,
а иногда ударит
в висок и шею,
и разлитая боль по телу
до души:
с годами
столько видеть...
Напиши, мне говорит внутри,
а что писать?
Уже давно исписаны листы
и мной, и до меня,
количество скорбей,
людей
предательств
и одиночество, как результат —
порочный круг,
из которого всем выползать
поломанным
и сдавленным судьбой.
А виноваты кто?
Так хочется макнуть кого-то,
но все в обратный
ход потом идет,
макает всех
и напролом
болезни и тоска —
дожить, дойти...
И часто нервная рука
спешит
закончить все сама,
но это грех,
неволя.
Небеса
не примут этот выбор.
Закрой глаза
и выключись от мира
хоть на час.

Порочный круг:
мочить, давить, макать,
а прошлое потом придет,
когда не ждешь...

10.10.10

***

Видим то, что видеть хочется:
маньяк через метровую
стену
женщину раздевающуюся,
вор через стенку
сейфа несгораемого
посчитал наличность,
взвесил драгоценности,
и все глазами.
Каждый видит то, что хочет:
один — недостатки,
другой — достоинства,
Вектор контроля все
сосчитает,
и приговор
ненависти к ближнему
не отмыть, не отчистить.
Вижу небо серое, осеннее,
скоро дождь
и ветер северный,
слабость ног и мыслей слабость,
но я вижу
тебя, радость,
сколько счастья!
Миг, минуты
сложены в годы,
а смуты
опущу за занавес,
их не помню,
только лес
и ты в нем летом...
Помнишь, солнце,
небо
помнишь?
Не забыть...
Видеть только Божье
и по Божьему любить.

10.10.10

***

Я видел бедность и одиночество
сегодня днем,
когда его высочество
из террикона
бросал батон
хлеба белого на всех.
Ты сжавшись с деревом
под листья с ветром
дрожал от холода.
Утех одних —
так много явно,
тоски других —
через борт
той лодки старой и дырявой,
на ней он и гребет,
беден, одинок,
а день — к концу,
короткий в осень,
и скоро ночь
длинною в год,
и сколько мыслей...
Горечь, горечь
тоски расплаты,
за что?
А Бог-то знает,
и гонит нас,
строптивых, смелых,
в свой белый сад,
а мы, не зная,
рвем кто куда,
Бог догоняет
и всех туда,
где главный приз,
смирившись волей,
где вечность риз
самого Бога,
где ждет нас жизнь —
не рай сказаний,

а вечность
в труд —
там Бог хозяин,
и загоняет, как
овец
в забор, ограду
силой, силой,
не понимая мы бежим
от жизни ветхой
к вечной жизни.

10.10.10

***

Гиблым и неровным строем
идет толпа
и землю роет,
чтоб не пропал напрасно
тоннокилометр,
при переходах с людных мест
в места, где все по-новому,
не так, как в перестройку,
в первый раз.
Здесь все попались на узду —
за «сильною рукой»
их дурь
тянула от свободы,
и «сильная рука» пришла
не замедлив.
Годы быстро: тик-тик-тик —
«сильная рука»
не пшик.
Нас ведут,
а рядом — хряк,
в клетке на телеге,
но не съедный —
на развод,
в места,
где не было людно никогда.
А за нами — целина,
сеют хлеб,
и закрома
строят, башней прямо к небу,
круглые, квадратом,
сверху будут насыпать,
снизу брать опять,
чтобы сверху засыпать,
чтоб была работа тем,
кого оставили.

А тень, день и ночь,
толпы ведомой,
окрик конвоиров грозный,
в мегафон крик,
по пути
лекции читают нам, статьи
о свободе
впереди,
что ждет нас там,
говорят, почти-что рай.
Ноги сбиты в кровь
дорогой,
головы забиты сдобой
обещаний путь-конца,
силы страчены
на глупость,
вдоль дороги кучи кукол,
их дают тем, кто стелает,
род продлить свой хочет
в век:
куклу в руки —
человек,
и таблетка под язык
тихо маме с папой —
шик
так жить.
Идти лишь нужно,
без борьбы,
как те верблюды
в караванах по пескам.
И идет народ
то тут, то где-то там...

10.10.10

***

Придет время и перекрестишься —
гром грянет увесистый
за баловство словом
и значимость
ту твою, что за слово
ставишь ты
себе,
писатель-писалка-писак.
Гром,
и твой крест, кое-как,
страха взывания
к совести,
к ответу за полет в личном космосе
над тем народом,
что тобою оставлен
в страданиях стойла —
мракописания
твои — для себя
и поднятия вверх
червями за
брошенный крест.
Мантия ветром
срывается в тучах,
холод и дождь
всему здесь научат,
но отвечать придется
собой —
телом своим и душой
за пасквили
на человечество,
слово разменной монетой
связав,
вбив клин между
небом и
народом,
распущенность душ
и нравов трескучих
воспевая.

Крест припал пылью,
и в поисках грустных
ты проведешь
не одно там столетие,
громыхая окостеневшей душой
и скелетом.

10.10.10

***

Франция восстала на цыган —
устали от ворожбы,
наркотиков и краж.
Бароны цыганские ушли
от роскоши в бардак,
пустив народ на сбор монет
и Президент сказал
вдруг резко:
— Нет!
Выселю!
Куда? Вопрос.
На Южный берег Ниц?
Народ готов.
В первопрестольной
белокаменной Москве,
тоже проблем —
с мэром прежним,
демократом,
укравшим дачи у коммунистической
всей партии.
Работать было лень,
одел квадрата шапку в чел
и мантию средних веков —
ученым стал,
профессор!
Смех коров.
Пришел второй,
простой,
в простецкой кепке,
и вспорол брюхо финансовым
мешкам
на миллиарды долларов —
жене,
а сам вопил, кричал в Крыму —
Москвы ведь мало-то ему,
и он сорвать хотел
кусок и моря,
но улетел с просторов.
И только кепка —

память на помойке,
но тоже стал ученым.
Двойки
такой науке
от таких профессоров!
А тут и время для попсы
пришло,
и всех китов хотят отселить
из столичных городов
в глубины, дно,
чтоб там крутились деньги
и кино,
и фаны с ними ехали.
Давно пора,
пора и власть свозить
куда-то в даль,
освободить столицы
от машин —
катай себе на джипе
там, в лесах
Полесья и Сибири,
в песочке Каракум
вместе с хозяином,
а он пусть строит чум,
ведь жить в столичных
городах уже нельзя —
достало всех,
не только Саркози.
Но придумал это
все-таки великий ум —
товарищ Сталин,
Саркози прихватил идею
старых, проверенных, времен,
поднял на верх:
да и время пришло.
Вот только жаль цыган,
но их лишь постращают
и оставят там.

12.10.10

***

Писать и говорить о том,
как рыжий папа
тырил страну нашу себе
мне надоело,
и повторяться не буду.
Да что о нем?
Он лидер планетарного масштаба,
такая есть «элита» —
гром!
О дочери его,
которая нашла заботу —
о СПИДе говорить, бороться,
и раздавать бесплатно всем
презервативы
со стыренных баблов,
откупаться от народа-быдла
дешевой акцией
на тротуаре,
у меня свои на это взгляды.
Вдруг припечет
и нужен друг-резинка,
что, бежать домой к милашке?
А время — даже и не деньги:
страсть перегорит
и сникнет тело,
а так надо иметь свои,
девка их раздает
бесплатно.
А дома видно ящики добра
разных фирм и стран
и, ба! —
папашка лазит и считает
чего и сколько есть,
о, сколько радости, утех!
Папа считает ящики пока.

12.10.10

***

В нашей стране —
главное есть власть,
деревья, небо —
только чужакам,
их мало.
А пока летит кортеж, эскорт,
и в нем пилот страны —
охлуй стоит, разинув рот,
поджав штаны,
вот это шик и блеск!
Власть пролетает мимо,
и невесть
когда ты попадешь в нее,
если повезет,
хотя бы в ЖЭК,
а, может, участковым,
все остальное — не имеет смысла:
и труд в полях,
и даже мартен,
если не свой
и ты его не спер,
охлуй.
Так многим хочется
служить!
Шеренгой движется братва —
власть!
Не прошмыгнешь.
Как сетка та
на карася:
ячейки, клетки,
а он лежит на дне,
и видит глаз опасность,
и мозг рисует ясно,
но в животе тоска —
еды!

Карась проходит снизу
и попадает
дальше в круг,
а там такая же ячейка, друг,
и весь запутанный,
и в сердце что-то жмет,
нехорошо,
от страха чешуя вспотела.
Он вспоминает лето,
карасиху,
листья зеленые лилий, кустов,
игру во синеве реки —
прикосновение любви.
А тут лишь серый цвет
воды,
и страшный завтра
день сковороды
в сметане.
Шеренгою идет братва —
власть по порядку
для костра,
отбор неблагонадежных
чудаков,
как в будку ловят львов,
и все как на показ —
главное есть власть.
А ты не знал?
Пойди к реке,
спроси у сетки,
что стоит невдалеке —
кормило браконьера,
спроси у карасей,
что уже в ней.
Чудак!
Какие облака,
какой там лес?
Трава.

Охлуй стоит, поджав штаны,
раззинув рот,
а мимо
пролетает
пока никем не занятый
эскорт.

13.10.10

***

Анна!
В утреннем свете солнца
золото кроет твоё лицо,
глаза спокойны
и чуть невеселые.
Ты меня прости,
Анна!
Возьми и обними,
моих лет двадцать убери
туда, назад,
куда-то вдаль,
где из за орбит земли
они пришли
и точно так уйдут
на время.
Анна!
Я люблю.
Я нежен, ласковый,
как этот свет
в середине осени,
я понесу тебя
туда, где облака.
В далеких далях синевы
ты станешь счастливой,
и сны твои
вернутся детские.
Пойми,
я не шучу.
Я так люблю.
Анна!
Свет золота утренний
с листьями вставками
в яркий пейзаж,
хоть и опавшими,

и ты по дорожке,
задумчиво,
ищешь
его,
счастье
своё.
Не проходи,
не спеши,
Анна!
Возьми!

14.10.10

***

Записки любовные,
записки секретные
власти, правительства,
записки о мести,
записки из тюрем,
записки из тьмы,
записки прокурора
возьми, почитай
записки о жизни,
о правде-творизне,
с которой стекала
кровь на траву.
Ночью, под лампой
света в безбашне
худой головы
рождались идеи —
их не отмыть.
Записки...
Много закрытых тем —
не поднимешь
в народ.
Могила,
тоска...
Синий дым
сигарет,
мы сидим и молчим,
обжигая гортани
чумлом,
в голове какие-то мразни —
хватит надолго,
на всех, записок...

14.10.10

***

Я чуть-чуть верю
в перевоплощение души,
Ты, Господи, меня прости,
и снова появлюсь на земле
добрать то, что не взял
и не успел.
Рассветы багровые у моря
снова я
встречаю
купаясь с дельфинами
в воде серо-дымной,
которая скоро станет голубой.
С первыми лучами
солнца я достану
небо руками
и в нем тоже окунусь.
Еще закат:
небо золотом украшено,
тихий шепот губ влюбленных
я тоже не добрал...
Я ненасытен
красотой.
Я приду сюда еще не раз...

14.10.10

***

Приоткрытый рот,
сигарета к губе прилипла,
дым в лицо,
ты смотришь на него с улыбкой
влюбленной,
музыка играет блантон
о нарах, параше
и вонь
материализуется в нем,
а ты, улыбаясь, вздернешь нос,
тебе снова нальют вино
дешевое и горькое потом.
Музыка рвет струны
на куски,
и снова благовые пески,
по которым бежит беглец
за свободой — убийца, злодей,
а ты ножкой, в такт, по полу,
и снова — вино, дым...
Травлю
я сердце в пьяном угаре,
ночь провожу с самоваром
на столе,
над ним парок,
а на дворе,
а на дворе — весна тоски.
Сколько раз любил,
и всё — не ты.
А ты снова пьешь вино,
слушаешь слова про то,
как кто-то зарезал пацана,
и это ошибка была...

Играй, гитара, до крови мне
сердце вырывай,
пусть грусть моя смешается
и эта гарь,
и я на час забуду о себе,
тоску забуду,
тоску,
рвущую меня который день.

14.10.10

***

Ты ушла утром
осени вначале,
листья золотые провожали
душу твою,
под небесами ветер нес
их хоровод печальный —
осень последняя твоя...
Слезами омываю
тебя
спустя столько лет,
виноват перед тобой.
Ты — человек,
я так ненавидел вас
во зле,
ненавидел всех,
тебе это было не узнать.
Вернулся день
моего прозрения через столько лет,
цель
каждого из нас —
не та
на земле,
что думал я,
в букваре пути учил линейно.
Я всех людей измерил
параллельно себе.
А ты не та. Ты одна,
как каждый здесь из нас,
я виноват перед тобой,
другими.
Час мой пришел
прозрения к свету
осени, где тоже листья на ветру,
сжигаясь, летят покровом золотым
по дороге,
и мне по ней идти,
уже другим,
за тобой.

Я всем должен
частичку любви,
мне не хватило
знания прийти
в мир чистым, сильным.
В грехах рожденный,
растерян,
человек без звезды
образумился?
Верой...

15.10.10

***

Всюду крыши ветхие
домов, проживших век,
битых дождем и снегом,
солнцем палящим летом —
тяжела судьба их:
стоять и накрывать дома,
но не смогли всё перекрыть —
через отверстие росток пробился,
стих —
слово к небу, на свободу,
и это слово
словом есть свободы.
А рос в условиях не простых
свободы стих. Кованный сапог
смотрящих, нет-нет, да крышу топчет,
но это проза, а он стих —
мерцанье звезд, их перепев,
луна в потоке любовных дел
летит,
и стих растет, вбирая всё
в себя.
Далекий космос,
взрыв сверхновых звёзд,
парад планет,
стоящих в ряд, —
всё впечатано словами.
Говорят, свободы мало,
а она дорогу всеравно найдет,
как ни кривят, как не косят,
истину любви обносят
ржавой проволокой, грязной,
по объектам, где охрана —
ценности страны и власти.
Истина закрыта даже
там, где святость для нее.

Суд
уже не тот:
там, за деньги и приказ,
склеят, сварят все на раз,
а росток все вверх, все выше,
правдой, к Богу,
что вот вышел прогуляться
в небесах
прямо в ноги — Слово.
Свобода путь пробила
не сама.
Росток ее
кормила и лелеяла рука
праведника,
в лишениях, трудах.

15.10.10

***

В памяти моей плохие и низкие
слова,
которые гвоздями в мозг
забивались мне не год, не два,
но я над ними поднимусь
туда, где слов таких не говорят,
а где — любовь.
Плохое быстро забывается, уйдет.
Я возрожусь, окрепну и опять
вернусь сюда
в поисках тебя,
но по-другому
всё начну,
сильным, нестигаемым приду.
Я много понял.
Научился ковать волю,
научился терпеть и ждать.
А мысли легким ветром
вспять —
мне не нужны раздумья и тоска
мне нужна любовь людей, тебя.

16.10.10

***

Господи, спаси и сохрани!
Господи, помилуй,
Господи, отведи
от меня погибель!
Грех, из далеких юных лет,
становился комом
снежным с горы,
уже не человек
был я —
звереныш.
Ты пришел
с лаской и любовью,
я не принял то,
что люди добывают кровью,
я отверг Тебя
не раз, не два —
жизнью.
Ты пришел опять,
почти за час до тризны,
и продлил года,
и промыл глаза
перстом своим нежно.
Ты открыл мне мир
и одарил надеждой,
а я, как ивы куст
под ветром поклонимый,
то тебе клянусь,
то снова рвусь
к сладости греха.
Ты прости меня,
и удержи как прежде,
подари любовь,
силы дай для жизни,

оставь мне свой Покров,
чтоб я с него не вышел,
чтобы каждый день
с Тобой везде и всюду,
чтоб Ты меня провёл
мимо порога царства муки.

16.10.10

***

Ох и культура, едрена ж ты мать! —
на сытое брюхо пощекотать
нервы зажратого лоха:
в фильме сегодня снова стреляли,
потом хоронили
бандитов, ментов и просто зевак,
и всем угодили.
А на другом канале — звезда,
девка голая, в чем мать родила,
старый дед бузотерит,
лысый, облезлый с деньгою,
он эту девку и так и эдак —
во культура!
А что там, на другом?
Танцы и песни,
тоже девки в трусах,
лоб разрисован, рога.
Потом о погоде,
звезды Кремля,
а там снова стрелялки мента.
Народ готовят почему-то в дебилы —
да-да!
А зачем же эта тягня?
Так не бывает, чтоб вхолостую,
явно, просчитан моментик,
и не жалеют хлопцы свинца,
красками кровь мажут, стервы,
рядом идет криминал новостей —
там труп, там сожгли,
утопили.
К чему-то готовят
народ...

17.10.10

***

Лист горячим цветом
золота-огня
кружит, падает
на землю
В парке осень.
Все как и тогда,
год назад.
Все как прежде в красках
жарких.
Человек
живет, метется в суете.
Ровно крутится планета,
и приносит Бог
бесконечно сменное время,
листьями слетая с неба.
Ты к ним не привык?
В этой жизни все как миг,
и привыкнуть невозможно.

17.10.10

***

Нервы тянутся в нити,
как в бабьем лете,
тонкорисковые:
ветер дунул, чья-то рука —
нить разорвалась.
Я нервы свои
решил призабыть,
как автобусы в парк загнать,
чуть остыть за ночь,
чтобы утром —
снова все в рейс.
Нервы мои,
я вас не жалел
выжимал и боролся,
истончая. Зачем?
Теперь успокоился.
Я вас закрою, забуду
пока,
без вас нелегко...
Небес облака,
листья осенние
утратят красу,
но мне б отдохнуть
без вас,
налету.

18.10.10

***

Храм скромный и бедный,
не сравнить с домами
роскоши, шика.
Священник
покорно благодарит
знать украинскую,
Смиющенковский род.
Табличка на храме —
меценат,
церковь, читай, что моя.
И скорпомощь,
тоже в табличках —
меценаты земли украденной
откупились копеейкой
с мильёна.
В парке Шевченко
лавки с приколом:
табличка —
банк-меценат.
Я посидел, отдохнул,
и пилять меня что-то стало
внутри —
вас что, не били еще,
пацаны?
По одному или разом всех,
в круг.
Что с головами,
пацаны?
Тошно вдруг.

18.10.10

***

В любви с тобой отгораем,
кроме этих чувств
ни на что мы больше
не способны.
Мы отгораем,
и любовь уносит нас
на край,
где осень,
и листьев, падающих в ноги,
жар.
Мы отгораем.
Пожар сердец
похож на эти листья —
они уйдут,
снесутся ветром быстро,
новые придут
весной
из почек.
Первые зеленые листки,
и проседь
на моих висках...
Первая любовь
не та,
когда горит листва,
горят сердца,
а тихая,
с небес,
где все другое,
и другие виды в мир,
но вернуться хочется
назад,
мне трудно принять
этот новый дар —
я там застрял...

И в чувствах, и в тоске —
сгоревшая любовь
к тебе
открытой раной...

26.10.10

***

— Поза, позиція...
Поважаю за позицію
опонента політичного, —
сказав поет відомий,
котрий писав про Леніна,
і п'ять партбілетів
у нього вдома:
почав з КПРС
і не закінчив РУХом —
пішов до влади бандкучума,
а звідти — до Вітька,
та там щось не сплелось,
тепер він хвалить бая,
що Україну гнуздає.
Поет писав про Леніна,
про цих вже не напише —
вичерпавсь.
Спустило все і зникло
в томах, що понавидавав,
і сором його не пече.
А поза його,
трохи іншого плану:
зігнувшись, цілувати
штиблети привладцям,
а позиція — любов
до заду свого в кріслі.
Не мені судить
позопозиціоністів —
це просто клас людей,
прошарок коти-поле:
сьогодні вони — так,
а завтра — щось прикольне,
що вигідне йому:
утриматись в рейтингкасті,
не сісти на міліну,
і щоб штани і ласти —
високого гатунтку.

А те що він поет,
письменник,
то не сердечний нерв,
то все — для шлунку.

26.10.10

***

Сегодня в стране —
время писателей,
их вдруг стало больше
чем читателей.
Пишут «звезды» экранов, сцены,
пишут политики-мутантогении,
дамы слюнявят об оргазмах,
днях, неделях
любви в постелях
богатых покровителей
от семей тыривших
на машину, хатку
и одевалку,
пишут и ноют: нет мужчин!
Плюют через Набокова
из своих пиарпиров —
это слова Натки,
я не выдумал.
Политики пишут
об «экономике»,
её спадах, подъемах
и горе, в котором кто-то
всегда виноват
в недоделании страны.
Воры страны
в томах отбелены.
Пишут и пишут,
потом печатают,
телеящики все продвигают их,
но нет главного
в этом потоке слова
замусоленного и покореженного,
нет главного и не будет —
читателя нет.

Он положил на все это
утюг свой
или просто топит
в печке
бумагой импортной,
а на ней словечки.
Пишите, человечки.

26.10.10

Угусь жить

***

Жалость к людям
ко мне приходит
несносной ношей,
но я ношу
ее в сердце,
и не уходит
она во вне.
Во всю пресилу
горе косит людей,
их мучений круги доходят
опять ко мне,
а я терплю,
молясь не часто,
и всё — в себе,
зажавшись в мышцах.
Не помочь...
Откуда силы?
Сгораю тихо
среди потоков
вскриков страха и борьбы.
А горе косит
народ,
и стонет кто еще жив
и на ходу.

27.10.10

***

Времени нет, а есть бесконечность.
Что же тогда, здесь, на Земле
неумолимо уносит нас в вечность?
Не задержаться, не устоять,
всё неизменно
и все вновь опять.
Сменяются дни, месяцы,
годы,
да годов то и нет...
Все так условно:
времена года плывут чередой,
земля вокруг солнца,
а солнце звездой одинокой
мерцает в безбрежности
звезд,
их, вроде, считали,
но это все ложь.
Как заглянуть туда, где
нет знака
отсчета старта,
где финиш —
бесконечность.
Ни мало, ни много,
а все без конца,
сменяются дни,
суета, пустота,
и брешь за грудиной —
однажды с утра
вроде снарядом
пробили тебя,
хирургам-врачам
ее не закрыть,
она — для меня

Думать не нужно,
а только идти
на путь тот тернистый,
где идут лишь полки
из полчища армий,
они во дворах,
срамных, постоялых,
пьяны генералы,
армии спят,
а полки
вышли с рассветом.
Их не много.
Но сила земли
в праведных людях,
что к Богу пошли,
и мне там есть место,
и я к ним примкну,
на тяжелой дороге
грехи искуплю:
в вечность идем,
к Отцу.

27.10.10

***

Ты взорвала меня
любовью,
страстью её огня —
столб в ночное небо.
Среди снегов зимы
я грезил
тобою
и мечтал.
Но мне хотелось холода —
металл
внутри меня
бросал в огонь любви
кусочки льда
и сыпал снегом
вместо поцелуев летом.
Я был колючим и холодным,
при встречах
обжигая льдом
тебя, любовь.
Любовь осталась
навсегда во мне,
но каждой встречи свет
я посыпаю льдом
из своих рук,
потом
иду, один,
в лёд дома,
где я господин,
а теплая любовь
осталась
и все равно горит
надеждой.

28.10.10

***

И снова спад,
моих грехов подспудный клад
увлек меня в мучений ад,
когда мгновенье каждое твое
взрывается страданием,
объем
которых нарастает каждый день,
и, потеряв желания
и смех,
иду к деревьям,
увешанных золотом гирлянд,
спускающимися в сон зимы,
прошу у них немного сил.
Клён еще зеленый
и живой,
столетний клён
с шелковою корой,
я жмусь к нему лицом,
прошу лишь об одном:
на созидание мне
чуть-чуть сил,
Бог, говорю я клёну,
разрешил.
И силой
он делится со мной.
А листья падают,
скрывая травы
в роскошных золота оправах.
Сгорает осень
и сгораю я.

28.10.10

***

Мне снова хочется туда, где весна,
мне снова хочется туда, где цветы, трава,
мне хочется в безбрежную даль,
и я говорю себе:
улетай,
оставь серый флаг в небесах!
Скоро ноябрь
свинцовой тяжестью
зальет окна нам
каплями дождя —
тоска
серой жизни в заключении
узкой комнаты
и дверью
на тяжелом замке.
Улетай хоть в мыслях
и мечтах,
улетай, не жалея, что ноябрь
плачет бесконечным дождем,
плачет он не за тобой —
просто месяц такой.
Улетай к весне,
улетай в травы зеленые,
оставь
жизнь унылую,
это — не жизнь.
Жизнь — лететь по небу
в поисках любви,
жизнь — это бросить серость
и уйти.

30.10.10

***

Прутья стальные на окнах,
сплошные,
клетками.
Небо вдали сыпет снегом
и вертит им
ветер,
завывая за стеной.
Обстоятельства со мной:
несостоятельность.
Шаги — вперед, назад,
по кругу,
и кровать не мягкая,
а ветер воет, играя соснами,
качая ветви,
хруст по лесу.
Шапки снега на домах
деревни,
наполовину вымершей и опустевшей,
окна досками, крест-накрест,
битые,
двери с петель местами сорваны —
гости-бандиты
были,
им столы нужны,
вот двери послужили.
Крыши ложатся, как домики
карточные,
снежинки кружатся,
и немало их,
а люди, убитые думами,
по углам, угрюмые,
несостоявшиеся...
Ветер продолжает шалить
лесом.

Крик зверя, уставшего
от борьбы со снегом,
а я меряю километры,
мечтая,
несостоявшийся
обстоятельствами,
хоть сам я
так не считаю —
Бог строг
и мы отвечаем.

30.10.10

***

Враньем, брехней,
шеренгой, строем,
чеканя шаг иду —
меня ведут в герои.
Вождь кусает губы,
сжимая пальцы в кулаки,
Иуды
идут рядом с нами,
отдельными частями.
Вождь нервно кусает губы
и что-то говорит,
но фанфарят трубы,
медь оркестра аж горит.
Крик ефрейтора —
роем окопы:
скоро война.
Нам выпала честь.
Вождь-сатана,
диктатор,
эффект от него —
баб по площадям
рев оголтелый,
окопы-то нам, дуракам.
Сырость и холод,
ожиданье врага,
оркестры молчат.
— Голод — не беда,
вам в герои войти
посмертно,
впереди — враги! —
так вождь говорит,
и они,
подвожди.

Время идет,
враг не ползет,
и нервные рвутся вперед,
а там нет врага,
там вода,
океан,
шепот волн и шорох песка.
Годы в окопах
ушли в никуда,
вожди поменялись,
как и всегда.
А мне снится сон:
стальная рука,
нервные губы труса,
страх мой и тоска.

30.10.10

***

Что скажешь ты, человек,
когда через много лет
вместо нас ты придешь
в нет?
Нет лесов, дубрав,
нет реки, воды,
нет земли, лугов,
есть на свалках лопухи,
есть реакторы, атомом
дышат,
есть остатки городов —
камень и железо,
крыши
прохудились и упали,
есть полчища
крыс и змей,
есть музей
искусств современных,
где куски мяса
склеены клеем «Момент»,
где кучки пластика
сбитые в пачки
разных цветов —
это центр педерастов,
там раздавали бесплатно
кондомы,
но вы родились вопреки
духу злему.
Что скажете вы,
в нет приходящие,
о нас, предшествующих?
Мы все экономику,
в хвост и гриву,
жали по газу
педальку до пола,
но не состоялись.

31.10.10

***

Ты в мир вошел,
и видишь маму,
и Бога видишь,
там, за горами-облаками,
взрастая и набираясь сил природы,
ты окрыляешься мечтами,
годы несут тебя
в расцвет,
где мед юности и свет,
и мечты, мечты,
надежды...
И смех твой радостный,
и свежий взгляд,
а годы все летят,
и, вдруг, ты понимаешь,
что мечту почти украли,
клоунировали,
и клоунадой жизнь
на подмостках
власти избранной,
на избиралок
взгляд несерьезный,
и даже наоборот —
бутафорный.
А власть зовет:
вперед!
Служить Отечеству,
что всё трещит по швам.
Мешок в заплатках,
но тащат тут и там,
а ты на ниточке вedom:
театр, кукол дом
и клоунада
с бутафорией конца.

Страх пробирает.
А мечта?
Она была.
Но всё сломали и
устроили всем цирк.
А я то думал в юности:
что жизнь?..

04.11.10

***

Посвящается Л.И.Брежневу

Я мечтал о твоей смерти,
я хотел жить по-другому.
Я помню тот день радости,
когда ты почил в бозе.
Я строил страну другую,
потом на костях дедов
вновь все ломанули,
без песен и оркестров,
а как-то тихо,
даже митинги и те,
вполсилы,
все было какое-то рыхлое,
и люди, что старое откосили,
тихо так уходили.
Я строил страну другую —
себе петлей на выю,
влихую.
Я построил петлю на шею,
в нервах и бесчестии,
я прошу прощенья
у тебя, человека,
ты знаешь мое сердце —
в нем уже почти
любовь к людям.
Я тащусь по земле в траншеях,
и только Бог в силах
отменить то, что я себе
отмерил,
и рвусь к Нему в молитвах
исправить то, что я сделал.

06.11.10

***

*Памяти брата
Владимира Токафенко*

Я хочу писать стихи —
нет бумаги.
Осень
бросает мне листья
с деревьев,
они весело летят,
мне бы время не потерять —
ловлю их на лету,
но много мелких.
— Мне больших! — кричу.
И клен услышал,
листьями крупными
меня забросал.
Я пишу, пишу —
на всех сразу.
Брат ушел...
Боже, прими его, страдальца,
и прости,
оборван
путь его скорбный,
болезни сломили его и убили,
судьба, обидев, весело ушла
за другими...
Листья падают.
Брат ушел, улетел,
осень кружит желтый свет,
пишу на листьях
и молюсь:
пусть простит Бог
больных
и излечит.
Ветер листья,
стихи мои и молитвы,
к Богу несёт - там надежда.
А здесь - слезы на листья...

08.11.10

***

Мамо!
Я біжу по стежці
скам'янілозбитої землі ногами.
Мамо!
І радість в серці
райдугою
між нами.
Мамо!
І літо наливає теплом
світ,
а я, такий малий,
біжу до Вас
в кінець городу,
там, де вже берег...
Мамо!
Пам'ять міцно
тримає все...
Але
де Ви?!
Де дитинство золоте,
святі мої дні?

10.11.10

***

Поет — це вже назавжди,
це стан душі.
Коли Бог забирає слово,
життя, мов полова
за вітром полетить,
воно вже не варте нічого —
мить між відібраним
словом,
гріхи і полова,
муками сповнена мить
розтягнеться
на довгі роки,
і палитиме тебе
пустотою
за гріхи,
за ігри зі словом.
Полову
розвіють вітри,
а слово очищене
до Бога
повернеться...

10.11.10

***

Ми шукаємо
не те щастя.
Шукаємо любов і
жінок і
багатство.
а жінки шукають
чоловіків
з гаманцями тугими...
Шукаємо,
а час сплива рікою,
і не дарує нам спокою,
і щастя не пливе до рук...
Лиш обраним
Господь дарує щастя —
не на Землі...

10.11.10

***

Золоті жита.
Літо.
Ранкова роса стежинок.
Пахне хлібом.
Тихий день і сонце в небі,
і русалки є в хлібах...
Далеко я зайшов,
і лячно мені —
ану русалки залоскочуть?
Бачив я їх на малюнках.
Поле, жито шумить,
мене в ньому не видно.
Скоро жнива,
в клуні жар золочених снопів,
а із печі — новий хліб,
чорні здоровенні паляниці,
мати просить їх гарячими
не їсти,
але чекати ми не можемо —
як приємно хрумтить скоринка!
Можливо,
хтось й не знав такого,
можливо,
хтось забув про нього,
але це Україна пахла —
житом і хлібами мами.

10.11.10

***

Сумеречные дали
стали близями,
и кричат болваны перекошеннолицы,
не только в телевизоре.

Я встаю рано,
воду долго лью на голову,
контрастным душем
смываю

эти дикие голоса.

А ноябрь крепчает днями,
набирает вес числами,
и вчерашние осенние дали
уже стали близями.

Проскочить, проехать, прорваться
мне бы в космос, на Марс,
за счастье, —

в одиночество ракетного
дома,

или в лес далеко,

или поле.

Я молюсь и терплю

дни и годы,

они тянутся медленно, вяло,

а шиза оказалась на воле:

режет, бьет и кусает —

оторвалась во время меченное,

для нее, почему-то в осень,

я б ее на морозе подвесил

январском, аж голубом, в запое,

и пусть бы там боролась

за тело

свое отвратительно жуткое,

а так еще солнце светит,

и листьев золото кружит.

10.11.10

***

Интеллект во власти не ценится:
чем глупее правитель,
тем более глупое его окружение —
там не нужно, в верхах,
брать все в голову,
иначе будет болеть,
и придется бороться с голодом,
нищетой, произволом, бесправием,
ложью, хищничеством
и бесславием.

А так только язык во рту
извергает крик и хулу,
угрозы и запуги,
а в голову брать ничего
не нужно:
власть такая сильная,
надежная,
водить по кругу барана
безнадежно,
глаза ему завязав повязкой,
в рот — клок сена или буряк,
и сладко
говорить голосом твердым
все, что хочет услышать
стадо.

Тошно бывает отдельным,
они уходят в горькую....
И снизу и сверху
всё продолжается многодолго.
Мы привыкли.
И еще к тому же
пишем с них икону.

10.11.10

***

Мне в твое бы шоу,
да на ряд последний,
и с тобой, зазнобой,
выключить бы свет там,
и залиться жаром
любовных наслаждений
в студии стемневшей,
и экран потухший.
Слышишь, телеприма?
Может быть, рискнем,
прямо в понедельник?
Ты уже готова,
а я бы все забросил
ради
тебя в теле.

11.11.10

***

Футбол и пиво —
новая в страну пришла
“культура”
на смену старой,
где была литература
искусство, музыка,
но это стало скучно,
нужно было напрягаться,
читать, пытаться разобраться...
Это все порядком надоело.
Под шумок, вместе с коммунизмом,
улетели
проза и стихи,
как пережитки Маркса-Энгельса.
Быки выросли на пиве,
и шеи их, на диво,
и сами, как шкафы.
Стадион гудит,
а ты из банки
хлещешь пойло,
и жизнь твоя идет достойно.
В футбол играют
много наших,
а много — покупаем,
за деньжата.
Мы ожирели пивом,
потому спорт —
часть культуры.
Теперь из-за границы
форварды,
футбол — это и деньги,
и тема —
политикам на встречах
потрындеть.

Футбол и пиво —
Нобелю сюда
уже не посмотреть,
а, может быть, введут
для стран особых
премии по пиву и футболу.

14.11.10

***

Танцуют все!
Танцуют мальчики —
журналисты и писальчики,
танцуют девочки —
актриски и умелочки,
танцуют все:
истеблишмент политики,
крутилы бизнеса
и одноликие,
танцуют все!
А танец — белый,
но мужчины не приглашались,
они сорвались и метнулись
в зал,
как на собачьих
свадьбах хватая дам
плясать и вячить.
А глаза их всех лукавы,
после сессий
депутатских,
когда решались вопросы
жизни, земли
и тризны коммунизма.
Танцуют все,
и наповал
двадцать лет!
Я не видал еще такого
марафона:
глаза в глаза,
любовь не зла,
любовь умна,
ей нужна оправа,
она как брильянт,

и только слава
этих мужчин
украшит женщин
и голубых,
пока танцуют все.

14.11.10

***

Вопросы, вопросы, вопросы...

Ответы?

Ответов нету.

Что же случилось с людьми?

Не край света,

природа вчера еще

в девственном цвете:

леса, луга, реки, озера,

сегодня — здесь мусор

и горы отходов,

а дальше — заборы, заборы,

дворцы,

намытый песок, там где

вчера еще видел цветы.

Как перед мором,

сошли все с ума —

рвут заповедники

и в закрома,

себе и потомкам —

заборы, охрана...

Откуда сдичалость?

Не родина хама,

а все повторяется в

мире под солнцем:

хамов рожали матери

в дом наш,

и что с ними делать?

Вопросы, вопросы...

Их ужас бытийный

на нас переносят:

слабые с крыши —

вниз головой,

кто посильнее — водку рекой,

а кто — на иглу,

спрятавшись правды.

А эти гарцуют
по родине
Лавры,
по родине древней
Софии —
бани и люксы
видны из их окон,
монастыри и кресты.
Эх, богачи!
Вопросы, вопросы,
и нету ответов,
может быть, бросить все,
и с бабой отпетой
снять номер,
и видеть с него купола?
Что я почувствую?

14.11.10

***

Древней Софии площадь,
кресты
высились над городом
не для красоты,
они взывали к совести люд —
увидеть и сверить с ними
свой путь,
много столетий
Софии кресты
компасом были
и по ним шли.
Сегодня — армада бетона
и стали,
денег грязнящих,
их все-таки крали
у бедных избушек
подонки без совести
еще до пеленок,
растят капитал,
строят бедламик —
дома-небоскребы
плотным кольцом
кресты приземляют,
и, нагишом, смотрит
влюбленная парочка
вниз,
после оргазма...
Ты повернись,
подонок властейный,
и посмотри, что ты
наделал,
подельник папашки —
царька на годок?
Святая София —
всем нам упрек.

14.11.10

***

Не хочу, не хочу
жить по вашему —
мне свобода нужна.
Я вас спрашивал
о делах ваших грязных —
мне смолчали вы.
А меня, а меня
так достало всё:
то я в армию —
почти зоны клок,
то завод подавай,
то на Дальний Восток.
Стройки века.
Болота, комары и ругня...
Деньги сгнили — в трубе
ваш сбербанк,
потом капитал
приоткрыл люк чуть-чуть,
а тут снова возня —
власть долбает.
Чинуш развели,
что орда по Руси,
тут все вы свои
по крови, черт возьми,
но как только наверх —
так и драть всех вниз.
Ваш оброк
и наш век
не стянуть по живу.
Мне свобода нужна,
а вы все — в бетонный забор:
луга и леса ваши там,
и болот уже нет...
Все закрыли.

Труба,
крематорий,
вверх дымом сходит народ,
и вам посвободней, поди.
Но кто знает, что там
ждет нас в новом пути?
Мне свобода нужна
и любовь в берегу,
а вы — новый оброк!
Никогда
я вас не пойму.

16.11.10

***

Этих мыслей эшелоны...
День и ночь летят вагоны
с грузом тяжким,
неподъемным.
Мысли, мысли...
Как мне жить?
Ложь как воздух входит
в тело,
оседает
черным мелом,
и в глазах уже не искры —
замутненность грязи жизни:
все в борьбе за чистоту,
но не ту,
что в книге главной.
Что душа?
Она страдает.
Но не всем
слышны те просьбы,
что несутся как из прорвы
в прорву новую,
и страх сеется как
хлеб в полях.
Все в борьбе за деньги —
сладко
с ними тешить себя:
— Бабки!
Борьба за деньги
крепко затянула всех
на фронт,
где нет тыла,
горизонт без канонады,
вспышек взрывов —
всё решается в тиши.
Но потом считай, пиши,
киллер врежет все равно:
кто-то сляжет как в кино.

Мир, как змей многоголовый,
везде дышит пламя ртов.
Мысли, мысли...
И накал
их таков, что я устал.
И уйти куда-то сложно.
Только к Богу...

17.11.10

***

Счастлив, несчастлив —
ромашка не скажет.
Счастлив, несчастлив —
сад свой пусть садит.
Лозы виноградной
гроздя душистые,
летом прожженные,
сладкие чистые,
или, из туч черных
такого же лета,
градом оббитые ягоды
цвета красного
кровью текут по земле.
Льдом среди лета —
по голове.
Счастлив, несчастлив —
что изменить?
Путь всех — под солнцем,
одна всего жизнь.
И в белом саду
посредине весны,
небо все в дымке,
гудят здесь шмели.
Проживаешь такой день —
он весит годы.
Счастлив, несчастлив —
путь не так уж и дальний.

17.11.10

***

Уже нет осени золотой,
почти черные ветви деревьев
стеной
в парке, укутанном
серым туманом.
Листья промокшие,
травы еще чуть зелены,
и стаи ворон
на рябинах —
их гроздь
красной горой
среди мрачных цветов
ноября.
Природа уснула,
а я ищу себе
здесь красоту,
и нахожу ее во всем.
Я могу
стоять в холодном парке,
смотреть
в ненастье
и видеть:
все красиво создал Бог.

17.11.10

***

Оторвись, народ!
Революция!
Подними штаны,
видишь, лужа вот.
В ноябре туман и дожди,
не промокнуть бы!
Подожди!
Не опасен нам холод и вода —
изнутри идет сверхжара.
Что же здесь в конце
хмурой осени
не дает покоя нам
и возносит всех
на борьбу с врагом
подловнутренным,
и берем мы дом,
где улюкают
как крысня зернохлебная
власть мудреная, ненажорная,
без ушей и глаз,
глухослепые,
народ-то наш стонет крепенько,
но не слышит и не видит их
капитал-бодня.
За спиной стоит ментовня —
их хранят, как клад,
только вырытый,
как святыню, флаг,
кровью вымытый.
А ноябрь бурлит и взрывает
ось,
на которой винт от колес,
путь куда-то вдаль, кривостеженькой,
капитал ведет,
крупный, снеженный.

И ноябрь бузит —
ось поломана, колесо лежит,
в грязи тонет все,
а народ — с возов да на улицы,
тыщи тыщами,
уже дверь трещит
за министрами,
а они слепы и не слышат гам
как сотрут их в пыль
по дворам,
разнесут в куски —
и в утиль.
Для истории круговертится
клика новая,
безуспешная.

22.11.10

***

І знову вирує Майдан,
очі людей до неба:
— Скільки нам, Боже,
терпіти наругу,
повзати в темряві!
Нас утискають!
Не наша країна —
про нас тут не дбають!
Ми тільки бидло,
затягнуте в нетрі,
в ремінні всі спини,
нас притискають
до тину, як ряску
в болоті, граблями
для качок!
Боже,
почуй нас!
Ми не ледачі,
ми прагнемо праці,
свободи, любові,
ми прагнемо правди
і волі,
а нас в реміняччя,
в хомути —
і в старці!
Змилуйся, Боже!
Прости, захисти
від своїх же
катів.

22.11.10

***

А время вносит холод, стужу,
ливневый дождь —
и лужи, лужи...
Отмыты крыши,
свежей краской
сквозь мрачный вид — туман,
как счастье,
деревья мокрые без листьев
ветками темными, ритмично
качаясь с ветром и дождем,
несут душе моей раздор.
Осень спускается вниз
постепенно,
скоро уйдет, а вчера еще — лето,
а вчера еще — листьев
золото в солнце,
а вчера еще — страсть к тебе...
В окно
стук, барабанная дробь,
потом
снова такой же день без тебя...
Без тебя...
Пелена дождя...
Я набираюсь сил,
учусь жить как всегда
в полосе невеселой —
сколько их было!
Но ушли, как прохожий
под серую мглою тумана,
быстро силуэт растаял,
и новый прохожий,
снова, в туман...

Дни мои схожи,
уже не игра:
я понимаю —
все не напрасно.
Смотрю в даль небес сквозь
окна, которые плачут...

23.11.10

***

Ах, эти черные, черные глаза!

Уйти от них мне никогда

уже нельзя.

Ах, эти черные, черные глаза!

Колдунья вмиг превратила

все в любовь,

и мир взорвался буйством

красок неземных,

вновь и вновь.

Эти черные, черные глаза

из-под шелковых ресниц

смотрят нежно на меня,

лицо улыбкою сияет

без конца.

Ах, эти черные, черные глаза!

Волосы вороньего крыла

ласкает летний вечер,

и меня

целуешь ты впервые...

Навсегда

осталась ты со мною,

хоть ушла,

я жил с тобою,

в памяти всегда

любовь твоя ко мне,

твои глаза.

В далеких странах ты живешь,

я не ищу тебя,

моя всегда любовь.

Я помню лето, вечер и глаза,

твою улыбку

и твой неповторимый

любви взгляд,

последний поцелуй,

и я кричу:

— Луна, ревнуй!

Ах, эти черные, черные,
первой любви
глаза!
Забыть их мне никак
и никогда уже нельзя...
Я же ведь тогда не знал,
что расстаемся мы
с тобою навсегда.
Такой была моя страна:
железный занавес,
свободе здесь — тюрьма.

23.11.10

***

Я в осінь пізню
кричу птахом-підранком,
що відстав від своїх.
По нас в польоті стріляли
мисливці,
хто назвав так
цих бандитів,
що кров ллють
у птахів стріляючи?
Я в пізню осінь
кричу птахом —
почуйте мене хто-небудь!
Але окрім шуму
дощу і вітру
я нікого не чую,
видно
світ обезлюднів...
Я кричу до вас, люди,
ще сподіваюсь,
можливо, марно...

24.11.10

***

Мы уродствуемся и скотинимся
на своей кухне,
распивая пивную бормотухо-сивуху,
плещемся о власти с негодованием,
поливаем соседей
и людей успешных —
мы их ненавидим,
и в кухне, в угаре, нам
уже тесно,
но выйти на улицу нас
страх не пускает,
тот что внутри
жизнь нам отравляет.
Нам часто страшно,
и мы звереем
на добрых, спокойных:
— Зарежем! —
мысли такие часто влетают.
Мы пьем дерьмо,
и им заедаем,
ненависть клокочет и
переливается
через край терпения,
и на этом кончается.
Достать, довести до
каления белого
ближнего,
плюнуть в колодец соседа —
разрядился: и снова
на кухню.
Это наше
родное ублюдство,
и мы еще чем-то кичимся?

24.11.10

***

Народ запрягають,
і він запрягається.
Але не весь —
якась частина пре
в інший бік,
упряж дорога рветься,
люди біжить
туди, де світ свободи,
туди, де мати вчила волі,
туди, де дихати приємно,
нема упряжок.
Та марно.
Всі тягнуть лямки
возів з товаром
для багатіїв,
що стали владою.
Ех, громадо!
Невже подобається жити
в шлеях,
із торбами на мордах,
в яких лежить
пайка
мінімально прожиткова?
Філігранно
понаточували слів
для нової формації ослів,
що вже і лайка ланового
з далеких п'ятирічок
здається раєм:
справляти упряж за свій кошт
сьогодні вже самому треба:
багатії не хочуть
витратитися на шлеї,

і шиєм ремінці собі на плечі,
на ноги «колодде» клепаєм,
щоби тягнути статки
на світські витрибеньки
купців-крадіїв.

26.11.10

***

Красоты выпиты,
и нету больше сил.
Лилии белые тебе носил,
но отзвук из сердца —
немота...
Уже давно холодная вода,
и пожелтели, изсохли все
лилии.
Во сне
я вижу лето:
по берегу
в траве зеленой я бреду,
озеро плещет нежной волной,
солнце греет,
и мне, порой,
видны твои черты,
за ними — грани пустоты
нашей встречи...
В который раз
я тебя выпил,
себя не спас
от новой дикой, серой тоски,
силы стаяли, как и пришли.
Снова озеро к зиме...
Мне тоже с ним туда,
где лед, где снег.
Любви
не заготовить впрок,
красоты выпиты.
Ты не спасла
холод одиночества
моей души
у нашего, казалось, навсегда
любви костра.

28.11.10

***

В лісах казкових,
де містечка дивні,
поночі бредуть,
закутані в одежі чорні,
у чорних окулярах
бевзі,
які вдень, із кабінетів,
кивають
на всі чотири сторони
держави,
а поночі бредуть, гуляють,
ховають очі і тіла ховають,
бояться бачити собі
подібних.
Мо, доживу,
і таки побачу їх зблизька,
на розі,
де магазин торгує
їжею,
яку зарити в землю
небезпечно,
і палити —
теж морока,
побачу
тут у черзі за цим
їдлом?

28.11.10

***

Сім'я там є — пенсіонери.
Про них недобре кажуть
навіть міліціанти і прокурори-гарантери,
у них є донька,
і треба щось зробити:
на трактор сісти і її збити
на розі вулиць, коли темно...
Вам ці думки і ці розмови
не знайомі?
Так, знайомі... Мені теж.
Там ще сім'я є вуркаганів —
у них два сини,
то можна взять поліно і...
Моя ти Україно!
Але і світ уже єдиний...

29.11.10

***

Черные вороны по небу —
солнцу не пробиться,
От горизонта до горизонта —
вести страшные
с полей бранных
несутся птицы, закрыв солнце,
с известием необратимым
к семьям, любимым
о смерти воина.
Кто похоронен, а кто и нет.
Птицы в небе черные, грустные,
с мест войны,
где гром пушек,
огонь и взрывы,
едкий запах
пороха, пыли,
и крови солдатской, чуть сладкой.
Миллионы к миллионам,
и нет конца...
Вождь народов
потом достал
головой небо —
генералиссимус!
Океан крови,
земля в могилах...
Сегодня — новая Россия,
и он в книге истории
назван лихо
слоганом капитализма,
дуркование словом! —
эффективный менеджер.
Сталин новый,
вечно живой от злости
сердечной,
кому лить кровь
в стране бесконечно.

Глупости мира —
злом поднять в бессмертность
кумира,
на зле взрастить поколения
изувеченных
калек без рук.
О топорах войны их песни:
эффективный менеджер
корпорации Россия!
Кости вечности
инвалидам духовной силы.

29.11.10

***

Ночью сегодня менты,
как всегда, гнусности
делали, — грязнорогатых дела:
ловили людей
на Майдане столицы,
грузили в машины,
и, как дрова,
свозили в участки,
дела
какие-то штопали.
А власть сладко спала
в пуховых перинах —
зима,
но сны шли тревожные,
не о женской любви:
снились тела,
но не те,
что могли
радость доставить,
а те, что ужалить
злым языком.
Упрямый народ!
Тех обломали,
другой, вот, подрос.
А власть вся такая,
все тысячи лет,
одно говорит,
другое — в уме:
зажать, придавить,
на горбу голяка
выстроить башню
как та, что была
в Вавилоне когда-то,
чтоб в небо забраться по ней:
невдомек, что это труба
делу, идее.

Болит голова
у того, кто опять
тащит, потеет,
а гарцевать
остаются все те же
недотепы,
хоть с виду роскошные
лица и жопы,
со вторыми они носятся
все больше и больше,
но что в голове,
попробуй понять...
Непробиваем какой-то
спецкомандируотряд.

03.12.10

***

А мне туда, где все,
уже не надо.
Доживу,
и по весне —
трава наградой.
По серебру ее росы
в заре багровой
я уйду туда, где ты,
где цвет лиловый, белый,
сирени первой,
и леса мелодий птичьих,
где голоса всех насекомых
слышно.
Та же Земля, но край другой,
где нет обмана,
где за любовь
платить не надо,
и я уйду, оставив все,
и без записки прощания любви,
что уже вышла
вперед меня давно
в весну, что бросил.
Кутерьмой каких-то слов
меня ж не просят,
и я иду дорогой лжи,
где грязь и плесень
человеческой беды,
и бесы вертят
каких-то рваных идеалов
и обязательств
какой-то совести души,
что во лжи гаснет.

Уйду к тебе, любовь,
где Бог всем правит,
и на пороге Его
всё прошлое оставлю.
Уйду в себя,
рождаясь в радость.

04.12.10

***

Обстоятельства, обязательства,
частоколами, заборами —
всё ряды, ряды:
вон там сетка ржавая,
ты посмотри,
не пройти, не перелезть,
а за нею —
кованный металл
и жечь снизу, чтобы
не смотреть,
что там за химерами,
в которые нам влезть
пришлось и захотелось.
Пулей в сердце —
дело,
прежде нас и прежде всех:
дело, честь.
Заборы,
их не счесть,
и свобода под глазами,
синими, припухшими мешками,
строгий, но потухший взгляд —
больше всё назад
в надежде на свободу,
что сотрет все преграды,
и мы снова будем рады
снегу первому,
как малое дитя.
Но зашедшим — не вернуться,
слишком тяжёлый груз,
и руки
опустились,
стянув плечи.
Частоколами заборы,
белый снег.
поздний вечер...

04.12.10

***

Так рьяно служить привидению —
фотокопии КПСС!
Партия терриконов —
тоже дело рук Ленина,
и разрез глаз
говорит — это восток.
Так рьяно создать идола,
и бегать вокруг, молясь,
надеждой стали миллионам
личности —
водители, массажисты, кухарки,
отмотавшие срок
камерный,
но не за идею срок,
просто, воровали много.
Восток.
Старик на том
свете балуется —
создал новый комбед,
но не в смысле борьбы с бедностью,
а в смысле — беда на всех.
Разочарованно-ограбленные граждане,
дирижеры парламента
не причем —
фотокопия прошлого:
в будущее снова шаги
с торбами массы,
«ролс-ройсами»
пролетают мимо них
вожаки.

Пошалил Ленин
во времени —
и снова проглотили крючок
многие, многие,
уверовали
в спасение задницы.
А разрез глаз — восток.

04.12.10

***

Ты — человек.
Одно нам время,
один наш век.
Твое горе, твоя беда —
тяжелым камнем мне
будет всегда.
Кто ты?
Не знаю я.
Бог наш тебе судья,
а мне молиться за тебя.
Наш грех — один на всех.
Я тоже человек,
и тоже слаб, как все.
Лукавство души
изгоню прочь,
оставлю совесть чистой
как хрусталь,
оставлю сердце для любви —
я так искал
свой путь.
А что внутри?
Я заглянуть не смог,
желая тебе зла.
Тебе не повезло:
твои грехи подняли
на штыки,
а я в тени,
такой же грешник как и ты.
Грустно мне,
я столько лет в пути,
а Бог — Он здесь,
Его слова
для праведника просто,
как вода —
чиста, светла
и ясная на цвет.

Твои, Боже, слова —
мои потемки,
а мне казалось: трон и свет,
которых я достиг
любовью,
а ответ —
страдает человек,
а я желаю все усилить,
наказать —
такой же грешник
как и
две тыщи лет назад.

05.12.10

***

Я тебе за добро
отгоняю зло
черным шариком
на черное сукно
за длинным столом.
Бросаю шар с огнем,
хитрый и подлый прием, —
закрыв барьер искренней души.
Двойной стандарт,
двойное дно.
Ты ищи
меня,
шпион,
среди бела дня я враг тебе
за все добро,
что мне.
А знаешь почему?
Жадность — не порок,
иначе б я не смог
жадность и стремление
иметь
все больше тех монет,
которые греют нас.
Вовек
не понять бы
мне эту
жестокую, смертельную
игру.
Уйду
от князя тьмы,
что смог
его себе пригреть
огнем и шариком
на смерть
себя от греха.
Прости меня,
ушедшего куда-то в болота.

05.12.10

***

В белом костюме,
о котором мечтал,
в белой рубашке
я пойду на карнавал.
Бразилия!
Содрогаясь от греха,
мулатки томные
любовью наполнены до дна,
музыка сводит
с ума всех,
любовь заводит
раздетые тела.
Любовных сцен
вокруг — как солнца —
лучей не счесть,
запах любви пьянящий.
Уставший сижу в углу,
курю коноплю,
и в призму сжатых
до боли глаз
ловлю мулатку —
ещё б хоть раз
её прижать, обнять,
отдать себя!
А музыка плывет,
и танцы, танцы...
Который раз курю.
Засранцы!
Вокруг меня — постель,
рванье,
косая баба...
Эх, ворье!
Трава-дешевка
не берет,
не ставит в кайф,
наоборот!

Открыты стекла
моих очей:
кривая баба,
кастрюля щей,
прокисших жутко,
и дым, и дым —
мои мечты
травую к ним.

05.12.10

***

Круг жизни скользнул,
а новый следом появился,
и я по нем пошел:
опять
знакомый старый поворот —
столбы снесли КАМАЗы.
Вновь непруха
мне — обочина, кювет,
глаза навывкате...
Везуха —
больничка, как могла, спасала,
бабло стянув из карманов,
сало, что было в дорогу
в вещмешке,
забрала тоже.
Вдалеке, по коридору, свет —
Надежда,
медицинская сестра,
да нет,
врачиха-стерва —
красавица первой волны,
в глазах,
огромных и зеленых, блески,
волосы к плечам,
и красный шарф
подчеркивал серьезность.
Но что мне все
в стране КАМАЗов,
ломающих судьбу
народа?
И я к тебе, Наталия, иду,
забыв о смысле жизни.
Улетели надолго мы
в любви,
оставив на кругу все зло:

элиту, пистолеты,
кости без могил, крестов,
КАМАЗы, подрезающие
путь нам.
Речкою любви
этот круг я помнить буду:
в солнечных лучах
окно,
ты вскочившая с постели,
я, имевший, как казалось мне,
высокие гражданские
прицелы, тебя оставил,
опустился третий круг бытия.
Это не моя описка —
в этом кругу мечусь
не только я,
здесь мечется
вся часть Евразийская.

06.12.10

***

Я переспал с молодой женой
вице-премьера.
Когда ворвался в спальню,
он, спортивный, разъяренный:
— Ошибка, —
я ему сказал.
— По темной
я сюда попал.
Я — человек, имею право
на ошибку.
Был выпивши, увидел эти сиськи,
как устоять?
Я не спортивный...
— Гад! — кричал вице-премьер. —
Обижена жена!
— Да ни фиги!
Я чистый!
Тебе пример —
кодекс налоговый.
Копали нам канаву,
зарылись глубоко —
большая яма,
и хором закричали
депутаты, когда народ восстал:
— Ошибка вышла!
Реформаторы не виноваты,
они ведь тоже люди,
имеют право на ошибку!
Все согласились,
всех простили.
Вице-премьер, поникший,
тоже, вроде, все простил мне.
И я полез опять к
его бабенке,
когда мужик услышал
стоны страсти,
начал орать,

а я, смущаясь, объяснял,
что перепутал снова
входную дверь
и супружеское ложе.
Тихо ушел,
прервав, что начал.
А рядом дом,
и свет в окне,
а в нем жена министра
плачет...
Опять у меня ошибка.
Сгладим.

07.12.10

***

Мотлоху слів
не буває,
слова всі живі
і нас оживляють.
Мотлох слів
з трибун, не від
щирості серця,
а брехню,
часто ти чуєш,
від тих, хто прагне
час відтягнути,
сидіти царем
і горло дерти.
За мотлохом слів
життя пробігає,
душа черствіє
і вниз сповзає,
часом схаменеться,
та пізно:
вже затягло —
закрилося серце
для любові,
зло палить
все в попіл.
А інші тимчасом
збирають
для щастя свого
і своїх нащадків багатство
зі слів,
що високо піднімуть
із землі.

09.12.10

***

В небе ночном
огромная воронья стая,
и я с нею тоже летаю
под зимним ледяным дождем.
Крики птиц как переключка,
стая несется то вверх, то вниз,
биссером вода на теле,
капли падают,
но мы еще не долетели.
Внизу город мокрый, сытый,
свет фонарей, машин —
дико видеть сверху
этот шум.
Свет из окон,
плотно шторы,
нет людей, кто бы в восторге
поднял руку
крупной стае.
Завороженные летаньем,
все почему-то смотрят вниз,
а мне неба смесь с водою
теплой кажется,
волною носит птиц
поток циклона,
мечтать о теплом доме
не приходится
в восторге крика стаи.
Куда летим — не знаю,
но есть вожак, он
правит стаей
и ведет.

Время кончится.
Здесь, в небе,
стану снова человеком
я когда-нибудь,
но смотреть я буду вверх,
даже в дождь и снег.

09.12.10

***

Белые-белые кони
на вольнице под облаками
снова в бессоннице,
в одиночестве ночи меня
согревая.
То ли видение, то ли мечтаю —
кони летят, развеваются гривы,
ночь ускоряет свой бег,
но строптиво
возвращая меня в темноту
прозябания,
я вырываюсь, и мысли
летают,
там, в облаках,
вместе с лошадьми игривыми,
бег их умеренный
снова я вижу,
и нет конца полету
в стихии,
там, в облаках,
время их дива.
А ночь возвращает
в тянучесть и грусть,
туда, где ее край,
а за нею —
грусть...
Я не сдаюсь одиночеству,
сжав руки до боли
вижу снова табун тот.

10.12.10

***

Судьба и жизнь мои,
видно, сговорились —
чулан забили всякой мерзостью,
собрав повсюду
и в час неровный
впечатали мне в тело,
что хотели:
штаммы вирусов, в сосуды, капители,
кости наполнив нудной болью,
смеялись надо мной
уж очень долго,
и бросили куда-то за забор.
Бог мне помог.
Но все, чем наградили
две профуры,
осталось в теле,
словно пули
не давая мне покоя.
И жизнь, сама страдая,
со мною вместе
с болью,
поддалась, дура, судьбе,
с которой трудно.
Судьба — хитрая лиса,
стравила жизнь в обузу
как тяжкий крест
и камень на груди —
какое мне терпение идти!
Но Бог Всевышний
часто руку подает,
вдыхает силу мне,
когда невоготу совсем,
Он Сам меня ведет.

10.12.10

***

Коли лежиш слабкий
і хворий,
та ще й в кривавих ранах,
то ті, що мимо йдуть
ще й пхнуть
зі стежки чи дороги
ногою,
та й бурнкуть:
— Лайдак! Скотина!
Така моя країна
Україна.
Тут слабшому дорога одна —
на цвинтар,
в насмішках, ненависті.
Тут ближнього любити —
падлувати,
скрізь — зло, брехня.
Хто винен?
Винен комунізм
років двадцять уже,
винні євреї і москалі,
винні всі влади і
рідня,
винні сусіди...
Зла
бажаємо всім за все.
У нас любов —
баба напідпитку,
горілка, пиво, багато їжі,
і він її товче.

15.12.10

***

Оркестровая яма
на весь большой дом,
строй музыкантов,
искаженные гаммы, басы —
рев амплитуды
критичной черты.
Оркестровая яма,
дирижер “на бровях”,
цилиндр на рогах,
на костях висит фрак...
Оркестровая яма.
Внимательных зрителей нет,
все заняты хламом
прожитых лет,
на лицах обвисших —
нет, не печаль, —
проданы души
музыкантам за чай.
Воют оркестром
невпопад
трубы из жести
консервной,
и Бах
на коленях
в мире ином.
Что это за яма,
и где этот дом?
Рядом здесь, с вами.
Оторвись и всмотришь,
послушай, ведь даром
рвут сердце.
А ты?

В брехловизоре всем телом,
чтоб бальзамом на грудь
говорило, пело, лезло —
в нем же черти,
что и в доме!
А я маюсь, молюсь...

15.12.10

***

Массажисты, шофера, охранники —
ныне народные избранники
с цепями и арматурой,
выключив свет,
в Верховной Раде бутузят,
вспоминая жизнь свою прошлую.
Проломанные головы, трупы,
не тошно им.
Тренируются на оппозиции,
сохраняя бандитские традиции —
не забыть ремесло,
кто знает как сложится жизнь?
Вдруг ушло
время черное, хилое,
как жить и за что?
А тут — в руки нож, арматуру,
или в киллеры.
Стоны, рев и звон цепей
отечественных,
бьют, крушат, ломают тела
подельники.
Что за субстанция накрыла
пространство?
Бандиты правят страной,
народные,
вымирающего,
обездоленного народа
избранноначальники.

17.12.10

***

Стабильность.
Многим нравится кричать:
— Стабильность политическая — рай!
На кладбище ведь тоже тишина,
щебечут птицы,
родители учат их летать,
летают бабочки и мотыльки,
ползут куда-то муравьи,
роскошество камней, кресты,
деревья и кусты, цветы, трава,
и тишина...
Но если не созрел душой
лечь в гроб
и тело подарить червям,
от этой тишины
пронзает ужас,
муравьи ползут вдруг по спине,
холодный пот,
волосы дыбом встают,
в голове зловещий шум.
Стабильность политическая,
кому?
Какой ценой?
Трезвонят, назначенные верхом
брехуны, тупицы,
гоняя страхом по стране
шеренгой черных ртов
швыряя спичи ни о чем.

19.12.10

***

Для того, чтобы править
страной,
нужно мудрость иметь и любовь,
а так часто внутри
самолюбие жжет
коростой в груди
и не дает пройти
по дороге своей судьбы,
и прет тогда, как бык
тревожный, рогами расчищая
путь, чтоб похотью своей
кого-то затолкнуть
в земли клочок,
и крик в безумстве
пострадавших от рогов.
Да что мы в самом деле!
А где взять эту мудрость
и любовь?
Ведь хочется конем
на трон вскочить,
рулить баранами, рулить!
Умишко, сила есть,
а там советников не счесть,
подбираются такие же быки —
командой называется все это.
Ты, Господи, меня прости,
я возвеличил себя сам,
поднял поверх людей —
я просто рассуждаю
до кровей
о царстве, где лишь
ум и сила
с командой наобум,
что прет к тому еще строптивей.

19.12.10

***

Какая власть —
такая и многоликая,
якобы борющаяся с нею оппозиция.
Оппозиции нет, а есть позиция —
та же поза для захлеба.
Оппозиция одна,
воды внешние снесут
всех этих, что в позах
извращенных светят —
исчезнут, отойдут.
Ты одна,
может, даже памятник
тебе где-то уже льют,
и я с тобой, поэт,
ты слышишь, Юля!
Я с тобою вместе.

22.12.10

***

Неужели теперь мне
о тебе лишь думать и думать,
загоняя все мысли и ум
свой
в ту весну и лето теплое,
где взорвалась любовь
по силе сверхновой
звезды,
где горело сердце
солнцем накала,
где любовь сжигала меня,
а я рад был.
Но взросление медленней
у мужчины —
я оставил тебя без причины,
я ушел, а ты мне
что-то еще говорила,
нет, не плакала и не просила,
ты не верила глупости,
якобы умного.
Я ушел навсегда
ветром, бурей,
а жизнь возвращает
память в весну,
а жизнь возвращает
тебя лишь одну,
и сила горящего пламени —
та же.
Но мир так велик,
и кто теперь скажет
где ты?

25.12.10

***

Такой же снег,
такой мороз,
как и тогда
на Новый год,
всего лишь тридцать лет назад
ваш взгляд,
а я все дальше побежал
жизнь познавать,
спешить, играть,
всего лишь тридцать лет назад...

26.12.10

***

Сеющий зло,
не успеет собрать погибель.
Солнце светит
и добрым, и злым,
но видит его лишь
любящий Бога,
который Творец душ,
злых и добрых.
Но Бог есть любовь
и Он не мог
создать зло,
значит оно извне вошло.
Злые в огне,
сами того не зная,
сеют зло
для себя,
погибая.

26.12.10

***

Вечерние
улицы города
в бесконечном сверкании
огней,
автомобильной аварии.
Нет! Все целы.
Но монстры цены
покрыли пространство
проходов, проездов,
ползущая скорость,
бок о бок,
и нервы,
застывшие здания,
вывески яркие,
полупустых тротуаров
стоянки
все тех же машин
гробового молчания,
на улицах шины шуршат
и взрывается
рокотом двигателя
без глушителя
или очень здорового
автолюбителя.
Вдоль всех проездов
рекламные борды,
как плиты на кладбищах,
а на них лица-морды, —
размер невысокий
и свет изнутри,
свет фонарей на столбах
и из машин, —
смотрят тебе прямо
в глаза
кладбищенским мраком,
как с могилы плита.

Застывшие взгляды
плакат-фотографий
в этом потоке железа,
лязги и шум
нереальности жизни,
ты как заточен в башню-машину
и видишь
таких же несчастных
на бордах-могилах —
все неживые,
и город, как призрак,
движений железа
и рекламных могил.

29.12.10

***

Снежный день,
последний день
очередного года,
ушедшего быстро, как бы сходу,
а через несколько часов
он сменится
одетым в снег
таким же новым.
принаряженным елями
в огнях,
с веселым блеском, радостью
в глазах,
музыкой и смехом
детворы
в летящих санках из горы...
Кружатся люди,
хоровод,
и Новый год,
такой же, как и тот,
что год назад вошел.
Условно все,
календарем,
но мы чего-то
необычного все ждем...

31.12.10

***

Рік прийшов
Новий
в снігах білих.
Увесь вечір і ніч
віхола кружляла,
і плавали в світлі сніжинки,
лягали на землю, дерева, будинки,
ніч була дивною,
казково-чудовою.
А що нас чекає завтра?
Зменшення волі.
Над цим працюють всі міністерства,
це називається — порядок навести,
чи лад, як кричать,
заливаючись слиною,
провідники нової години.
Люди по тюрмах та в чеканні
коли кого схоплять
і кинуть за ґрати.
Хочуть скрутити
нас всіх в калачі,
а ми не здаємось,
спротив росте
проти сталевого демона,
що бреше нам вдень і вночі.
З арифметикою в них негаразди:
обіцяють пенсії підняти,
як і статки гривень на сто
за рік, може, три,
а тарифи — на третину.
Ціни на хліб і до хліба
ростуть, як поганки-гриби.
Мо' б їм на курси
якісь піти,
підвищити рівень лічби?

Та рахувати вони-то вміють,
але — все собі...
Сніг знов кружляє,
вкриває
землю, дерева,
ялинки прикрашені,
і підхмелений люд
поки що
брехню забуває...

01.01.11

***

Тошнотворный запах крови
в утренней жаре,
лязгают конвейером затворы
и свинец фонтанирует
в густой траве,
но не все пули мимо,
многие срезают славных,
и те, душу отпустив
в горящее от солнца небо,
падают здесь навсегда
из огня и в темень.
По радио команды —
сплошной мат:
-Удержаться!
Цена без меры.
Позабыв, что я солдат,
лег на спину,
закрыв глаза
на время,
вспоминаю женщину любимую,
ту, что была светом,
а рядом взрывы, пули
и огни,
запах крови, пороха,
топанной травы.
Ветром по
лицу мне вздохи,
и я снова в полный рост:
— Гори! —
кричу, — ты жизнь, гори!
И взвод веду на смерть,
все мысли сбросив.
Тишина.
Солнце палит
мне тело в рану
красно-бордовой кожей.

Я отдыхаю,
против воли и смысла
здорового,
жив остался сегодня,
не главное, —
а небо, что сверху,
пламенем, —
там отныне все
мысли,
во славу Его.

03.01.11

***

Коммунистическая партия России
на пленуме своем,
что было силы взорвалась
против коммунистов Украины,
которые пошли служками,
не за так, к капиталистам.
И приняли решение:
лозунг вождя Ленина
“Коммунизм — это советская
власть плюс электрификация
всей страны”
в изменников делу Ленина
отсудить.
Обратились по проторенной
дорожке:
в стокгольмский арбитражный
суд,
поиздержавшись
на адвокатов так, немножко,
суд выиграли русские ребята,
не полностью, правда,
не до конца.
Стокгольмский арбитраж
рубнул с плеча
и пополам:
“Коммунизм — это советская власть”
оставил нам,
а “плюс электрификация всей страны”
закрыли мантией.
Эх, пацаны
и там!
Отсудили русские коммунисты,
вроде, хлам,
а наутро в Украине
приставы забирают
электроэнергию.

И чего
делать нам,
всей стране?
Из-за кучки коммуняк
сидеть в темне
с куском лозунга
“Коммунизм...”

03.01.11

***

Я считал себя давно
воином другого царства,
но оказалось нелегко
подняться
над жизни мерзостью,
над мерзостью желаний,
над ощущений мерзостью.
Стальные нити
связывают прочно,
и чувства не дают покоя.
Звонок от никуда,
звонок ничем,
и скована душа
неровностью мыслей,
и мерзость держится тебя.
Не вышло,
нелегко
свободу обрести от
извращенных чувств, страстей,
привычек.
Я воин, который
ещё только вышел.

05.01.11

***

Ночными потемками
в местах болотистых,
редко дорогами, —
их или нет, или не видно, —
полями одичавшими
плывут караваны
фантомами партии
некогда главной,
под флагами красными,
звездами с Лениным,
серпы молоткастые.
Движутся тенями
танки, машины, телеги без
лошади,
тащат поклажу тихою
скоростью
без дыма моторов
колёса беззвучные,
фантомные возчики
поклажи вонючной
остатков символики
компартии слитной.
Документы, оружие,
продовольствие видно
по ценам совдепа,
таскают кругами,
надеясь вернуться,
и Сталин с усами,
то сам на машине,
живой, невредимый,
не истлевший в могиле,
то памятник бронзовый,
то гроб весь малиновый,
и хор бесподобный
поет по колоннам,
и тянется музыка
оркестров всех сводных
армейских и блудных.

И нету конца
миллионам идущих,
летающих по воздуху
в местах мертволюдских,
по брошенным селам,
там, где живых
не было годы,
идут караваны не взираясь
с погодой,
надеясь вернуться
на место, что было
одной шестой суши.

06.01.11

***

Вседозволенность времени
не значит что на это
есть разрешение неба.
Небо молчит,
а мир зарывается,
ему навевается духами падшими,
что все допускается, позволяется —
драка за место под солнцем
и жизнь роскошествующую.
Вседозволенность времени —
измельчание смелости,
измельчание любви.
Небо молчит.
Благодать не исходит на злых.
Вседозволенность времени —
короткого часа
промежутки танцующих
на подмостках мрака.
У Бога тысяча лет —
как один день.

07.01.11

***

Вчерашний день —
в канун под Рождество
киллер вогнал двенадцать пуль
в якобы пальто,
в котором человек.
Навек закрыл лицо
смертельной маской,
оставив четырех детей, жену,
родных.
Душа ушла, куда?
Вернись ты, сильная рука,
кричит народ и облака
свой замедляют ход.
Кощунство строя жизни,
но народ надеется на
правду и любовь,
давно поникшее терпенье.
Горячая когда-то
кровь остыла
от ужасов настила,
которым “элитка” все укрыла,
надеясь спрятать
бесчинств хвостоконцы.
Политика и бизнес — близнецы.
Сановник плел что-то в эфир,
политика, мол, не причем,
забыл убитого,
что с бизнесменов в мэры Пальмиры
шел два месяца назад,
и враг его, помыв копыта
и рога,
спустил стрелка
под Рождество Христа
кровавой жертвой
для себя...
Для “элитки” общака...

07.01.11

***

По стеклам фонарей стекают слезы,
дождь расплавил
Рождества морозы,
талые снега — ручьями марта
вниз по улице вечерней, мрачной,
клубами туман с дождем
мешаясь,
темные деревья в небе пряча
от капризов неземной погоды.
Плачет вся природа.
Вроде бы весна к порогу,
но нет в ней запаха
того, что сводит
всех на масляной
с ума столетья —
нету запаха весны.
Просто больно стало вновь
планете,
катаклизмами взрываясь
часто,
Земля спасается от бед
несчастных,
чей ход цивилизации
сдуревших техно
рвет по живому
мать-планету.

10.01.11

***

Средств подручных в политике —
валом,
но я о тех, что являются
камнем, который краеугольный.
Информацию средства
печатные гонят —
потоки газет и журналов,
на службе политики
огромное стадо
людей-журналистов,
с натяжкой, скажимо,
и еще негласно цензура,
глядимо,
измазанно этим много
режимов.
Стараются все:
журналисты, цензура,
а люди-то знают
и быстро вкушают,
где правда, где лизано,
мазано, клецано,
но, по привычке, за газеткой
к киоску.
Чуть пролистал, просмотрел,
поплевался,
кто на мусор ее,
кто на распалку
печи, камина,
кто-то подстилкой под
попу любимой —
секс отработали, ушли
в счастье люди,
газетку оставили на
лестнице.
Утром,
плюясь, дворник сметет.

А если на травке?
Роса или дождь —
намокнут газеты
и расползутся.
А их все печатают,
они издаются,
и цензоры в страхе,
негласно труждаясь,
хвалебные оды
политикам гранят.
Сегодня хоть лучше
стало для прессы.
Люди
газеты почти что
не носят с собой в туалеты.

12.01.11

***

Сто п'ятдесят партій,
п'ятдесят чотири опозиції,
і ніхто не знає скільки влад.
Небагато знають і який
в країні лад:
одні живуть ще за кріпацтва,
інші — за козацтва,
треті за советів,
а хтось і в
капіталістичнім гетто.
Скільки партій —
стільки і розброду
і всі будують, реформуючи,
країну —
биту цеглину мостять у стіну,
що ледь-ледь звелась
на піввершка,
а цілу цеглу —
собі в машину,
та ще і глини півмішка,
а ті, що охороняють
і ведуть будову,
теж тягнуть цеглу
до свого дому.
І так воно якось
дзюрчить, пливе...
Це я про лад,
який в щастя веде.

14.01.11

***

Я помню лес, траву,
помню реку,
помню женщин, что любил,
помню море, шорох волн,
а тут уплыл,
перешел какой-то я рубеж —
теперь не знаю,
что со мной:
то ли живу,
то ли в бреду
какое-то пространство
странное...
Но, наяву,
люди оголтело
собирают деньги
на памятник из железа
какому-то вождю,
говорят, Сталину,
наверное, он дорог им.
Другие пихают динамит,
и Сталин-железяка
разлетается в куски.
Третьи, в форме и при погонах,
бегают
с оружием в руках,
ловят тех, кто цацку подорвал —
бах-бах-бах!
И кто-то вот в тюрьме,
заводы не работают,
в полях не спеет рожь,
днем и ночью
здесь галдеж, галдеж...
Шалею я.
И страшно мне:
какие-то
безумные крантье.

Домой хочу, через
рубеж,
в реку, где лес,
к любимой по росе.
В этом пространстве
трудно мне...

17.01.11

БРАТИ ВОЛІ

*Присвячується братові Василю
та його друзям*

Тихо
повсталим людом
ліси заповнені —
на смерть і каторгу
за Україну-матінку,
зломлену, знедолену.
Люди на війні
за волю та Бога —
одна дорога,
а на ній все — кров,
та воїнів любов.
Молоді, некохані
в землю ляжуть осінню,
на листі золотім
останній їм уклін.
А ті, що до весни
винесуть негоди,
знов у нерівний бій
за воленьку-свободу
для країни горя,
для країни кривд.
Багатьом неволя,
багатьом короткий вік,
але шлях пройшли
воїни УПА,
не схиливши голови,
на коліна з них не впав
а ні один
перед сатрапом-бузувіром,
стояли вірою за Бога
й Україну.

19.01.11

***

Я слышу, Боже, звон колоколов,
я слышу, Боже, музыку ветров,
я слышу, Боже, пение снежинок
за окном, летящих на
мой дом,
я слышу, Боже, музыку дождя,
майского ливня
и от него уйти нельзя,
все это в памяти моей души.
Я, Боже, слышу все
в Твоей тиши, которая
наполнена житьем
Вселенной, что поет
неся покой и верность.
Мир удивительно красивый,
тонких струн, невидимых,
духовных я возьму
своей душой.
Я — Твой.
Не отойду и не сверну
с пути,
мой Бог Христос,
такая радость впереди.

23.01.11

***

Прорвавшись сквозь мрак
отбойным молотком сознания,
не год, не два я пробивал
здесь камни
стирая в пыль,
шел медленно вперед
с надеждой, верой
увидеть небосвод.
А вот и свет,
невиданный ранее ландшафт
неизвестной мне планеты
с огромным солнцем, красивым
по краям,
фиолетовое небо,
где вместо птиц
кружились дети, как из земли
человечки, но только
не дозревшие.
Тянулся мягкий дым с небес
приятный осязанию,
запах смолы сосновой
навевавший в память
места, где раньше жил.
Собравшись волею, я
медленно побрел, почти что
наугад —
берег реки, излучина,
вместо воды — алмазов
россыпи горели на свету,
и я, сорвавшись, к ним бегу,
вдруг слышу голос
со дна реки:
— Ты не спеши, сядь, отдохни,
ты вовремя пришел,
другие возвратились, вновь
страха не выдержав
борьбы и мрака.

А в небе, видишь, дети
кружат и поют.
Это ваши, с Земли,
им здесь приют,
дети эти смертью отошли
с утробы матери.
Врачи, матери, отцы,
вмешавшись в волю
Того, Кто жизнь дал и
свободу
убили
миллионы душ,
прервав рождение людей,
и тут их дом,
и их судьба,
и будем их хранить
тут до Суда.

23.01.11

***

Сірий, сірий
світанок,
білий, білий
туман з лугів
пливе на ґанок.
Іще не вийшов на
простори вітер, він десь чигає
недалечко і прилине швидко.
Світить остання зірка тьмяно
з неба,
тишу розірвав спів птахів,
треба і мені вставати.
І збираюсь, вилітаю на подвір'я
в прохолоду ранку,
вмиваючись холодною водою...
Склянка молока
із чорним, із печі, житнім хлібом.
Заспані очі, мені
ще так погано видно,
але вже сонце
наче із-під землі
червоним
та яскраво-золотим вогнем,
лягає
на босі ноги
ще від роси холодні.
Знову новий день в
духм'яних пахощах
трав...
Мені тоді було
всього лиш дев'ять літ —
я все те
назавжди в собі зберіг.

24.01.11

***

С экранов смотрит рыло
кабана,
трехдневная щетина —
служило,
бизнесмен-матрасник
что-то вякнул,
косит
недобрым взглядом
животного, угодившего вновь власти,
а рядом Юля красотой
блистала, и косой
сводила всех с ума —
она умна,
рыло не помеха.
Рожа рыла факты,
компроматы
не складно. Не сложилось,
все тихо так закрылось,
а рыло, что есть мочи
вост и хохочет
дьявольской швинеткой,
в ночное время эхом
летит эта потуха
главному в ухо,
и тешится “работой”
бездарная мишпуха.
Юля!
Мы с тобою
пройдем путем разрухи
собрав ворье
в загоны.
Свинячьего всем уха!

29.01.11

***

А птахи летять, летять
в імлистому небі.
Вечір...
А птахи летять, летять
в бескінечність...
Дивлюся в далечінь,
і хочеться мені
туди, де крил їх шелест затиха...
Зима несе вже сніг,
а птахи летять і нині...

30.01.11

***

Працює віялка стара,
ще куркуля,
скриплять, натужно труться
шестерні —
працює віялка стара,
падає зерно на тік,
а в іншій бік летить полова
з пилом.
Твоя усмішка молода, красива,
і я кручу те коліща,
стараюсь,
батько засипа зерно.
Ще ранній ранок.
Летить полова, осіда,
і щось знайоме
в ній бачу —
та це ж ота любов до
України, вже стільки років
із ротів брехливих,
полова українськості
держави,
блудливі посмішки тих,
хто на цім зіграли,
і грають далі —
свистуни, солов'юни!
Полова України,
бидло...

02.02.11

***

Прийде ще час, коли
в залі засідань зберуться
депутати,
всі чотириста ще й п'ятдесят.
Усі прийдуть,
чого ще не було ніколи,
знову зміни в Конституцію
готові, щось там про
вибори, аж раз в шістнадцять
років,
дружно кнопки всі натиснуть,
хоч опозиція і не згодна.
А що опозиція?
Їх там лишилось всього сім.
Рахують голоси,
і на табло
“за” аж дев'ятсот сорок один.
Опозиція вола, кричить:
— Нахаби! Підробка голосів!
А спікер бере
папір, читає, що
Суд Конституційний дозволив
в новому форматі
всім депутатам,
що на пенсії й мерці,
здавати голоси —
самим чи довіреним
особам, і коаліція
тепер все може,
а опозиція хай
в суд іде —
раніше треба було
думати!
А що тут ще?

04.02.11

***

Сором владі за свої суди —
кишенькові всі вони,
правди там ніколи не знайти.
Задумали реформи.
Ламали голови,
писали папірці і шили форму,
вирішили назву їм змінити,
бо суд — це суд,
а тут, де правду діти,
якийсь держдеп,
то й назву нову дали їм —
“департамент”.
По напрямках так написали:
“Департамент по прийняттю
решений”,
“Департамент обвинений”,
двері з табличками:
“Преступник”, “Мошенник”...
“Департамент оправдания
Невинных”, тіпа понта ради,
для проформи,
щоб було видно
демократію, реформи.
Тепер — все
справжнє,
не суди, а так як є —
служби державні
“на конє”.

04.02.11

***

Чуть-чуть уставших глаз волна
мягкой тенью на меня,
нежная улыбка в уголках
милых губ...
Мой взгляд,
смущающий тебя,
я сам смущенный,
и волна чувств нежных от меня
теперь навсегда
и надолго.
Ты так нежна и смущена,
непревзойденная моя...
Цвет листьев золотой и красный
на снег февральский,
порывы ветра,
сказки недосмотренных миров,
и снег летит порой
на розы все в цвету...
Уносит ветер лепестки,
пургу затеяла зима,
застывшая луна —
я думал, что пришла весна,
а здесь — любимый авангард
художника,
спектакль
для одного актера.
Заледеневшая зимняя природа,
и ты в моей душе —
я жду тебя
сквозь суету и канитель,
знаю, что придешь:
один лишь мой звонок,
придешь, немножко
веря, что я из снов, или кино
увиденных тобой...

И снова взгляд из наших
глаз,
смущенный, — рад не рад...
Но я не позвоню пока тебе.
Я буду ждать, любить,
и слушать февраля концерт.

07.02.11

***

Революции сближают страны,
делают мир другим,
шлифуют грани.
У людей так мало
и так просты желанья,
правда...
Как только кто во власть
ворвался —
всё забыл, а обещался:
такие речи елейно-сладки,
присяга, рука на Библии,
зависит от религии,
тут же, все забыв,
рвут деньги, собственность,
что есть сил,
себе и окружению.
Со стороны смотреть —
тошнит, такое там творится.
Что-то с головами —
повально вся команда только собой довольна,
ощущение, что власть
не верх,
а низ глубокий
глубин планетных.
Так мало совестливых было
в мире,
на пальцах сосчитать,
трудились на страну
из глубины веков — поныне,
а больше всё — мудрилы,
махая кулаком,
плетут любую ересь.
Эх, ребята!
А есть ли Бог для вас?
Не в этот час
и не сейчас...

Революции сближают страны,
горят и падают тираны,
и свежий воздух над
страной —
надежда и эмоций звон.

08.02.11

***

Время со свистом крутит колеса,
уносит
месяцы, годы,
бросить все скоро “элитке” придется —
лет десять, ну, двадцать,
напитки смерть принесет и спросит,
потом в полированный гроб уложат —
тюль и бархат, как шик
провинциальной артистки,
в землю уйдет куль камышистый
жизни пустой, не принесший плода —
все — себе,
всё, для себя, навсегда...
И моль сразу двинет
потокот по дому, квартирам,
ржа изнутри богатой мошны —
память забвения вам, пацаны!
Может быть, только на “курсах”
братвы,
в камерах душных учиться у вас
от времени долгого
и про запас,
а так: все в пыли,
даже в месте известном
на центральной аллее —
чужие всем лица,
никого за всю жизнь
не согрели.

10.02.11

***

Меч в его руке —
почти что государь,
с правом — без правил.
Мир уже видел таких,
как играли
игрища жесткие,
итог их — в канаве.
А меч жестким холодом
рубит всем головы,
ноги и руки летят,
как опилки,
жестокость в глазах,
жестокость в губах,
сжатых от дум
невеселых —
ум понимает,
что почти что тупик,
душа не стенает
у палача.
Потеряно всё —
просто, наивно:
служба двум господам,
их так всем видно —
Бог и маммона.
Не то я сказал?
Так все это рядом:
жертва, шакал,
меч в его руке,
уже уставшей во брехне,
запутавшиеся все,
но покаянья нет —
гордыня с хамством
шлемом на их голове.

12.02.11

***

Белая осень.
По белой траве изморозь
первая,
а во дворе — белые танцы
под белой луной.
Я ожидаю взгляд твой
родной,
в белых руках нежность,
любовь.
Белые лица под вечной
луной,
над рекой клубится
туман белый,
и не спится
многим в эту ночь.
Тихая музыка щиплет
в душе,
тихая музыка
в нашем дворе,
тихая музыка из моих
снов,
тихая музыка,
где только любовь...
Белая осень холодом
носит,
но в сердце тепло.
Белая осень...
Я все забросил,
оставил тебя,
и белого света
любовь...

12.02.11

***

Почти сто лет в пути,
вожди сменялись убылью
естественной,
вперед, все дальше нам идти
туда, где счастье всем обещано...
И знамя красное,
как скатерть-самобранка,
но скатерть — сказка, дефицит,
а знамя — то тут, то там
ветрит.
На знамена не жалели ткани,
их шили, шили,
под ними шли мы
стадотрядами,
рады, что скоро
светлый путь сойдет
на нет,
и будет площадь счастья
много лет.
Дорогою сбивали мы кресты,
сносили храмы,
и священники нам были, как враги —
ненавидели, душили их мы как могли,
строили всем клубы,
заводили танцы,
а деревни почему-то опустели
сами...
Все думали об этом, и ища
причины,
решили, что те люди
нас упредили,
дошли уже до пункта
счастья,
а села опустели,
как в ненастье:
пустые хаты,
упавшие тыны,
как хащи, бурьяны,

остатки люда, что уже
не шли, а ползали
от старости,
или пьяны...
И вдруг сломался путь
с живым вождем,
мы в другую сторону
теперь идем, почти назад.
Обещано снова
много коробов,
но путь как-то тернист
и, видно, что не светит
здесь боров,
обещанный на стол.
Путь кривой стал,
недалеким,
хоть строим снова храмы,
Бога просим,
но, видно, сдуло
самобранки,
в селах
хат пустых все больше,
спозаранку и птиц
не слышно пева...
Мы даже перестали думать:
право, лево, —
нас просто сносит,
может, за какой-то грех,
или не тот мы носим амулет.
Это уже не путь.
И слышен нервный смех,
от которого нас косоворотит...

16.02.11

***

Поэт остается поэтом всегда,
поэт может предать
только себя.
Поэты только себя
предают.
Память о них остается
всегда.
Только потом говорят:
это поэт, да!
А этот — менялся,
как флюгер,
ветрам служа,
сменяющимся режимам,
тиранам,
властям.

16.02.11

***

Эта страсть моя к тебе,
как море с бурей:
волны катятся стеной на берег.
Берег тот — душа моя,
веришь?
Редко штиль и тишина,
только тяжкая усталость
и болезни,
мысли тогда слабые
мне в утешение,
или забытье с другой,
на время...
Вдруг — снова шквал, буря,
веришь?
Ты красива, ты желанна,
но я сам с собой
призванный на борьбу,
победить себя не смог...
Волны, волны страсти!
Вот и ты уже узнала
тайную мою любовь
сначала,
но время наше отстучало,
страсть осталась,
в ней сгораю.

17.02.11

***

Дурости, идиотизму,
нашей элиты кретинизму,
нет конца
бесконечности глупца,
поднявшегося вверх, заправлять
страной, где канитель
заезженного, провинциального
трактиробардачка.
Какие-то слова о демократии:
что вот пришла, потом
почти ушла,
сейчас бороться нужно за
неё, почти что насмерть,
лучше из-за границы,
где у тебя есть все.
Я б тоже не хотел
иметь идеологию, что не удел,
какая-то национальная идея!
Так кто-то захотел,
но нет о ней толком ничего:
слова, болтня, билеберда,
и олигархи, как всегда —
уже и среди них борьба:
одни “великие”,
другие — ерунда.
Обидно? Да.
Тырки на миллиард,
а тебя туда, в низок,
где пролетариат —
грызня, возня:
шесть гетьманов в одном
райцентре.
А кто здесь виноват?
Да брось ты, блядь,
идея национальная — квадрат,
и цвет его — секрет.

Вокруг пыхтят, потеют
и хотят, но получается —
себе в карман.
Сломалась формула, слоган
не тот вклепался в рот.
Что бы не делали,
себе тянет, урод.
кроме, пардон, того, что
вам пришло,
бам-бам, в уме.
Забудьте, все не то.
Но время их уже впритык
вот подошло —
сурово время элитарного конца.
“Так что?”
“Я слушаю вас, господа!”

20.02.11

***

Огромная власть —
тяжелая власть.
Везде — власть, власть, власть,
как поезд тяжелый по
рельсам носится,
вроде бы, к точке какой-то
хочется, но маршруты
меняются исподволь, тихо:
то север, то юг,
то просится смыться.
Границы закрыты и на замке,
рельсы другие, пути не те —
сходу, слету не пролететь,
а менять тележки, колеса,
в Россию — опасно:
там бродят медведи.
Поезд скорость набирает нешуточно
скорую, как бы не в тупик,
а там — лететь огородами,
не чувствуя под собой земли
и ботаники,
долго не сможет железная
механика.
Застрянут и станут
под сараями, хатами,
где все опустело, и окна
забиты крест-на-крест солдатами.
Страшный сон или был
предстоящая?
Поезд носится по рельсам,
в февральских снегах
кочеряжится.

20.02.11

***

Они ненавидят людей,
называя их лохами, колхозами,
по всей территории бывшего
СССР,
поднявшиеся вверх на свет
жуки изподнавозные,
они ненавидят людей,
обзывая их лохами, колхозами,
поднявшиеся временно,
будто бы вверх,
бывшие парни колхозные.
В церквях звонят колокола,
храмы радуются празднику,
и за них молитва
от алтаря;
дойдет ли действительно
вверх?
Избалованы,
свалившимся счастьем
богатств
от крови народа обманутого,
вскружившиеся головы
недотеп
в скосившихся креслах
уже почти падающих,
потеряны поколения в золоте,
не готовые лечь в гробы.
Скоро придумают
пошлые утехы новые,
где тлетворно пахнет их жизнь.
Народонаселение,
казенным языком мурла,
с накопленной безумством
людским планеты
падалью слетят их тела.

23.02.11

Содержание

Подарок неба

«Миазмы мерзости...»	6
«Возьму совок, метлу и кочергу...»	8
«Ветер, когда-то чистый и свежий...»	10
«Во Вселенной тайной все покрыто...»	12
«Моя судьба...»	14
«Ветер волнами...»	16
«Поэт не ходит к прокурору...»	17
«По полю, по полю...»	18
«Люди “чистят” себя лекарством...»	20
«Покосы травы в мае...»	21
«Время скоро наступит такое...»	22
«Сине-белое небо...»	23
«Не принимаю стоны и слезы...»	25
«Я не боюсь...»	26
«И снова выстрел...»	27
«Как-то в казино играя в покер...»	29
«Под конец дня рабочего...»	31
«Стой! Руки к стене!..»	32
«В больнице на койке...»	33
«Бюрократия, олигархия...»	34
«В центре столицы...»	35
«Сегодня вот снова заблеяли...»	36
«Мир изменился...»	38
«Крила з неба падають наші...»	39
«Буднями серыми дни занавешены...»	40
«Онкологический центр...»	42
«Не всі із пантелику збиті...»	44
«На холодной траве...»	45
«Твій образ зі мною...»	46
«Слава комуністичній партії...»	48
«Що з нами час зробив цей...»	50
«Зарежем, убьем, укопаяем...»	51
«В цветах и травах луговых...»	52
«Ты ищешь любовь и страсть...»	53
«Моя война...»	54
«Предали, предавали...»	56
«Сполохи яркого света в ночи...»	58
«Был паровоз...»	60
«Я срублю тебе дом на реке...»	62
«Озверение озверевших...»	63

«Білим цвітом...»	65
«Нічна глибока тиша...»	66
«Платимо податки, дядьку...»	67
«Как научиться жить не убивая...»	69
«Бешенство и сказ...»	71
«Любовь не презерватив...»	72
«Я ждал тебя долго...»	73
«Я до тебе...»	75
«Не бросайте слов на ветер...»	76
«Спадає вечір в ніч ідучи...»	77
«До схід сонця...»	78
«Ветер играет твоей головой...»	80
«Редкая экономика...»	82
«В темноте своей...»	84
«Україно моя, двадцять літ незалежна!..»	86
«Белым, белым, белым...»	88
«Я закроюсь в пространстве...»	90
«Не переходите между вдовы...»	92
«От сытости жизни...»	94
«Старый дом...»	96
«На параде в честь главкома...»	97
«Почти как в той далекой-далекой...»	99
«В далекий звездный туман...»	101
«Локомотив по рельсам...»	103
«Гілками й листям...»	105
«По кругу клетки...»	106
«Шишка еловая в масло суется...»	108
«В пространстве расплавленном...»	109
«Не поучайте и не стройте народы...»	111
«Спливають світанки...»	112
«Электрический ток...»	113
«Боже! Сколько б не падал я...»	115
«Облака, облака...»	116
«Оскотиненные сладостью жизни...»	117
«Я жертвовал собой не раз...»	119
«У нас есть Бог...»	120
«Мій передвік...»	122
«Белая вишня от Бога...»	123
«От меня не услышите мата...»	124
«Мне не нужны премии...»	126
«Мета висоти — інші світи...»	127
«И снова в беспокойном сне...»	129
«Отстрелялись...»	130
«Люба моя!..»	132
«Не так сидим...»	133

«Мы все скучаем друг за другом...»	135
«Сидит какая-то облезлая...»	136
«И мнут их по баням...»	138
«Земельный вопрос...»	140
«Зелені бані...»	142
«В річці чистій...»	144
«В час, коли сонце закрилося...»	145
«Сплошная салютизация...»	147
«З кожним роком...»	149
«Друг был у меня...»	150
«Старый трамвай...»	152

Ти ворвалась со светом

«Красные розы...»	154
«Раскаленное солнце...»	155
«Вечное солнце...»	157
«Только деньги...»	158
«Рогатых алчность...»	160
«Самотня тополя...»	162
«На полі вже сосни, берези...»	163
«Мир плыл в какой-то...»	165
«Ночей любви забыть...»	167
«Предраcсвет...»	168
«Любовь горячей пулей в тело...»	169
«Стая птиц — от воды...»	171
«Ой, мамо...»	173
«Чим більше бачу...»	175
«Ніж у руки...»	176
«Лето...»	177
«Любовью мир взять...»	178
«Жизнь сжимает...»	180
«Помогите, помогите...»	181
«Законы, положения...»	183
«Все время в поисках слов...»	185
«Трепещет лист...»	187
«Паї землі дали таки й голоті...»	189
«КПСС отдыхает...»	190
«Мені життя б переписати...»	192
«Вечный поиск звезды в просторах...»	193
«Огромный зал...»	194
«Я не пройду незамеченным...»	196
«На родной пристани стою...»	198
«Пустыня где всё умирает...»	200
«Я жарю свое жариво...»	202
«Ржавое железо...»	203

«Туман над рекой...»	204
«Твоя любовь...»	206
«Слово с небес...»	208
«Пороки и страсти —...»	210
«Я подожду когда снег...»	212

Привкус счастья

«И снова площадь мне свободы...»	214
«Сегодня снова я увидел: ...»	215
«Якщо жити мені...»	216
«Гомосапиенсы...»	217
«Про реформы чув...»	218
«Мне сон приснился...»	219
«З дитинства вчила мене мати...»	221
«Мне синим ветром с вышины...»	223
«Жизнь в современном мире...»	225
«Страны совокупный продукт...»	227
«Тишина созерцания...»	229
«Пустые слова...»	231
«Серьезным стал с виду...»	232
«Спасибо вам...»	234
«Плывущей тьмы...»	235
«Мистика превращения...»	237
«Я буду работать пилорамой...»	238
«Я не смогу никогда!..»	239
«Буваю, відбуваю...»	240
«У нас демократия...»	242
«Осень...»	244
«Скільки людського непотрібу, хламу...»	245
«Какое-то мерзкое состояние...»	247
«Влада, стара-нова...»	248
«Моя країна — Україна...»	251
«Протяжный грохот...»	252
«В мені ще багато всього...»	253
«Я бегу, бегу...»	254
«Пусть это временно...»	256
«Был, говорили, социализм...»	258
«Мне хочется резкости...»	260
«Змеиным телом...»	263
«День! День!..»	265
«В грустных красок неба...»	266
«Сто лет будешь жить...»	268
«Дни тишины...»	269
«Тоска, фантомом...»	270
«Квіти літа...»	272

«Моя ты боль...»	273
«Я тебе люблю ...»	274
«Як лист зелений по весні...»	274
«Списков в мире много...»	275
«Приятный разговор...»	277
«Исчезнуть бы...»	279
«Тихая улица в липах, каштанах...»	281
«Дерев'яна цеберка —...»	284
«Капитализма победа...»	286
«Я мир не делю на ваших и наших...»	288
«У Всеукраїнському Розбраті, ...»	289
«Прошлое, как рукой...»	291
«Видим то, что видеть хочется...»	293
«Я видел бедность и одиночество...»	294
«Гиблым и неровным строем...»	296
«Придет время и перекрестишься —...»	298
«Франция восстала на цыган —...»	300
«В нашей стране —...»	303
«Анна!...»	306
«Записки любовные...»	308
«Я чуть-чуть верю...»	309
«Приоткрытый рот...»	310
«Ты ушла утром ...»	312
«Всюду крыши ветхие...»	314
«В памяти моей плохие и низкие...»	316
«Господи, спаси и сохрани!...»	317
«Ох и культура, едрена ж ты мать! — ...»	319
«Лист горячим цветом...»	320
«Нервы тянутся в нити, ...»	321
«Храм скромный и бедный...»	322
«В любви с тобой отгораем...»	323
«— Поза, позиція...»	325
«Сегодня в стране —...»	327

Учусь жить

«Жалость к людям...»	330
«Времени нет, а есть бесконечность...»	331
«Ты взорвала меня...»	333
«И снова спад...»	334
«Мне снова хочется туда, где весна...»	335
«Прутья стальные на окнах...»	336
«Враньем, брехней...»	338
«Что скажешь ты, человек...»	340
«Ты в мир вошел...»	341
«Я мечтал о твоей смерти...»	343

«Я хочу писать стихи...»	344
«Мамо! Я біжу по стежці...»	345
«Поет — це вже назавжди...»	346
«Ми шукаємо...»	347
«Золоті жита...»	348
«Сумеречные дали...»	349
«Интеллект во власти не ценится...»	350
«Мне в твое бы шоу...»	351
«Футбол и пиво...»	352
«Танцуют все!..»	354
«Вопросы, вопросы, вопросы...»	356
«Древней Софии площадь...»	358
«Не хочу, не хочу...»	359
«Этих мыслей эшелоны...»	361
«Счастлив, несчастлив...»	363
«Уже нет осени золотой...»	364
«Оторвись, народ!..»	365
«І знову вирує Майдан...»	367
«А время вносит холод, стужу...»	368
«Ах, эти черные, черные глаза!..»	370
«Я в осінь пізню...»	372
«Мы уродствуемся и скотинимся...»	373
«Народ запрягають...»	374
«Красоты выпиты...»	376
«В лісах казкових...»	377
«Сім'я там є — пенсіонери...»	378
«Черные вороны по небу —...»	379
«Ночью сегодня менты...»	381
«А мне туда, где все...»	383
«Обстоятельства, обязательства...»	385
«Так рьяно служить привидению...»	386
«Ты — человек...»	388
«Я тебе за добро...»	390
«В белом костюме...»	391
«Круг жизни скользнул...»	393
«Я переспал с молодой женой...»	395
«Мотлоху слів...»	397
«В небе ночном...»	398
«Белые-белые кони...»	400
«Судьба и жизнь мои...»	401
«Коли лежиш слабкий...»	402
«Оркестровая яма...»	403
«Массажисты, шофера, охранники —...»	405
«Стабильность...»	406
«Для того, чтобы править...»	407

«Какая власть...»	408
«Неужели теперь мне...»	409
«Такой же снег...»	410
«Сеющий зло...»	411
«Вечерние улицы города...»	412
«Снежный день...»	414
«Рік прийшов...»	415
«Тошнотворный запах крови...»	417
«Коммунистическая партия России...»	419
«Я считал себя давно...»	421
«Ночными потемками...»	422
«Вседозволенность времени...»	424
«Вчерашний день...»	425
«По стеклам фонарей стекают слезы...»	426
«Средств подручных в политике...»	427
«Сто п'ятдесят партій...»	429
«Я помню лес, траву...»	430
Брати волі	432
«Я слышу, Боже, звон колоколов...»	433
«Прорвавшись сквозь мрак...»	434
«Сірий, сірий світанок...»	436
«С экранов смотрит рыло...»	437
«А птахи летять, летять...»	438
«Працює віалка стара...»	439
«Прийде ще час, коли...»	440
«Сором владі за свої суди...»	441
«Чуть-чуть уставших глаз волна...»	442
«Революции сближают страны...»	444
«Время со свистом крутит колеса...»	446
«Меч в его руке...»	447
«Белая осень...»	448
«Почти сто лет в пути...»	449
«Поэт остается поэтом всегда...»	451
«Эта страсть моя к тебе...»	452
«Дурости, идиотизму...»	453
«Огромная власть...»	455
«Они ненавидят людей...»	456

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

М75   Белая вишня. *Поэтические тетради*. Т.2. — К.: Неопалима купина, 2011. — 464 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледяном одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор

Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка

Ганни СОЛДАТЕНКО

Художник

Валентина ПРОТОПОП

Художнє оформлення

Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 29.03.2011.

Формат 60х100 1/16

Фіз.друк.арк. 29,0. Ум.друк.арк. 32,18.

Зам. №

Видавництво «Неопалима купина», 01204 м.Київ, вул.Банкова, 2.

Свідоцтво про реєстрацію суб'єкта видавничої справи —
ДК №855 від 18.03.2002.

Відруковано у Видавничо-поліграфічному центрі «Київський університет»

01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43

Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.